

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1903.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Прощальное „Слово“, произнесенное 23-го февраля н. г. при послѣднемъ служеніи въ Харьковскомъ Наведральномъ Соборѣ. <i>Высокопреосвященнаго Флавіана, Митрополита Кіевского и Галицкаго</i>	199—201
Краткій обзоръ святительской дѣятельности Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ Митрополита Кіевского и Галицкаго, на Харьковской кафедрѣ и его отбытіе въ г. Кіевъ. <i>Л. Багрецова</i>	202—222
Взгляды песоимстическихъ мыслителей Шопенгауэра и Гартмана на религію, ея сущность и происхожденіе (окончаніе). <i>Профессора Харьковскаго Университета, Протоіерея Т. Буткевича</i>	223—240
Сущность христіанства (<i>Das Wesen des Christentums</i>). Лекціи профессора Берлинскаго университета Адольфа Гарнака (продолженіе). <i>В. Григорьева</i>	241—270

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

О причинахъ, создавшихъ нынѣшнее положеніе дѣла воспитанія нашего молодого поколѣнія, и о средствахъ для выхода изъ этого положенія. <i>С. Н. Беха</i>	127—152
Нѣсколько замѣчаній по поводу одной изъ біографій Будды Санья-Муни (<i>Lalitavistara</i>) (продолженіе). <i>Свящ. І. Трофимова</i>	153—168

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВОКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода: 1) Росписаніе учебныхъ предметовъ и уроковъ въ одноклассныхъ, двухклассныхъ, второклассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ. 2) Объ условіяхъ допущенія воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ приемныя экзамены въ духовныя академіи и 3) о празднованіи 19-го февраля.—Къ свѣдѣнію лицъ, желающихъ принести лепту памяти преподобнаго Серафима Саровскаго.—Отъ училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 уч. г. (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.



ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Цетровскій пер., д. № 17.

1903.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лѣвн, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г.—9 р. и 1902 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. „Панство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Рымъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

4. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерея Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1903 году.

Заявляя объ изданіи журнала „Вѣра и Разумъ“ въ 1902 году, редакція журнала извѣщала, что блаженная кончина основателя ея изданія, Архіепископа Амвросія, не будетъ имѣть вліянія на измѣненіе характера и направленія изданія. Въ Возвѣ почившій Архіепископъ всегда сохранялъ убѣжденіе, что въ наше время современное образованное общество, кромѣ религіозно-нравственнаго назиданія, нуждается въ опроверженіи различныхъ заблужденій, въ оправданіи и выясненіи христіанскихъ началъ жизни и вообще въ указаніи на гармоническое единеніе вѣры и знанія, — богооткровенной истины и человѣческой науки. Этимъ завѣтамъ почившаго іерарха журналъ нашъ останется вѣрнымъ и въ 1903 году; это же журнальное направленіе обязательно для редакціи и на будущее время, и обязательно тѣмъ болѣе, что оно находитъ благосклонное одобреніе, архипастырское благословеніе и высокое покровительство въ лицѣ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, преемника почившаго іерарха по святительской кафедрѣ. Соответственно съ этимъ журналъ нашъ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорнѣе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р.
съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г. 9 р. и 1902 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

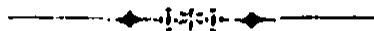
Кромь того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брапано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетто. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

4. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерея Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.



Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1902 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 28 Февраля 1903 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

Высокопреосвященнаго Флавіана,
МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО и ГАЛИЦКАГО,

произнесенное имъ 23-го Февраля н. г. при послѣднемъ служеніи его
въ Харьковскомъ Кааедральномъ Соборѣ.

*Отъ Господа стоиы чловѣку исправ-
ляются (Пс. 36, 23).*

Жизнь чловѣческая находится всецѣло въ рукахъ Божіихъ. Богъ даетъ чловѣку жизнь, Богъ посылаетъ ему и смерть. Въ продолженіе жизненнаго поприща Богъ ведетъ чловѣка путями, вѣдомыми только Ему единому. Господь милуетъ и наказуетъ. *Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ; Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и возситъ* (2 Цар. 2, 6).

По слову Христову, ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы нашей безъ воли Отца Небеснаго (Мѡ. 10, 30), т. е. ни одно самомалѣйшее событіе въ жизни каждаго чловѣка не совершается безъ соизволенія Божія.

Мнѣ выпалъ жребій испытать на себѣ, въ особенно поразительной степени, водительство Божіе. Меня, нѣкогда самаго скромнаго послушника обигели иноческой, котораго признавали только способнымъ къ однимъ простымъ послушаніямъ монастырскимъ, не одареннаго никакими выдающимися талантами, не обладающаго обширными познаніями, Господь повелъ такимъ необычнымъ жизненнымъ путемъ и привелъ къ

такому высокому положенію, о которомъ я не только не могъ и помыслить, но которое по всѣмъ человѣческимъ расчетамъ и предположеніямъ казалось даже и невозможнымъ. Во истину, неисповѣдимы пути Божіи и чудны дѣла Его! Мнѣ остается только удивляться, благоговѣть и преклоняться предъ величествомъ милостей Божіихъ, излитыхъ на мое недостойнство, и съ недоумѣніемъ вопрошать себя: за что мнѣ сіе?

На длинномъ жизненномъ пути моемъ, Господу угодно было провести меня чрезъ много разныхъ мѣстъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ бы для отдохновенія, оставлять на болѣе или менѣе продолжительное время. *На послѣднихъ дняхъ* Господь привелъ меня, братія, и къ вамъ въ Харьковъ. Съ небольшимъ годъ тому назадъ, я съ большою радостью принялъ мое назначеніе сюда, такъ какъ оно согласовалось и съ личнымъ моимъ желаніемъ. Утомленный продолжительнымъ служеніемъ на окраинахъ, среди иновѣрнаго и инородческаго населенія, я думалъ найти здѣсь, среди исключительно русскаго православнаго народа, духовную отраду и успокоеніе.

Ожиданія мои не обманули меня. Въ Харьковѣ я встрѣтилъ со стороны васъ радушіе, любовь, расположеніе и благожелательство. Съ большимъ утѣшеніемъ я совершалъ богослуженіе въ благолѣпныхъ храмахъ харьковскихъ, всегда переполненныхъ молящимися. Я видѣлъ сочувственный откликъ на всѣ мои благія начинанія къ возможно полному удовлетворенію вашихъ духовныхъ потребностей и вашей духовной жажды. Я радовался успѣхамъ моихъ начинаній, надѣялся усугубить еще мою дѣятельность въ этомъ отношеніи и одного только желалъ, чтобы до конца дней моихъ не оставлялъ Харькова и въ немъ найти для себя мѣсто вѣчнаго успокоенія.

Но Господь судилъ иначе. И вотъ, совершенно неожиданно я получаю другое, высшее назначеніе и долженъ покинуть васъ навсегда; сегодня въ послѣдній разъ совершаю служеніе въ семь храмъ и въ послѣдній разъ молюсь съ вами. Сильно скорбитъ душа моя при разлукѣ съ вами, возлюбленные! Но *отъ Господа стогны челоуѣка исправляются*, и, покорный зову Божію, я долженъ идти въ другое мѣсто продолжать жизненный путь мой.

Уходя же отъ васъ, я унесу самыя лучшія, самыя теплыя воспоминанія о недолгомъ пребываніи моемъ у васъ и сохраню ихъ до конца дней моихъ. Ни отъ кого не видѣлъ я здѣсь ни зла, ни обиды и ухожу съ полнымъ душевнымъ миромъ, а если кого чѣмъ либо обидѣлъ, или озлобилъ, или не исполнилъ просимаго, то смиренно прошу простить меня. Отпустите меня съ миромъ и помолитесь о мнѣ, чтобы Господь не оставлялъ меня своею всеильною помощію и на новомъ мѣстѣ моего служенія.

Вамъ же всѣмъ Господь да даруетъ преуспѣвать во всякомъ дѣлѣ блазъ, сотворити волю Его, творя въ васъ благоуродное предъ Нимъ, Исусомъ Христомъ: Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь (Евр. 13, 21).

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

святительской дѣятельности Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, на Харьковской кафедрѣ и его отбытіе въ г. Кіевъ.

24-го февраля н. г., во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества изволенія, Членъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Высокопреосвященный Флавіанъ, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, назначенный Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Кіево-Печерскія Успенскія лавры священно-архимандритомъ, оставилъ Харьковскую кафедру и отбылъ къ мѣсту своего новаго служенія.

Въ рѣчи своей при вступленіи на кафедру Харьковской епархіи Высокопреосвященнѣйшій Владыка говорилъ: „Наше служеніе пастырское, какъ продолженіе дѣла служенія *Пастыря Великаго* (Евр. XIII, 20) Христа, есть *служеніе примиренія*“. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обѣщаль своей новой паствѣ, что „при помощи Божіей и содѣйствіи ближайшихъ сотрудниковъ и сопастырей своихъ, онъ потщится, всѣми зависящими отъ него средствами, поддержать все то, что сдѣлано было на пользу Церкви и паствы Харьковской присвопамятнымъ святителемъ Амвросіемъ, и приложить все стараніе, все умѣніе свое къ тому, чтобы направить (своихъ пасомыхъ) на путь спасенія“. Этимъ благимъ и истинно архипастырскимъ пожеланіямъ Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ оставался вѣренъ во все время своего святительствованія на Харьковской кафедрѣ. Этимъ духомъ проникнуты были всѣ его архипастырскія дѣянія въ нашей епархіи. Естественно поэтому, что и Харьковская паства слѣдила за всѣми его дѣяніями съ истинною любовію и сыновнимъ новиновеніемъ и теперь разсталась, съ этимъ добле-

ственнымъ архипастыремъ съ глубокою признательностію и благодарными воспоминаніями о немъ, не смотря на то, что она сравнительно недолгое время (14 мѣсяцевъ) находилась подъ его мудрымъ водительствою.—Съ истинною любовію, признательностію и благодарными воспоминаніями разстается съ Высокопреосвященнымъ Флавіаномъ и редакція нашего журнала, пользовавшаяся его постояннымъ, мудрымъ и благосклоннымъ къ ней вниманіемъ.—Не наступило еще время подводить подробные итоги всему тому, что сдѣлалъ Владыка для Харьковской епархіи, но при отбытіи его къ новому мѣсту святительскаго служенія мы рѣшаемся однакоже указать хотя главнѣйшія проявленія его архипастырской заботливости о благѣ Церкви и подвѣдомой ему Харьковской паствы, а также рассказать кратко и о самыхъ проводахъ Его Высокопреосвященства въ г. Кіевъ.

Вступивъ въ управление Харьковской епархіей, Высокопреосвященный Флавіанъ обратилъ свое вниманіе прежде всего на подвѣдомые ему монастыри. Забота Архипастыря о духовной жизни монастырской братіи какъ Покровскаго монастыря, гдѣ Владыка состоялъ настоятелемъ, такъ равно и всѣхъ другихъ монастырей епархіи, всецѣло направлялась къ достиженію строгаго осуществленія монастырской жизни. Высокопреосвященный Флавіанъ достигалъ этого отеческою любовію, мудрою предусмотрительностію и попечительностію о монашеской жизни. Послѣдствіемъ такого обращенія явилась истинная любовь и уваженіе братіи къ своему Архипастырю; начиная со старшихъ архимандритовъ, іеромонаховъ и игуменій и кончая младшими иноками и инокинями, всѣ относились къ Высокопреосвященному, какъ дѣти къ мудрому и любящему отцу. Особенно заботился Владыка о благолѣпномъ и правильномъ совершеніи службъ церковныхъ въ монастыряхъ, и объ украшеніи монастырскихъ церквей.

Затѣмъ Высокопреосвященный Флавіанъ остановилъ свое вниманіе на главномъ органѣ епархіальнаго управленія—духовной консисторіи. Будучи самъ человекомъ правды и глубокимъ знатокомъ церковно-каноническихъ постановленій, онъ строго слѣдилъ за правильнымъ и быстрымъ теченіемъ дѣлъ

въ своей консисторіи и послѣ произведенной, по его мысли, ревизіи консисторіи, старался о возможно скорѣйшемъ устраненіи всѣхъ открывшихся дефектовъ. Требуя отъ чиновниковъ консисторіи исправнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, онъ въ то же время наблюдалъ, чтобы членами консисторіи являлись лица, дѣйствительно заслуживающія особаго довѣрія по своей образованности, опытности и добросовѣстности.

Глубоко скорбя о томъ, что въ наши дни, какъ говорилъ онъ въ своей первой рѣчи при вступленіи на Харьковскую кафедру, многія изъ чадъ православной Церкви охладѣваютъ къ своей родной вѣрѣ, уклоняются отъ Церкви, не исполняютъ ея постановленій и съ полнымъ равнодушіемъ относятся къ дѣлу своего спасенія, онъ заботился объ установленіи добрыхъ, искреннихъ отношеній между нимъ—Архипастыремъ и пастырями, а чрезъ нихъ и со всею паствою епархіи. Для этого онъ старался возможно ближе ознакомиться съ своими непосредственными подчиненными и помощниками въ дѣлѣ общаго служенія св. Церкви. Самымъ лучшимъ средствомъ для ознакомленія съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ и съ паствою вообще Владыка считалъ путешествіе по епархіи. По этому вскорѣ же по вступленіи на Харьковскую кафедру Высокопреосвященный Флавіанъ началъ обозрѣвать прежде всего приходскіе храмы г. Харькова. Подробно спрашивая о.о. настоятелей о состояніи ихъ приходовъ, Владыка въ то же время преподавалъ имъ самыя разнообразныя, практически—необходимыя наставленія о томъ, какъ должно поступать въ недоумѣнныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни и служенія. Высокопреосвященный, готовился сдѣлать лѣтомъ истекшаго года обзоръ и всей Харьковской епархіи вообще, но это намѣреніе не привелось ему выполнить, такъ какъ въ началѣ мая послѣдовало Высочайшее соизволеніе на вызовъ Владыки въ С.-Петербургъ для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ въ качествѣ его первоприсутствующаго члена. Возвратившись затѣмъ 24-го сентября въ Харьковъ, Высокопреосвященный пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ посѣтить ту или иную церковь въ уѣздахъ и продолжалъ знакомиться съ состояніемъ при нихъ своей паствы. Дѣя-

тельнымъ и мудрымъ помощникомъ Владыки при ознакомленіи его съ бытомъ духовенства и съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ паствы являлся Преосвященный Викарій Харьковской епархіи Стефанъ, Епископъ Сумскій. Не мало, наконецъ, этому ознакомленію способствовали и тѣ бесѣды, которыми Высокопреосвященный удостоивалъ многихъ изъ подвѣдомственнаго ему духовенства. Знакомясь, такимъ образомъ, съ бытомъ духовенства и съ его отношеніемъ къ своему дѣлу, Владыка употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы священники его епархіи являлись *пастырями добрыми, приво правящими слово истины*. Многое въ этомъ отношеніи удалось сдѣлать ему, не смотря на непродолжительное управленіе имъ Харьковской епархіи. Замѣчательна его забота о томъ, чтобы духовныя мѣста (т. е. приходы) были занимаемы лицами вполне достойными. Преимущество онъ всегда оказывалъ лицамъ, получившимъ высшее богословское образованіе или же окончившимъ курсъ въ духовной семинаріи. Что касается до лицъ, ищущихъ сана священника и діакона или должности псаломщика, но не окончившихъ курсъ въ академіи или семинаріи, то таковыя должны были предварительно подвергнуться испытаніямъ. Правила для производства этихъ испытаній были выработаны особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго, а затѣмъ окончательно просмотрѣны, исправлены и утверждены Его Высокопреосвященствомъ 7 января текущаго года ¹⁾. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ его мудрой заботливости о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня вѣреннаго ему духовенства. Заботясь о томъ, чтобы кандидатами на духовныя мѣста являлись лица достойныя, Владыка, воспитанный въ школѣ послушанія постановленіямъ Церкви, наблюдалъ въ то же время и за тѣмъ, чтобы подвѣдомое ему духовенство тщательно соблюдало добрыя завѣты старины и заботилось о красотѣ и благолѣпін церковнаго богослуженія. Онъ съ глубокою скорбію узнавалъ, что есть люди въ Харьковской епархіи, которые „впадаютъ въ секты и ереси, дѣлаются врагами Церкви, воз-

¹⁾ Правила эти напечатаны въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“ при журналѣ „Вѣра и Разумъ“, № 2 за т. г., стр. 33—41.

стають на нее и даже дѣлають къ его ужасу открытыя нападенія на храмы Божіи“. Прекрасно сознавая при этомъ, что успѣхъ пастырскаго дѣланія зависитъ не столько отъ внѣшнихъ мѣропріятій, сколько является слѣдствіемъ благодатной жизни самаго пастыря и его духовнаго подвига, Высокопреосвященный Флавіанъ въ бесѣдахъ съ духовенствомъ внушалъ, чтобы оно слѣдило за своей жизнію и заботилось о собственномъ просвѣщеніи и нравственномъ возвышеніи. Желая же доставить безбѣдное существованіе своему духовенству, Владыка дѣятельно заботился объ изысканіи для этого средствъ. По его ходатайству причты многихъ бѣдныхъ приходоу епархіи были обезпечены казеннымъ жалованіемъ. Особенно Владыка заботился объ обезпеченіи духовенства тѣхъ приходоу, которые доселѣ продолжаютъ быть еще зараженными сектанствомъ. Будучи строгимъ къ самому себѣ, Владыка былъ архипастырски требователенъ къ тѣмъ членамъ духовенства, которые являлись невнимательными или перадивыми къ дѣлу своего призванія. Но Владыка умѣлъ цѣнить истинныхъ пастырей, поощрять ихъ самъ и представлялъ къ наградамъ. Въ благопотребныхъ случаяхъ онъ не только разрѣшалъ празднованіе юбилеевъ добрыхъ пастырей, но даже удостоивалъ эти празднества своимъ присутствіемъ.

Зная, какъ дорогъ храмъ для вѣрующаго человѣка на Руси и необходимъ въ дѣлѣ поддержанія и развитія въ немъ жизни церковной, Владыка всегда съ любовію относился къ церковному строительству. За свой краткій срокъ пребыванія на Харьковской кафедрѣ Владыка освятилъ нѣсколько церквей, какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и въ уѣздахъ. Благодаря же стараніямъ Владыки изысканы средства и для храмовъ, которымъ суждено украшать Харьковъ въ недалекомъ будущемъ. Зная по опыту, затѣмъ, какое вліяніе оказываетъ на насомыхъ духовная бесѣда, Владыка, вскорѣ же по своемъ прибытіи въ Харьковъ, предложилъ духовенству вести внѣ-богослужебныя собесѣдованія съ народомъ. По его иниціативѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана, епископа Сумскаго, Комиссія для выработки устава общепархіальнаго религіозно-просвѣтительнаго Братства, ка-

ковой Комиссіи поручено было начать организацію внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій и религіозно-нравственныхъ чтеній въ г. Харьковѣ. Эти собесѣдованія быстро увеличивались по мѣсту ихъ веденія и въ настоящее время они ведутся въ большей части городскихъ Харьковскихъ отчасти и уѣздныхъ храмовъ въ опредѣленные часы, именно—послѣ воскресныхъ вечерець. Наблюдая за всѣми движеніями народной жизни, Высокопреосвященный Флавіанъ, какъ самъ шель, такъ и духовенству рекомендовалъ идти на встрѣчу религіознымъ нуждамъ народа и, съ одной стороны, обличать суевѣрія и предрасудки темнаго простонародья, особенно раскольническія заблужденія, а съ другой—развивать и уяснять различныя истины христіанскаго вѣро-и-нравоученія. По соизволенію Владыки для собесѣдованій съ отдѣлившимися отъ лона православной Церкви раскольниками пріѣзжалъ неоднократно и извѣстный борець за истину православія, о. протоіерей Ксеноф. Крючковъ. Мудро стоя на стражѣ духовныхъ интересовъ ввѣренной паствы, Харьковскій Архипастырь употреблялъ всѣ усилія и къ тому, чтобы парализовать вліяніе фанатичныхъ, упорствующихъ въ своихъ заблужденіяхъ различныхъ сектантовъ. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ миссіи въ епархіи: увеличилъ составъ членовъ Миссіонерскаго Совѣта, лично руководилъ занятіями послѣдняго, оказывалъ необходимыя поддержки извѣстному епархіальному миссіонеру Д. И. Боголюбову и вообще усиленно слѣдилъ за всѣмъ, что касалось борьбы съ сектантствомъ и раскольниками. Онъ говорилъ: „Молю всѣмъ сердцемъ, да пошлетъ Господь миръ и этимъ мятущимся душамъ, и колеблющимся, и ставшимъ внѣ ограды Церкви Христовой. И къ нимъ обращаю, гласомъ любви и скорби, мою просьбу умириться духомъ, возвратиться въ любвеобильное лоно Церкви православной“. Таковъ былъ главный характеръ его дѣятельности въ отношеніи къ этимъ заблуждающимся. Не забыты были Высокопреосвященнымъ Флавіаномъ на Харьковской каѳедрѣ и церковно-приходскія школы—это орудіе религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа. Заботясь о количественномъ ихъ увеличеніи, Владыка въ то же время старался и о ихъ

лучшей организаціи. Благодаря его ходатайству, увеличена на 1903 г. сумма по содержанію церковныхъ школъ въ епархіи.

Незабвеннымъ памятникомъ дѣятельности Высокопреосвященнаго Флавіана въ Харьковѣ останется и то добро, какое было оказано имъ духовно-учебнымъ заведеніямъ.—По его ходатайству, увеличена была сумма по содержанію духовной семинаріи. По его же предложенію, было открыто братство св. Великомученицы Варвары, имѣющее цѣлью оказать всѣмъ, безъ различія успѣховъ и званія, нуждающимся ученицамъ епархіальнаго училища пособій въ уплату за свое содержаніе. Это братство, состоявшее подъ покровительствомъ Его Высокопреосвященства, предоставляетъ возможность бѣднымъ ученицамъ училища изучать необязательные предметы, выдаетъ нуждающимся при поѣздкѣ ихъ на каникулы: платье, обувь, бѣлье и т. д. Какъ къ наставникамъ семинаріи и духовныхъ училищъ, такъ и наставницамъ епархіальнаго женскаго училища и ко всѣмъ учащимся Владыка относился истинно по отечески. Семинарія удостоивалась неоднократно видѣть его въ своихъ стѣнахъ: онъ неоднократно совершалъ богослуженія въ семинарскомъ храмѣ, присутствовалъ на урокахъ, на экзаменахъ и на торжественныхъ собраніяхъ. Что касается до свѣтскихъ учебныхъ заведеній епархіи, то Высокопреосвященный посѣщалъ и ихъ, присутствуя на урокахъ Закона Божія и на экзаменахъ.

Съ особенною же признательностію и благодарностію редакція журнала „В. и Р.“ воспоминаетъ о его благосклонномъ и просвѣщенномъ покровительствѣ, оказанномъ имъ этому изданію. Вполнѣ раздѣляя убѣжденіе приснопамятнаго Архіепископа Амвросія о необходимости въ наше время научно опровергать различныя заблужденія, оправдывать и выяснять христіанскія начала жизни и вообще указывать на гармоническое единство богооткровенной истины и человѣческой науки, вѣры и знанія, Высокопреосвященный Флавіанъ весьма сочувственно относился къ изданію нашего журнала, слѣдилъ за всѣмъ, что касается внѣшней и внутренней его стороны, рекомендовалъ тѣ или иныя статьи и вообще всегда былъ той опорой, которая такъ необходима при веденіи такого дѣла въ провинціи, какъ веденіе духовнаго журнала.

Такова, кратко говоря, была жизнь и дѣятельность святи-теля во время его управленія Харьковской епархіей. Полны поэтому глубокой истины высказанныя Государемъ Импера-торомъ выраженія въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Его Высокопреосвященства: „Многолѣтніе и полезныя для православной Церкви труды ваши въ Китаѣ и въ епархіяхъ, преемственно вамъ ввѣряемыхъ, побуждаютъ МЕНЯ, по кончинѣ приснопамятнаго Преосвященнаго Теофоста, призвать васъ на старѣйшую кіевскую архіерейскую кафедру въ санѣ митро-полита Кіевскаго и Галицкаго“. Умудренный богатымъ опы-томъ, сопровождавшимся во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ явною благодатною помощью Божіей, высокопреосвященный Флавіанъ встрѣтитъ не мало, конечно, труда и въ Кіевѣ— матери градовъ русскихъ. Святая Церковь наша ждетъ отъ него этихъ трудовъ.

Да управитъ же Господь путь Высокопреосвященнаго митрополита Флавіана къ благу и добру родной намъ Церкви и да сохранитъ его въ мирѣ, цѣла, честна, здрава и долгоден-ствующа, право правяща слово Его истины!

Узнавъ о назначеніи высокопреосвященнаго Флавіана на Кіевскую митрополию, преосвященный Викарій Харьковской епархіи Стефанъ, епископъ Сумскій, представители духовенства, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, 4-го февраля н. г. привѣтствовали Владыку съ высокимъ на-значеніемъ. Въ этотъ и слѣдующіе дни митрополитомъ Флавіаномъ получено было множество поздравительныхъ телеграммъ и писемъ. Между прочимъ, отъ имепи гра-жданъ города Кіева Владыку привѣтствовалъ Кіевскій городской голова г. Проценко телеграммой въ слѣдующихъ выраженіяхъ.—„Граждане Кіева радостно привѣтствуютъ Ваше Высокопреосвященство съ назначеніемъ митрополи-томъ Кіевскимъ и испрашиваютъ Вашего архипастырскаго благословенія и молитвъ“. На это привѣтствіе Владыка изво-лилъ отвѣтить: „Сердечно благодаря за привѣтствіе, молит-венно призываю благословеніе Божіе на гражданъ богоспа-саемаго Кіева“. Свой отъѣздъ въ Кіевъ Высокопреосвященный

назначилъ на 24 февраля. Передавъ временное управленіе епархіей преосвященному Стефану, митрополитъ Флавіанъ посѣтилъ затѣмъ духовно-учебныя заведенія г. Харькова. 11-го февраля Владыка изволилъ совершить соборнѣ божественную литургію въ церкви духовной семинаріи. Въ концѣ богослуженія Его Высокопреосвященство, обратившись къ воспитанникамъ, сказалъ приблизительно слѣдующее.—„Возлюбленные юноши! Сегодня я совершилъ въ этомъ храмѣ послѣднее служеніе. Не долго мнѣ Господь привелъ править Харьковской епархіей и руководить вами, такъ что я не успѣлъ даже узнать всѣхъ васъ. Но и за краткій срокъ своего пребыванія въ Харьковѣ я успѣлъ уже полюбить васъ. Я любилъ участвовать въ вашемъ чинномъ и благоговѣйномъ богослуженіи, я съ интересомъ слѣдилъ за вашими успѣхами въ продолженіе учебнаго года, за вашими отвѣтами на урокахъ и на экзаменахъ и вашимъ поведеніемъ. За все время моего служенія въ Харьковѣ вы не позволили себѣ ни одного проступка, который бы бросилъ тѣнь на семинарію. Но меня особенно радовало то, что оканчивающіе курсъ въ Харьковской семинаріи не оставляли духовнаго вѣдомства и служенія въ духовномъ санѣ, къ которому готовились. Я никогда не встрѣчалъ недостатка въ кандидатахъ на священническія мѣста изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи. Дай Богъ, чтобы и вы, по выходѣ изъ этого разсадника духовнаго просвѣщенія, шли по духовной службѣ. Жизнь пастыря—наиболѣе содержательная и осмысленная. Усердно готовьтесь къ прохожденію пастырскаго служенія. Пастырь это свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ; своимъ ученіемъ и жизнію онъ долженъ просвѣщать пасомыхъ, быть для нихъ примѣромъ. Одушевитесь же высотой предстоящаго вамъ назначенія. Не поддавайтесь внушеніямъ враговъ Церкви Христовой, которые и лъстивыми рѣчами, и писаніями стараются совратить васъ съ пути истины. Вотъ мои послѣднія вамъ наставленія! Благословеніе Господне да будетъ надъ всѣми вами!“ По окончаніи литургіи Владыка благословилъ всѣхъ воспитанниковъ семинаріи, учениковъ образцовой при ней школы, всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ и затѣмъ направился въ квартиру о. ректора семинаріи прот. І. П. Знаменскаго.

Преподавъ здѣсь благословеніе всей семинарской корпораціи, онъ милостиво изволилъ принять ея предложеніе—раздѣлить прощальную трапезу съ нимъ. Во время трапезы о. ректоръ семинаріи, отъ лица корпораціи, обратился къ Его Высокопреосвященству съ глубокопрочувствованною рѣчью, въ которой прежде всего благодарилъ Владыку за его любовь ко всѣмъ учащимъ и учащимся, постоянную отзывчивость и вниманіе къ нуждамъ семинаріи и снисхожденіе ко всѣмъ—неизбѣжнымъ въ каждомъ человѣческомъ учрежденіи—недочетамъ. Затѣмъ, просилъ Высокопреосвященнаго и на будущее время не оставить семинарію своимъ высокимъ покровительствомъ и наконецъ пожелалъ ему возможнаго благополучія на многія и многія лѣта. Въ отвѣтной рѣчи митрополитъ Флавіанъ, поблагодаривъ о. ректора и всю корпорацію за добрыя пожеланія, выразилъ свое удовольствіе по поводу постановки учебной, воспитательной и административной сторонъ семинаріи и пожелалъ ей процвѣтанія и на будущее время. Послѣ этого поднялся второй редакторъ журнала „Вѣра и Разумъ“ ст. сов. К. Е. Истомина и въ рѣчи, обращенной къ Его Высокопреосвященству, указалъ на тотъ, по истинѣ чудесный путь, которымъ Владыка шелъ отъ самыхъ низшихъ ступеней ивоческихъ и до настоящей митрополичьей кафедры. Онъ указалъ, далѣе, на разнообразіе пастырскаго и архипастырскаго служенія Высокопреосвященнаго въ самыхъ отдаленныхъ и разнообразныхъ мѣстахъ Россіи, на которыхъ онъ всегда являлъ себя на высотѣ своего призванія. Отмѣтивъ, затѣмъ, среди другихъ рѣдкихъ качествъ Владыки то, что Его Высокопреосвященство оцѣнивалъ подвѣдомственныхъ ему лицъ по голосу своего чуткаго сердца, отличался всегда сердечнымъ, живымъ отношеніемъ ко всѣмъ подчиненнымъ, онъ провозгласилъ Владыкѣ также пожеланіе многихъ лѣтъ служенія на пользу Церкви и Общества. По окончаніи трапезы, Владыка изволилъ всѣхъ благословить и затѣмъ отбылъ изъ семинаріи, напутствованный самыми благими пожеланіями.

Въ воскресенье, 23-го февраля, высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ совершилъ послѣднюю литургію въ Харьковскомъ

каедральномъ соборѣ и затѣмъ изволилъ прощаться съ своею бывшею Харьковскою паствою. Его Высокопреосвященству сослужили преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, четыре архимандрита, каедральный прот. С. Н. Любицкій и др. священнослужители. Въ концѣ литургіи Высокопреосвященный обратился къ присутствовавшимъ въ храмѣ съ прощальнымъ и глубоко-поучительнымъ словомъ на текстъ: „Отъ Господа стопы человеку исправляются“ (Пс. 36, 23) ¹⁾. По окончаніи литургіи Его Высокопреосвященство въ сослуженіи преосвященнаго Стефана, архимандритовъ и всего городского духовенства совершилъ молебствіе—чинъ православія, положенный по уставу Церкви въ недѣлю православія. Храмъ былъ переполненъ молящимися. По окончаніи богослуженія, присходило прощальное чествованіе каедральнымъ духовенствомъ своего отъѣзжающаго архипастыря, и ему былъ поднесенъ образъ св. Николая, при чемъ каедральный протоіерей С. Н. Любицкій обратился къ Его Высокопреосвященству съ рѣчью, въ которой высказалъ, что Владыка служилъ для всѣхъ образцомъ кротости, правиломъ вѣры, учителемъ воздержанія, и просилъ его не забывать харьковцевъ въ своихъ молитвахъ. Принявъ поднесенный образъ, Высокопреосвященный благодарилъ духовенство каедральнаго собора. Благословивъ затѣмъ всѣхъ присутствовавшихъ въ соборѣ, онъ прослѣдовалъ въ свои покои, гдѣ ко времени его прибытія собралось уже все городское духовенство и старосты городскихъ церквей. По входѣ Митрополита, провозглашено было ему многолѣтіе и затѣмъ благочинный Харьковскихъ городскихъ церквей прот. П. Полтавцевъ прочелъ отъ лица городского духовенства и церковныхъ старостъ адресъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій архипастырь и отецъ!

„Верховный Пастыреначальникъ Христось призываетъ васъ нынѣ къ инымъ овцамъ стада Своего и поставляетъ васъ на высшемъ свѣщницѣ святой Своей Церкви: на митрополичьей каедрѣ древне-стольнаго Кіева. Съ благоговѣніемъ прекло-

¹⁾ Слово это напечатано въ началѣ настоящей книжки журнала „В. и Р.“.

няемся предъ волею Божіею; вѣруемъ, что Господь, воздвигающій челоуѣка, потребнаго во время для людей и странъ (Ис., сына Сирах., X, 4), соблаговолилъ тако для вѣщаго блага и преуспѣянiя кiевской паствы, и глубоко радуемся за такую милость Божию къ насельникамъ Кiевскія страны.

„Господь судилъ вамъ не долго пастырствовать надъ нами. Но истинное добро тѣмъ и велико, что господствуетъ надъ временемъ и оставляетъ неизгладимые слѣды всюду, гдѣ оно открылось людямъ. И ваше кратковременное святительство въ этомъ отношенiи необыкновенно въ исторiи Харьковской епархіи. Вы совершенно и безраздѣльно покорили себѣ сердца и пастырей и паствы и привлекли ихъ къ себѣ крѣпкими узами правды, мира и любви.

Вы шествовали въ своемъ пастырствованiи путемъ спокойнаго, глубоко-серьезнаго, сосредоточеннаго и мирнаго, неуклопнаго труда во славу св. Церкви. Мудрое, опытное, озаренное духомъ св. вѣры святительство ваше естественно призвало всѣхъ насъ къ усердному и честному служенiю пастырскому и общественному долгу. Величавый и обаятельный примѣръ вашей личной дѣятельности всѣхъ привлекалъ подражать ей, и общая единопущная работа во славу св. Церкви оживилась безъ нарочитыхъ и оффиціальныхъ на то повелѣній. Этимъ вы создали для вашихъ помощниковъ и всѣхъ насъ, харьковскихъ пастырей, ту нравственную атмосферу, въ которой каждый дышалъ бодро, свободно, и, радуясь настоящему, съ вѣрою взиралъ на будущее. Съ мудрою проникательностью, съ усердіемъ любящаго отца вникая въ жизнь паствы, вы въ короткое время вызвали очевидный для всѣхъ, удивительный и отрадный подъемъ духа во всѣхъ сторонахъ церковно-епархіальной жизни. Съ какимъ вниманiемъ и доброжелательствомъ вы содѣйствовали улучшенiю учебнаго дѣла и жизни воспитываемыхъ въ духовно-учебныхъ заведенiяхъ: заботились объ улучшенiи ихъ содержанiя, упрощали излишніе по нимъ расходы и облегчали тѣмъ церкви и духовенство; вызывали упорядоченіе и строгость въ веденiи отчетностей, предоставляли значительную свободу епархіальнымъ създамъ по обсужденiю вопросовъ о духовныхъ школахъ. Вы радовали сіи учебныя

заведенія своимъ частымъ и усерднымъ богослуженіемъ въ ихъ храмахъ и всегда охотно и сердечно отзывались на ихъ скромныя торжества. Ревнуя о лучшемъ и практичнѣйшемъ устроеніи епархіальной благотворительности, вы обратили особливое и тщательнѣйшее вниманіе духовенства на епархіальный сиротскій пріютъ и вызвали его на реформированіе сего учрежденія. Въ области епархіальнаго управленія вы въ разныхъ направленіяхъ съ настойчивостью и мудрою постепенностью оживляли духъ законности, безпристрастія, дѣловитости и сознанія нравственной отвѣтственности. При общемъ подъемѣ духа городское духовенство съ замѣтною энергіей выступило на поприще религіозно-просвѣтительное и во всѣхъ своихъ благихъ начинаніяхъ въ этомъ отношеніи видѣло въ васъ высокаго покровителя и мудраго наставника: возникли проповѣдническіе кружки, открылись пастырскія собесѣдованія во многихъ пунктахъ города; къ общей радости осуществилась давно лелѣянная пастырями мысль объ учрежденіи въ г. Харьковѣ религіозно-просвѣтительнаго братства; миссіонерская дѣятельность духовенства приведена въ большую систему и опредѣленность. Придавая богослуженію значеніе души и главной двигательной силы въ церковно-религіозной жизни, вы, возлюбленный архипастырь, и своими наставленіями, и своимъ неотразимымъ примѣромъ учили городское духовенство необходимой уставности, благолѣпію, усердію, благоговѣнію и осмысленности въ совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ и требъ. При всемъ этомъ вы многостороннюю и плодотворную свою дѣятельность проявляли въ духѣ величавой простоты, обаятельной привѣтливости, искренней доброты и любви къ каждому, обращавшемуся къ вамъ. Вы требовали не приказывая, взыскивали не карая, наказывали утѣшая и ободряя, отказывали убѣждая: каждый выходилъ отъ васъ, унося въ душѣ своей впечатлѣніе правды, мира и любви. Всюду и всегда для паствы въ вашемъ лицѣ являлся прекрасный и поучительный примѣръ гармоническаго сочетанія величія и красоты сана и иноческаго смиренія, неутомимой заботы о благѣ другихъ и совершенной непритязательности въ отношеніи себя. Этимъ вы и покоряли себѣ людей безъ различія званія, возраста, положенія.

„Ваше святительство составитъ одну изъ свѣтлыхъ и лучшихъ страницъ въ исторіи Харьковской епархіи, тѣмъ болѣе свѣтлыхъ, чѣмъ кратковременнѣе оно было. И нынѣ, предъ скорой разлукой съ вами, мы чувствуемъ, что вы уносите съ собой лучшія чувствованія нашихъ сердець, загорѣвшихся къ вамъ искренней любви, преданности и глубочайшаго уваженія.

„Мы глубоко скорбимъ, лишаясь въ васъ своего мудраго архипастыря, вѣстника правды, благодатнаго отца и наставника. Молимъ и будемъ молить Верховнаго Пастыреначальника Христа,—да оградитъ опъ Своими святыми ангелами предстоящій вамъ путь, да умножитъ дни жизни вашей для блага кievской епархіи и всей Россійской церкви.

„Въ молитвенную же память нашу о васъ осчастливьте насъ принятіемъ сего священнаго образа Озерянскія иконы Пресвятыя Богородицы, этой чудотворной святыни Харьковскаго края.

„Да осѣняетъ Царица Небесная васъ благодатнымъ покровомъ своимъ всюду во всѣхъ путяхъ вашей жизни и да напоминаетъ Она вамъ смиренныхъ пастырей града Харькова и старость градскихъ церквей, такъ полюбившихъ васъ и такъ скорбящихъ нынѣ при разлукѣ съ вами.

„Вашего высокопреосвященства искренно признательные и навсегда преданные“.

Адресъ былъ, покрытъ множествомъ подписей. Отъ лица уѣзднаго духовенства Владыку—Митрополита привѣтствовалъ о. благочинный 1 округа Харьковскаго уѣзда свящ. Василій Любчинскій и тоже просилъ его принять на молитвенную память образъ Озерянскія иконы Божіей Матери. Принявъ св. образъ и адресъ, Высокопреосвященный Флавіанъ благодарилъ духовенство и преподаль ему свое благословеніе.

Въ тотъ же день происходило прощальное чествованіе отъѣзжающаго Владыки—Митрополита обѣдомъ, даннымъ духовенствомъ, представителями городского населенія и другими почитателями Его Высокопреосвященства. Обѣдъ происходилъ въ залѣ дворянскаго депутатскаго собранія. Среди чествовавшихъ находились преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, настоятели монастырей, ректоръ духовной семинаріи, редакторъ журн. „Вѣра и Разумъ“, прот. І. П. Знаменскій и члены духовной консисторіи. Изъ свѣтскихъ людей здѣсь были: корпусный

командиръ генераль-лейтенантъ К. К. Случевскій, управляющій Харьковской губерніей ст. сов. С. Н. Гербель, попечитель Харьковскаго учебнаго округа тайн. сов. М. М. Алексѣенко, городской голова д. с. сов. А. К. Погорѣлко, губернский предводитель дворянства С. Н. Курчениновъ, старшій предсѣдатель судебной палаты Е. А. Пушкинъ, ректоръ университета д. с. сов. Н. О. Куплеваскій, прокуроръ судебной палаты С. С. Хрулевъ, предсѣдатель губернской земской управы М. Е. Гордѣенко, профессора университета, представитель Харьковскаго купеческаго общества И. К. Велитченко, полиціймейстеръ с. с. К. И. Безсоновъ. При этомъ архіерейскій хоръ, находившійся во время обѣда на хорахъ, исполнилъ нѣсколько молитвенныхъ пѣснопѣній. Первый тостъ за здоровье Его Императорскаго Величества Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА провозгласилъ ген.-лейт. К. К. Случевскій. Тостъ былъ принятъ весьма оживленно и хоръ исполнилъ народный гимнъ. Затѣмъ преосвященный Стефанъ сказалъ слѣдующую задушевную и сердечную рѣчь въ честь высокопреосвященнѣйшаго митрополита Флавіана:

„Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій архипастыръ и отецъ!

„Бываютъ дни, когда одновременно и солнце сіяетъ, и дождь идетъ, когда природа какъ бы веселится и груститъ, радостно улыбается и плачетъ,—радуется, такъ сказать, сквозь слезы. Такой именно день сегодня переживаемъ въ сердцахъ своихъ мы всѣ, здѣсь собравшіеся, ваши бывшія духовныя чада. Мы вмѣстѣ радуемся и печалимся. Какъ любящія дѣти, радуемся тому, что возлюбленный отецъ и архипастыръ нашъ получаетъ высшее назначеніе и болѣе почетное положеніе, удостоивается рѣдкой чести быть святителемъ—митрополитомъ первостольнаго града Кіева, старѣйшей кафедрой россійской церкви,—а эта честь есть какъ бы и наша честь, честь нашего града, честь насъ, вручающихъ своего архипастыря матери городовъ русскихъ. Печалимся же мы о томъ, что расстаемся съ своимъ любвеобильнымъ отцомъ, готовымъ всегда и во всякое время съ сердечною родительскою любовью откликнуться на всякую нашу нужду, отозваться на всякую нашу радость, на всякое наше горе, готового всегда удовле-

творить всякое доброе желаніе наше, съ отеческимъ терпѣніемъ выслушать всякую нашу просьбу. Не будетъ болѣе около насъ вашей обаятельной, чарующей личности! Ваше доброе попечительное сердце будетъ биться для новыхъ вашихъ чадъ, будетъ полно заботами о нихъ, ихъ радостями и горемъ! Все это и вызываетъ въ насъ слезы грусти, слезы потери для насъ дорогого существа.

„Мы всегда любили васъ; всегда вы были дороги намъ. Но подведенные нынѣ итоги того, что вы за короткое время пребыванія на Харьковской кафедрѣ успѣли сдѣлать добраго для насъ, впервые вполнѣ ясно озарили наше сознаніе величіемъ вашего образа, глубиною нашей любви къ вамъ. Мы теперь только вполнѣ ясно поняли, чѣмъ вы были для насъ, какъ велики были ваши труды для насъ, какъ дороги были ваши о насъ попеченія. И сознаніе всего этого усугубляетъ горестъ нашей разлуки съ вами. Но насъ не покидаетъ надежда, что въ вашемъ любвеобильномъ сердцѣ останется уголокъ и для насъ, бывшихъ чадъ вашихъ, что нравственныя узы, доселѣ связывавшія насъ съ вами, не порвутся нашей разлукой, что среди заботъ и попеченій о новыхъ чадахъ своихъ у васъ останутся заботы и о нашемъ вѣчномъ спасеніи, которыя и выразятся въ вашихъ святительскихъ о насъ молитвахъ въ повомъ мѣстѣ вашего служенія. Эти надежды, равно и сознаніе того, что ваше отшествіе отъ насъ служитъ къ вашей чести и вашему благу, заставляютъ насъ радостно улыбаться сквозь слезы разлуки и провожать васъ не съ безутѣшною печалью, а съ радостными тостами за благополучный путь вашъ къ мѣсту новаго вашего служенія, съ радостно-громкими пожеланіями вамъ здравія и благополучія на многая и многая лѣта!“

Хоръ и присутствовавшіе нѣсколько разъ пропѣли отъѣзжающему Владыкѣ „многая лѣта“. Затѣмъ благочинный Харьковскихъ городскихъ церквей обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующей рѣчью:

„Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Слишкомъ короткое пребываніе ваше въ Харьковѣ, внеся

чудную страницу въ исторію Харьковской епархіи, надолго оставить по себѣ добрую память среди всѣхъ слоевъ харьковскаго общества. То, чего не всегда достигаютъ стоящіе на мѣстѣ высокою въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ—искренней любви и преданности подчиненныхъ, восторженнаго почитанія простолюдина и интеллигента, единоплеменнаго проявленія симпатій, вы привлекли съ первыхъ же дней вашего къ намъ прибытія.

„Въ торжественныхъ и обычныхъ богослуженіяхъ, въ мудромъ управленіи и руководствѣ, въ случайныхъ бесѣдахъ, всегда и вездѣ вы являли образецъ апостольской простоты, наглядно говорящій о величіи и красотѣ души вашей. Ваше отношеніе къ духовенству, даже малымъ членамъ его, не могли внушать чувства гнетущаго страха къ вамъ. Всегдашній привѣтъ вашъ, ласковое слово утѣшенія убитому горемъ, отеческое замѣчаніе виноватому удивительно отрадно дѣйствовали на всѣхъ.

„Грустно и больно прощаться и намъ съ такимъ начальникомъ—архипастыремъ.

„Господь, пекущійся о Своей Церкви, посылаетъ васъ на высшее служеніе ей, и рука Царская указала вамъ путь во святой градъ Кіевъ—матерь русскихъ городовъ.

Высокое назначеніе ваше—гордость для города Харькова, радость для насъ и единственное утѣшеніе въ предстоящей разлукѣ съ вами. По русскому дорогому обычаю съ хлѣбомъ и солью мы желаемъ вашему Высокопреосвященству добраго пути. Насколько эти хлѣбъ-соль отъ сердца, говоритъ настоящее многочисленное собраніе. Здѣсь нѣтъ лукавства. Здѣсь почтенные представители города и духовенства съ рѣдкимъ единоплеменіемъ выражаютъ вамъ и свое, первое отъ васъ полученное, горе, горе разлуки съ вами, и свою большую радость.

„Да благословитъ же Господь путь вашъ и предстоящіе труды ваши на пользу св. Церкви; да укрѣпятъ силы ваши духовныя и тѣлесныя на благо кіевлянамъ и да возвеличитъ васъ на святыхъ кіевскихъ высотахъ“.

Отъ имени дѣятелей народнаго просвѣщенія одушевленную рѣчь произнесъ г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа

М. М. Алексѣенко. Въ своей рѣчи онъ указалъ на всегда благожелательное отношеніе Его Высокопреосвященства къ свѣтской школѣ, на проявленіе имъ трогательной заботливости и попеченія о ней и обучающихся въ ней. „Вы, говорилъ, между прочимъ, г. Попечитель, имѣли въ виду истинные интересы народнаго просвѣщенія и мы, проникнутые величайшею благодарностію и сердечнымъ уваженіемъ къ Вамъ, уповаемъ, что сѣмена, посѣяныя Вами, не заглохнутъ, а опредѣлятъ и въ будущемъ стройное и согласное дальнѣйшее движеніе дѣла народнаго просвѣщенія на истинную пользу населенія“. Свою рѣчь М. М. Алексѣенко закончилъ такими словами: „Вы будете работать, Владыко, на болѣе обширной нивѣ, прилагая дары, ниспосланные вамъ, и мы, дѣятели народнаго просвѣщенія, отъ всего сердца можемъ въ этотъ торжественный часъ вашего прощанія съ паствою воскликнуть: „Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки на вашей новой нивѣ“, а отблескъ этого свѣта порадуетъ насъ, искренно васъ уважающихъ и преданныхъ вамъ. Многая лѣта высокопреосвященнѣйшему Флавіану“.

Отъ городскаго населенія привѣтствовалъ Владыку—Митрополита городской голова д. с. с. А. К. Погорѣлко. Имъ была произнесена слѣдующая цѣчь:

„Ваше высокопреосвященство! Позвольте, хотя въ краткихъ словахъ, выразить вамъ тѣ ощущенія, которыя испытываютъ жители г. Харькова при мысли о вашемъ предстоящемъ отъѣздѣ.“

Недавно еще мы такъ радостно привѣтствовали прибытіе ваше къ намъ; многоустая молва предупредила насъ о высокихъ качествахъ вашей души. Такъ оказалось и въ дѣйствительности: мы узрѣли пастыря добраго, милостиваго, любвеобильнаго, глубоко преданнаго дѣлу духовнаго просвѣщенія, который въ короткое время покорилъ наши сердца и приобрѣлъ неотразимое на насъ вліяніе. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Чѣмъ вызывается такое единодушное къ вамъ отношеніе? Смѣю утверждать, что ни для кого изъ здѣсь присутствующихъ не представится затрудненія для правильнаго рѣшенія вопроса. Всѣ ваши дѣйствія, всѣ ваши отношенія къ каждому изъ насъ въ отдѣльности и ко всему обществу вообще бы-

ли неизмѣнно согрѣты однимъ и тѣмъ же чувствомъ любви къ нему и уваженія. Въ этой любви, въ этомъ уваженіи скрывается великая сила вліянія на общество. Вы дали намъ образъ мудраго руководителя, вполне соблюдавшаго великую заповѣдь Господню. Харьковское общество, какъ и всякое другое, крайне дорожитъ, высоко цѣнитъ такое доброе, любовное къ нему отношеніе и сильно на него реагируетъ. Поэтому я смѣю утверждать, что мы будемъ также любить и уважать васъ, какъ бы далеко вы отъ насъ ни уѣхали. Скорбя объ отъѣздѣ вашемъ, мы утѣшаемъ себя мыслью, что поле вашей благотворной дѣятельности становится отнынѣ болѣе обширнымъ, что вы теперь будете работать на великой нивѣ російской. Да поможетъ вамъ въ этомъ Господь! Мы же отъ всей полноты сердца нашего единоводно воскликнемъ: многая лѣта высокочтимому Флавіану, митрополиту Кіевскому и Галицкому!"

Затѣмъ, отъ лица Харьковскаго Императорскаго Университета, была сказана одушевленная рѣчь ректоромъ университета д. с. с. Н. О. Куплеваскимъ. Въ своей рѣчи онъ остановилъ вниманіе присутствовавшихъ на томъ фактѣ, что Его Высокопреосвященство явился на Харьковской кафедрѣ укрѣпителемъ христіанскихъ началъ и при томъ не столько рѣчами, сколько дѣломъ и собственнымъ примѣромъ. Затѣмъ онъ указалъ на особенное вниманіе Владыки къ университету, выразившееся въ участіи его въ университетскихъ торжествахъ и совершеніи въ церкви университета богослуженій, всегда доставлявшихъ и религіозное и нравственное удовлетвореніе. Свою рѣчь онъ закончилъ искреннимъ пожеланіемъ Его Высокопреосвященству многихъ лѣтъ служенія на благо его новой паствы и всей православной Церкви.

Отъ имени Харьковскаго купеческаго общества привѣтствовалъ Владыку купеческій староста И. К. Вилитченко. Привѣтствіе имъ было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

„Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Владыко!

„Члены Харьковскаго купеческаго общества, представителемъ котораго я имѣю честь быть, собрались здѣсь, чтобы сказать вамъ свое „прости“.

„Но намъ тяжело произносить это слово. Намъ не хочется разставаться съ архипастыремъ такой доброй души, отъ котораго многіе изъ насъ всегда слышали только ласковое и привѣтливое слово.

„По вступленіи на Харьковскую кафедру, обозрѣвая храмы нашего города, вы изволили лично узнать всѣхъ церковныхъ старость, большинство которыхъ принадлежитъ къ купечеству. Такимъ образомъ, находясь подъ непосредственнымъ высокимъ руководствомъ вашимъ, мы по долгу службы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за вашей многополезной и плодотворной дѣятельностью; мы были свидѣтелями вашего величественнаго служенія въ храмѣ, многихъ изъ насъ вы осчастливили посѣщеніемъ на дому.

„Не намъ говорить о вашей высокой просвѣтительной дѣятельности,—она достаточно рельефно обрисована Высочайшимъ рескриптомъ на имя вашего Высокопреосвященства.

„Едва ли кому-нибудь изъ вашихъ предшественниковъ приходилось слышать такія напутственныя рѣчи, какія произносятся здѣсь, при разлукѣ съ вами.

„Къ этимъ напутственнымъ рѣчамъ присоединяетъ свое слово и Харьковское купеческое Общество.

„Испрашивая молитвы вашего Высокопреосвященства, Харьковское купеческое общество проситъ васъ милостиво принять сердечное пожеланіе силъ и энергіи для дальнѣйшаго славнаго служенія на древле-прославленной кievской кафедрѣ“.

На всѣ эти и другія рѣчи Его Высокопреосвященство отвѣчалъ искреннею благодарностію. По окончаніи обѣда Владыка еще разъ благодарилъ всѣхъ своихъ почитателей за вниманіе къ нему и преподальъ всѣмъ свое архипастырское благословеніе.

На другой день, 24 февраля, въ три часа дня, городскимъ духовенствомъ во главѣ съ преосвященнымъ Стефаномъ, епископомъ Сумскимъ, совершенно было въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря молебствіе о благополучномъ путешествіи высокопреосвященнаго Флавіана. Молебствіе закончилось въ исходѣ четвертаго часа. Съ вечернимъ поѣздомъ въ 5 час. 57 мин. вечера высокопреосвященный Флавіанъ отбылъ въ г. Кіевъ. Ко времени отхода поѣзда въ парадныхъ комна-

тахъ вокзала собрались: преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, настоятели монастырей Харьковской епархіи, члены духовной консисторіи, о. ректоръ семинаріи прот. І. П. Знаменскій, благочинные епархіи, о. инспекторъ семинаріи іеромонахъ Михайлъ (Богдановъ), городское духовенство, представители Харьковскихъ гражданъ во главѣ съ управляющимъ губерніею С. Н. Гербелемъ, представители свѣтскихъ учебныхъ заведеній и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ и почитателей Владыки. Это были избранные члены духовенства и городского общества. Что же касается остальнаго народа, то, можно сказать, весь Харьковъ провожалъ своего любимаго архипастыря. Народъ стоялъ густыми толпами отъ Озерянской церкви, вдоль улицы проѣзда и вплоть до самаго вокзала, желая получить послѣднее благословеніе отъ уѣзжавшаго Владыки. Владыка всѣхъ благословлялъ. По прибытіи на вокзалъ, простившись со всѣми и всѣхъ благословивъ, Владыка вошелъ въ особо приготовленный для него вагонъ и, напутствованный молитвенными благожеланіями, отбылъ къ мѣсту своего новаго святительскаго служенія.

Л. Багрецовъ.

ВЗГЛЯДЫ ПЕССИМИСТИЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ ШОПЕНГАУЭРА И ГАРТМАНА НА РЕЛИГИЮ, ЕЯ СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ.

(Окончаніе *).

Скорби міра и печаль существованія, по Гартману, заставляютъ человѣка для своего утѣшенія создавать религію и философію съ тѣмъ, чтобы научиться презирать міръ вмѣстѣ съ его скорбями и призрачными благами. Въ этомъ и состоитъ сущность религія и ея значеніе для человѣчества. И дѣйствительно, говоритъ Гартманъ, возвышеніе религіознаго чувства чрезъ молитву и назиданіе въ состояніи представить такое высокое одушевленіе, что оно даетъ возможность человѣку легко переносить всѣ земныя страданія. Какъ высшая форма религіознаго сознанія, христіанство приноситъ наибольшую пользу человѣку тѣмъ, что научаетъ его прежде всего презирать міръ и все, что въ мірѣ. Основатель христіанства вполне усвоилъ презрѣніе и нерасположеніе къ земной жизни и проводитъ ихъ до ихъ послѣднихъ и крайнихъ выводовъ. Только тѣмъ, которые чувствуютъ скорбь существованія, грѣшникамъ, отверженнымъ (самарянамъ и мытарямъ), обремененнымъ (рабамъ и женщинамъ), нищимъ, больнымъ и страждущимъ, а не тѣмъ, которые чувствуютъ себя въ земной жизни хорошо и удобно, Онъ возвѣщаетъ Свое евангеліе (Мѡ. 11, 5; Лук. 6, 20—23; Мѡ. 19, 23—14; Мѡ. 11, 28). Онъ презираетъ все естественное, не признаетъ законовъ природы (Мѡ. 17, 20),

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 3.

говорить безъ уваженія о семейномъ союзѣ (Мѡ. 10, 35—37; Мѡ. 19, 29; Мѡ. 11, 47—50), Онъ требуетъ полового воздержанія (Мѡ. 19, 11—12), Онъ презираетъ міръ и его блага (Лук. 12, 15; Мѡ. 6, 25—34; Іоан. 1, 15—16; Лук. 16, 15); объявляетъ невозможнымъ достигнуть вмѣстѣ земного и небснаго счастья (Мѡ. 6, 19—21 и 24; Іоан. 12, 25; Мѡ. 19, 23—24) и потому требуетъ добровольной нищеты (Мѡ. 19, 21—22; Лук., 12, 33; Мѡ. 6, 25 и 31—33). Нигдѣ и ни въ какомъ отношеніи Христосъ не предписываетъ аскетизма, но лишь добровольное ограниченіе и наивозможнѣйшее сокращеніе потребностей, изъ чего ясно, что вмѣстѣ со множествомъ потребностей и стремленій Онъ признаетъ возрастающимъ недовольство. Онъ считаетъ Свое время настолько поврежденнымъ (Мѡ. 23, 27; Мѡ. 16, 2—3), что день суда долженъ быть близко, предъ дверьми (Мѡ. 24, 33—34), а сущностью Его ученія является то, чтобы страданія этой жизни терпѣливо нести какъ свой крестъ въ земной юдоли плача (Мѡ. 10, 38) и слѣдовать за Нимъ въ достойномъ приготовленіи и радостной надеждѣ на блаженство будущей вѣчной жизни (Мѡ. 10, 38, 39): „Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь; но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ“ (Іоан. 16, 33). Искупленіе отъ міра чрезъ Христа, говоритъ Гартманъ, происходитъ чрезъ то, что всѣ люди слѣдуютъ Ему въ презрѣніи міра и въ любви, въ вѣрѣ и надеждѣ на загробную жизнь, а не чрезъ смерть Его съ позже добавленнымъ жидовствующимъ пониманіемъ ея какъ очищающей примирительной жертвы, о чемъ Самъ Христосъ, конечно, ничего не хотѣлъ бы знать“.

Сравнивая христіанство съ буддизмомъ, Гартманъ говоритъ далѣе слѣдующее. „Хотя презрѣніе міра въ связи съ трансцендентальною жизнію духа существовало уже и въ Индіи въ эзотерическомъ ученіи буддизма, но, во-первыхъ, оно было неизвѣстно западному міру, во-вторыхъ, въ самой Индіи оно было доступно только тѣсному кружку безбрачныхъ отшельниковъ, и, въ-третьихъ, скоро затерялось въ эзотерической грудѣ, такъ что его идея была замѣтна еще только въ эксцентрическихъ явленіяхъ аскетовъ и кающихся; въ-четвертыхъ, при

своемъ происхожденіи оно не нашло столь плодородной почвы, въ-пятыхъ, оно не обладало въ достаточной мѣрѣ космополитическимъ характеромъ, идеею всеобщаго человѣческаго братства въ сыновствѣ Бога (Мѡ. 23, 8—9), и, въ-шестыхъ, наконецъ, что важнѣе всего, хотя оно знаетъ вѣчное трансцендентное блаженство для окончательно искупленныхъ отъ земного существованія, но не знаетъ *индивидуальнаго* продолженія жизни; христіанство же, которое обѣщаетъ воскресеніе (плоти) и затѣмъ *индивидуальную* вѣчную жизнь въ трансцендентномъ царствѣ Бога, чрезъ это гораздо прямѣе обращается къ человѣческому эгоизму и такимъ образомъ даетъ надежду, болѣе одушевляющую для продолженія земной жизни“.

Впрочемъ, хотя религія, созданная на почвѣ мистики, говоритъ Гартманъ, и научаетъ человѣка презирать жизнь и даже рисуется ему счастье въ будущемъ, въ трансцендентной жизни послѣ смерти, въ личномъ безсмертіи, въ вѣчномъ блаженствѣ, но она не достигаетъ въ дѣйствительности той цѣли, ради которой она создана или—прямѣе сказать—измышлена человѣчествомъ. Достигнувъ философскаго развитія, человѣкъ не можетъ не увидѣть, что всѣ обѣщаемыя религіею блага не дѣйствительность, а чистая иллюзія, хотя—и второго ранга. Да мало пользы можетъ принести религія людямъ, по убѣжденію Гартмана, даже и въ то время, когда они еще не разочаровались ею и когда еще не увидѣли, что она сама въ себѣ только пустая иллюзія, болѣзненный ростокъ мистики. „Высокія степени воодушевленія, доставляемыя религіознымъ чувствомъ, говоритъ Гартманъ, рѣдки, ибо, будучи по существу мистической природы, они не могутъ быть пріобрѣтаемы усердіемъ и трудомъ, а предполагаютъ способность, талантъ къ этому, какъ и наслажденіе искусствомъ, а, во-вторыхъ, онѣ, какъ и всякое удовольствіе, не могутъ быть достигаемы безъ того, чтобы не приносили съ собою и особаго неудовольствія. Мы поймемъ это лучше всего, когда ближе взглянемъ на жизнь кающихся и святыхъ. Наивысшія степени религіознаго возвышенія едва мыслимы безъ продолжительнаго умерщвленія „плоти“, т. е., не только чувственныхъ пожеланій, но и всѣхъ мірскихъ удовольствій вообще. А это—*истинная* жертва, ко-

торую должно быть *куплено* высшее мистическое религиозное счастье. Если мы обратимся къ низшимъ ступенямъ религіознаго назиданія, которыя соединяются съ мірскою жизнью, то особенно важнымъ является не упомянутый выше моментъ неудовольствія: страхъ предъ собственнымъ недостойнствомъ, сомнѣніе въ Божественной милости, опасеніе будущаго суда, скорби о тяжести совершенныхъ грѣховъ, какими бы пезначительными ни являлись они въ глазахъ другихъ. Такимъ образомъ въ религіозномъ чувствѣ всплываетъ наружу все во всемъ, и удовольствіе и неудовольствіе, и радость и страданіе, и примиреніе и скорби“.

Послѣ сказаннаго Гартманъ приходитъ къ убѣжденію, что религія, даже въ высшей своей формѣ—христіанской, есть иллюзія, явленіе въ человѣческомъ духѣ болѣзненное, а потому она и не можетъ быть признана терпимою. Нужно подумать объ ея замѣнѣ другою, болѣе удовлетворительною и болѣе разумною. И вотъ Гартманъ беретъ на себя трудъ создать „религію будущаго“ безъ всякой примѣси ложнаго мистицизма. Сущность этой „религіи будущаго“ состоитъ собственно въ реформированіи христіанства по образцу индійскаго буддизма. Гартману не нравится въ христіанствѣ 1) антропоморфизмъ, а 2) политеизмъ. Подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ ученіе христіанское о Троичности Лицъ въ Богѣ, о почитаніи Божіей Матери и святыхъ. Религія будущаго должна представить высшее единство монотеизма и пантеизма, такъ, чтобы Богъ Своею личностію не отдѣлялся отъ человѣка, а пантеизмъ не омрачался грубымъ политеизмомъ. Это—религія *панмонотеизма*, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы органически соединить въ систематическое цѣлое все то, что лучшаго можно найти въ буддизмѣ и христіанствѣ и это новое міровоззрѣніе провести въ народъ, дабы послѣдній, получивъ новое ученіе вѣры, новое ученіе нравственности и даже новый культъ, могъ разорвать цѣпи, которыя въ теченіе двухъ тысячелѣтій служили для него непреодолимымъ препятствіемъ по пути къ прогрессу и цивилизаціи. И эта религія уже будетъ чистою религіей духа. Въ ней люди будутъ разумѣть подъ Богомъ не личное существо, а абсолютную основу и абсолют-

ную сущность міра, единство, не исключющее изъ себя, а напротивъ включающее въ себя все реальное множество; люди не будутъ признавать Богочеловѣкомъ только одного Иисуса Христа, а вмѣсто него будутъ исповѣдывать вселенское богочеловѣчество и т. д., и т. д.

Мы не будемъ *въ настоящій разъ* доказывать для всѣхъ ясную истину, что проэктированная Гартманомъ „религія будущаго“ есть пустая фантазія и чистая иллюзія; нужно совершенно не знать религіозной потребности человѣка, чтобы думать, будто бы отвлеченное пантеистическое понятіе можетъ замѣнить человѣку живого личнаго Бога, Который внемлетъ его молитвамъ, знаетъ его нужды, промыслительно заботится объ его спасеніи, даруетъ ему благодатныя средства и спасаетъ его отъ гибели; гдѣ нѣтъ вѣры въ живого личнаго Бога, тамъ возможна метафизика, но не религія. Не будемъ доказывать мы *въ настоящій разъ*, что вѣра въ личное бессмертіе души человѣческой—не иллюзія, какъ несправедливо утверждаетъ Гартманъ ¹⁾, а несомнѣнная истина, основывающаяся на твердыхъ раціональныхъ началахъ. Отлагаемъ до времени и допущенное Гартманомъ искаженіе евангельскаго ученія объ оправданіи человѣка и о сущности христіанскаго вѣроученія. Не считаемъ нужнымъ останавливать вниманіе читателей и на томъ невѣрномъ и самопротиворѣчивомъ понятіи о мистикѣ, которое имѣетъ Гартманъ и которымъ онъ запутываетъ и себя, и другихъ. Мы рассмотримъ здѣсь только общее у Шопенгауэра и Гартмана ученіе о томъ, будтобы скорби жизни и зло, господствующее въ мірѣ послужили для человѣчества основаніемъ и поводомъ создать религію.

Можно ли согласиться съ этимъ мнѣніемъ?

Что скорби жизни, страданія, болѣзни, потеря близкихъ и родныхъ, мысль о собственной смерти, эпидеміи, кровопролитныя войны и явная опасность для жизни *возбуждаютъ* въ насъ религіозныя настроенія, вѣру и надежду на Бога, пре-

¹⁾ Желаящимъ видѣть научныя доказательства полной неосновательности этого мнѣнія Гартмана мы рекомендуемъ сочиненіе кн. Д. Цертелева „Современный пессимизмъ въ Германіи“. Очеркъ нравственной философіи Шопенгауэра и Гартмана. М. 1885. Стр. 228—245.

данность Его святой волѣ,—противъ этого никто никогда не станетъ спорить. {Истину сказаннаго подтверждаютъ и отдѣльныя лица, и цѣлыя народы. „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не молился“, говорятъ моряки. „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“,—замѣчаетъ русскій народъ въ своей пословицѣ. „Noth lehrt beten“, говорятъ нѣмцы. Вся книга „Псалтирь“ посвящена почти одной мысли о томъ, что опечаленный и угнетенный человѣкъ можетъ найти полное утѣшеніе для себя только въ молитвѣ ко Господу. Напротивъ ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ, что люди, пользующіеся богатствомъ, благоденствіемъ и высокимъ положеніемъ въ обществѣ часто забываютъ Бога и перестаютъ быть религіозными и благочестивыми.

Мало того. Скорби и опасности жизни часто вызываютъ религіозное настроеніе даже у тѣхъ лицъ, которыя до того казались безбожниками и даже рисовались своими атеистическими убѣжденіями. Извѣстный безбожникъ *Ванини*, сожженный на кострѣ (19 февраля 1585 г.), увидѣвъ приготовленный для него костеръ, невольно воскликнулъ: „О, Боже, мой!“ Графъ *Вольней*, извѣстный этнографъ и политическій писатель, открыто объявившій себя атеистомъ, во время страшной бури у береговъ Америки, гдѣ ему грозило поплатиться жизнью, вдругъ, къ общему удивленію пассажировъ, сталъ громко читать „Pater noster“ и „Ave Maria“. Послѣ этого справедливо утверждаютъ многіе, что великія несчастія для атеистовъ часто служатъ лучшимъ доказательствомъ бытія Божія.

Что религія доставляетъ утѣшеніе скорбящимъ,—на это указывали многіе мыслители, жившіе гораздо раньше Шопенгауэра и Гартмана, и самое происхожденіе религіи объясняли тѣмъ впечатлѣніемъ, которое люди получали отъ скорбей жизни и еще болѣе—отъ смерти. Такъ, между прочимъ, думалъ уже *Юмъ* (1711—1776). Въ его „діалогъ объ естественной религіи“ (часть XII) мы читаемъ слѣдующее. „Люди никогда легче не прибѣгаютъ къ религіознымъ упражненіямъ (говоритъ *Филонъ*)¹⁾,

¹⁾ Въ этомъ вымышленномъ лицѣ *Юмъ* выводитъ предъ читателя представителя невѣрующаго скептицизма (т. е., собственно говоря, себя самого). Страхъ, по его мнѣнію, есть коренной источникъ религіи.

какъ тогда, когда они бываютъ угнетены скорбію, обременены болѣзнію. Не доказательство ли это того, что религіозный духъ находится не въ столь близкомъ отношеніи къ радости, какъ къ печали? „Но люди, отвѣчалъ *Клеанез* ¹⁾, находятъ утѣшеніе въ религіи, когда они бываютъ удручены скорбію? „Иногда, сказалъ *Филонъ*; но весьма вѣроятно предположить, что объ этихъ неизвѣстныхъ существахъ они дѣлаютъ себѣ представленіе, которое соотвѣтствуетъ ихъ настоящему скорбному и мрачному настроенію духа, въ которомъ они обращаются къ сужденію объ нихъ. Согласно съ этимъ мы находимъ, что во всѣхъ религіяхъ преимущество остается за страшными образами, и мы сами, представивъ описаніе божества въ возвышеннѣйшихъ выраженіяхъ, впадаемъ въ самое рѣзкое противорѣчіе, когда считаемъ число осужденныхъ бесконечно превосходящимъ число избранныхъ“... „Смерть для природы столь ужасна, что она бросаетъ свой мракъ на всѣ страны, которыя находятся позади ея и всѣмъ людямъ даетъ представленія Цербера и Фурий, діавола въ потокахъ огня и сѣры. Правда, страхъ и надежда—входятъ въ религію, потому что оба аффекта въ различное время движатъ человѣческой духъ и каждый изъ нихъ образуетъ форму божества, какъ она ему соотвѣтствуетъ. Но когда кто-либо находится въ радостномъ настроеніи, онъ занимается дѣломъ, обществомъ или бесѣдою, увлекается этимъ и не думаетъ о религіи. Но если онъ опечаленъ и угнетенъ, тогда онъ ничего не дѣлаетъ, кромѣ того, что задумывается надъ ужасами невидимаго міра и все глубже и глубже погружается въ задумчивость“...

Итакъ, изъ сказаннаго ясно, что несправедливо называть Шопенгауэра и Гартмана виновниками такъ называемаго *пессимистическаго* взгляда на религію, ея сущность и происхожденіе. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою давность и сродство съ натуралистическою гипотезою, взглядъ этотъ не могли признать удовлетворительнымъ многіе. Причина этого заключается въ его односторонности, а слѣдовательно—и невѣр-

¹⁾ *Клеанез*, названный по имени одного стоика, введенъ Юмомъ въ діалогъ какъ представитель примирительнаго раціонализма.

ности. Какъ мы видѣли, скорби міра и смерть, дѣйствительно, *возбуждаютъ* религіозное чувство, но *не рождаютъ, не создаютъ* его заново. Защитники разсматриваемаго взгляда утверждаютъ совершенно ошибочно, будто бы познаніе существующаго въ мірѣ зла и скорбей есть единственная почва или материнское ложе, на которомъ зарождается самая потребность человѣка въ религіи, единственное условіе происхожденія религіи въ родѣ человѣческомъ. Какъ мы видѣли, Шопенгауэръ слишкомъ рѣшительно высказываетъ мысль, что если бы наша жизнь была безконечною и безъ скорбей, то мы совсѣмъ не имѣли бы никакой религіи.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на той мысли, что не только скорби жизни, но и радости возбуждаютъ въ людяхъ религіозное настроеніе. Религіозное чувство также выражается не въ одномъ только пессимистическомъ презрѣніи міра, но и въ радостяхъ, увеселеніяхъ, торжествахъ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ многія торжества имѣли *радостный* характеръ; инныя доходили даже до оргій, сатурналій и вакханалій. Религіозныя пляски и танцы у нѣкоторыхъ дикарей еще и въ наше время образуютъ даже составную часть религіознаго культа; у древнихъ грековъ праздники въ честь бога вина и пьянства Діонисія имѣли даже чрезмѣрно веселый характеръ. Религіозная веселость иногда вызывалась искусственными средствами—музыкою, пѣснями, поэзіею. Гартманъ хотѣлъ бы найти для себя опору въ христіанскомъ аскетизмѣ; онъ указываетъ намъ на то презрѣніе къ міру, которое проповѣдуется христіанствомъ; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ ученіе Божественнаго Откровенія, что весь міръ во злѣ лежитъ. Мы скажемъ даже больше: многіе ученые—и богословы, и философы—совершенно справедливо называютъ богооткровенную религію и въ особенности христіанскую религію—*религіею спасенія*, т. е., спасенія отъ зла, господствующаго въ мірѣ,—отъ грѣха, проклятія и смерти. Тѣмъ не менѣе невѣрно, что скорби міра и смерть представляютъ почву для зарожденія и происхожденія религіи.

Въ богооткровенной религіи, рядомъ съ тяжелымъ чувствомъ сокрушенія человѣка о своей грѣховности и беспомощности,

ясно просвѣчиваетъ и жизнерадостное настроеніе, побуждающее человѣка къ религіознымъ чувствованіямъ, восторгамъ, размышленіямъ и молитвамъ. Правда, здѣсь скорбный элементъ господствуетъ надъ радостнымъ; но таково положеніе падшаго человѣчества; и въ жизни его бываетъ больше скорбей, чѣмъ радостей. Выше мы сказали, что Псалтирь Давида есть книга воплей и молитвъ къ Богу объ избавленіи человѣка отъ скорбей, бѣдствій, страданій и козней враговъ. Эта книга написана слезами рода человѣческаго. Но и въ ней мы встрѣчаемъ не мало проявленій жизнерадостнаго чувства, не мыслимаго въ послѣдовательномъ пессимизмѣ,—выраженія благодарности Творцу, восторга и удивленія предъ Его славою и премудростію въ цѣлесообразно устроенномъ мірѣ. „Господь царствуетъ: да радуется земля; да веселятся многочисленные острова“ (Пс. 96, 1). „Слышитъ Сіонъ и радуется, и веселятся дщери Іудины ради судовъ Твоихъ, Господи“ (тамъ-же, ст. 8). „Буду радоваться и веселиться о милости Твоей“ (Пс. 30, 8). „Веселитесь о Господѣ и радуйтесь, праведные; торжествуйте, всѣ правые сердцемъ“ (Пс. 31, 11). „Радуйтесь, праведные, о Господѣ: правымъ прилично славословить“ (Пс. 32, 1). „Восплещите руками, всѣ народы, воскликните Богу гласомъ радости“ (Пс. 46, 2). „Прекрасная возвышенность, радость всей земли гора Сіонъ“ (Пс. 47, 3). „Мы возрадуемся о спасеніи твоёмъ и во имя Бога нашего поднимемъ знамя“ (Пс. 19, 6). „Оно (солнце) выходитъ, какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего, радуется, какъ исполнитъ“ (Пс. 18, 6). „Возрадовалось сердце мое и возвеселился языкъ мой“ (Пс. 15, 9), и т. д. Мѣстъ, подобныхъ приведеннымъ, въ Псалтирѣ встрѣчается очень много и всѣ они ясно говорятъ противъ ученія пессимистическихъ философовъ о сущности религіи.

Отожествляя религію съ философіею и признавая пессимизмъ единственно истиннымъ ученіемъ, Гартманъ, какъ мы видѣли, хочетъ навязать пессимистическій характеръ и христіанству, какъ высшей формѣ религіи вообще. Но христіанство, даже въ смыслѣ ученія о жизни и ея внутреннемъ смыслѣ, совершенно чуждо пессимистическихъ воззрѣній, каковыми они должны быть у послѣдовательнаго пессимиста. Въ самомъ дѣ-

лѣ, что такое пессимизмъ? Пессимизмомъ называется такое философское ученіе, которое признаетъ настоящій міръ наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Пессимистъ ничего не усматриваетъ въ мірѣ, кромѣ одного зла; если бы онъ находилъ въ немъ хотя что-либо доброе, онъ не могъ бы утверждать, что этотъ міръ самый худшій, ибо хуже его былъ бы тотъ міръ, въ которомъ не существовало бы уже ничего добраго. Пессимизмъ, дѣйствительно, начинается смертію и смертію онъ оканчивается. Шопенгауэръ рекомендуетъ человѣчеству двѣ смерти: *духовную* или безусловный аскетизмъ, совершенное отрицаніе воли къ жизни, умерщвленіе всякихъ жизненныхъ пожеланій, и *тѣлесную*—не въ видѣ, впрочемъ, самоубійства въ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ самоубійства прикровеннаго, замаскированнаго, въ смыслѣ воздержанія отъ половыхъ отношеній, чрезъ что постепенно вымерло бы все человѣчество и такимъ образомъ страданій на землѣ не существовало бы. Совѣтъ престранный! Шопенгауэръ здѣсь подобенъ тому врачу, который посоветовалъ бы паціенту срубить себѣ голову, чтобы избавиться отъ мигрени! Понятно, почему Гартмана не могъ удовлетворить этотъ путь спасенія человѣчества. По его мнѣнію, если бы погибло одно человѣчество, безсознательное создало бы другое, новое. Поэтому Гартманъ требуетъ уничтоженія хотѣнія или—что то же—превращенія его въ нехотѣніе въ формѣ всеединого акта, когда „времени больше не будетъ“ (Откровеніе Іоанна 10, 6), а вмѣстѣ съ нимъ не будетъ уже ни хотѣнія, ни дѣятельности.

Ничего подобнаго мы, конечно, не встрѣтимъ въ христіанствѣ, чтобы отождествлять его съ философскимъ пессимизмомъ. Оно не есть пессимизмъ уже потому, что, призывая въ мірѣ существованіе зла, оно усматриваетъ въ немъ и много добраго, много хорошаго,—почему и самаго міра оно не считаетъ наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. „Посмотрите на полевья лиліи, какъ онѣ растутъ: ни трудятся, ни прядутъ; но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ“ (Мѡ. 6, 28—29). Богъ „повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на *праведныхъ* и неправедныхъ“ (Мѡ. 5, 45).

„Когда поститесь, не будьте унылы“ (Мѡ. 6, 16). „Всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрыя“ (Мѡ. 7, 17). „Добрый человекъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе“ (Мѡ. 12, 35). Слава Божія и на землѣ приводитъ христіанина въ неизреченный восторгъ. Такъ видя славу Христа во время преображенія, Петръ говоритъ: „Господи! хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ здѣсь три кущи: Тебѣ одну, и Моисею одну, и одну Іліи“ (Мѡ. 17, 4). Нашедшій погибшую овцу „радуется о ней болѣе, нежели о девяноста девяти незаблудившихся“ (Мѡ. 18, 13). Даже Самъ Спаситель, пришедшій на землю для того, чтобы пострадать и умереть, иногда испытывалъ на землѣ чувство радости (ср. Іоан. 11, 15). „Если бы вы любили меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу“ (Іоан. 14, 28). „Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна“ (Іоан. 15, 11). Итакъ, ясно, что, по ученію Іисуса Христа, радости и при томъ высшія, совершенныя радости возможны для человека и въ этомъ мірѣ, который весь во злѣ лежитъ; а если такъ, то навязывать ему пессимистическій характеръ неосновательно.

Пессимизмъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, не можетъ указывать никакихъ положительныхъ идеаловъ, ибо онъ не можетъ вѣровать въ бытіе лучшаго міра; единственныи идеаль у него—отрицательный: небытіе, смерть, уничтоженіе. Христіанство напротивъ указываетъ намъ единственно истинный и всесовершенный идеаль въ Богѣ, а въ лицѣ Христа—достиженіе этого идеала. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отець вашъ Небесный“ (Мѡ. 5, 48). Въ Своей нагорной проповѣди Іисусъ Христосъ указалъ Своимъ послѣдователямъ и тотъ путь, которымъ достигается христіанскій идеаль: это—путь не самоуничтоженія и смерти или небытія, какъ у пессимистическихъ мыслителей, а путь подвиговъ, совершаемыхъ только на землѣ.

Не зная другого міра, кромѣ худшаго изъ міровъ, въ которомъ мы живемъ, пессимисты не признаютъ никакого существенно—важнаго значенія какъ за религіею вообще, такъ и за христіанскою религіею въ частности. Будучи дѣломъ одной

фантазій, пустымъ измышленіемъ, взросшимъ на пессимистической почвѣ, религія, по мнѣнію Гартмана, не можетъ доставить страждущему человѣчеству и дѣйствительнаго утѣшенія: будучи сама иллюзіей, она и создаетъ однѣ иллюзіи. Но опытъ говоритъ намъ не то. Въ дѣйствительности мы видимъ, что религія есть такая нравственная сила, съ которою сравнится ничто не можетъ. Она вливаетъ въ душу человѣка не однѣ только утѣшенія, примиряющія его съ жизнію и ея скорбями; но она сообщаетъ ему мужество, съ которымъ онъ вступаетъ безбоязненно въ борьбу съ жизнію и всегда выходитъ изъ нея побѣдителемъ. Невѣрующій впадаетъ въ отчаяніе и малодушничаетъ при встрѣчѣ съ самыми, повидимому, незначительными скорбями и неприятностями. Въ газетахъ мы ежедневно читаемъ извѣстія о прискорбныхъ жертвахъ малодушія, отчаянія и разочарованія. Въ одномъ мѣстѣ бросился подъ поѣздъ обанкротившійся купецъ; въ другомъ—убилъ себя изъ револьвера обманутый любимую женщиною; сегодня мы читаемъ о повѣсившемся чиновникѣ, котораго лишили должности; завтра навѣрное узнаемъ о томъ, какъ лишилась разсудка мать, потерявшая любимаго сына и т. д. Отчаяніе—причина всѣхъ такихъ прискорбныхъ явленій; а само отчаяніе порождается только невѣріемъ. Кто не вѣруетъ въ бытіе личнаго, живого Бога, у того не можетъ быть и твердой надежды. На кого онъ будетъ надѣяться? На людей?—Плохая надежда! Люди таковы же, какъ и онъ самъ. Люди смертны, вѣроломны, эгоистичны. На богатство? Но вѣдь изъ-за потери его люди часто и впадаютъ въ отчаяніе! На свои познанія, науку? Но познанія проникнуты духомъ невѣрія и лжи, не могутъ доставить истиннаго утѣшенія! Понятно послѣ этого, отчего человѣкъ, не вѣрующій въ Бога, встрѣчаясь въ мірѣ съ горемъ, малодушно слагаетъ свое оружіе и впадаетъ въ отчаяніе. Безъ Бога человѣкъ одинокъ на землѣ, и нѣтъ ничего мучительнѣе этого одиночества. Въ совершенно другомъ положеніи находится человѣкъ вѣрующій, благочестивый, праведный. Нѣтъ такого горя на землѣ, нѣтъ такихъ скорбей, которыхъ бы не перенесъ съ дивнымъ мужествомъ, терпѣніемъ и кротостію человѣкъ религіозный, истинно вѣрующій въ Бога, т. е. христіанинъ. Изъ Божественнаго Откровенія онъ знаетъ,

что всѣ ниспосылаемыя Богомъ испытанія могутъ быть для него только благотворными; онъ знаетъ, что Богъ не допуститъ до него испытаній большихъ, чѣмъ какія онъ въ силахъ перенести; онъ вѣруетъ, что допуская испытанія, Богъ дастъ ему и силы перенести ихъ. Убѣжденный въ этомъ онъ бодро и увѣренно, но кротко и безропотно, съ полною преданностію волѣ Божіей, вступаетъ въ борьбу съ постигшими его скорбями, чтобы одержать надъ ними побѣду. Ему слышится голосъ Господа: „мужайтесь, ибо я побѣдилъ міръ!“ И этотъ Божественный голосъ еще болѣе воодушевляетъ и укрѣпляетъ его въ борьбѣ со скорбями, идущими отъ этого побѣжденнаго Христомъ міра. Ему грозятъ отнятіемъ имущества, а онъ кротко отвѣчаетъ: „нельзя отнять имущества у того, кто ничего не имѣетъ“; его хотятъ устрашить ссылкой, а онъ отвѣчаетъ, что христіанинъ вездѣ будетъ жить безропотно, ибо вездѣ земля Господня; самая смерть, казнь, не можетъ повергнуть христіанина въ отчаяніе, потому что смерть для него не уничтоженіе его бытія, а только дверь, въ вѣчную и лучшую, блаженную и безболѣзненную жизнь, гдѣ только онъ и можетъ достигнуть своей послѣдней цѣли—возсоединенія съ Богомъ и непрестаннаго лицезрѣнія Его. Въ ветхомъ завѣтѣ Божественное Откровеніе не было возвѣщено человѣчеству во всей его полнотѣ, какъ въ новомъ. Однако-же и ветхозавѣтная исторія представляетъ примѣры благотворнаго и исключительнаго утѣшенія, почерпаемаго только изъ религіи. Она указываетъ намъ на праведнаго Іова, человѣка, пользовавшаго сначала рѣдкимъ почетомъ среди согражданъ, здоровьемъ, богатствомъ, счастіемъ въ добрыхъ и послушныхъ дѣтяхъ. Но всего этого онъ былъ лишенъ неожиданно и быстро. Можно себѣ представить, въ какое бы отчаяніе повергли эти скорби человѣка не вѣрующаго въ бытіе Божіе! Но Іовъ перенесъ ихъ мужественно, стойко и безропотно. Его жена, подобно современнымъ пессимистамъ, совѣтывала ему искать своего спасенія отъ скорбей и страшной болѣзни въ небытіи, въ смерти. „Ты все еще твердъ въ непорочности своей, сказала она: похули Бога и умри“. Но онъ сказалъ ей: „ты говоришь какъ одна изъ безумныхъ. Неужели доброе мы будемъ прини-

мать отъ Бога, а злаго не будемъ принимать. Господь далъ, Господь и взялъ; какъ угодно было Господу, такъ и сдѣлалось. Да будетъ имя Господне благословенно!" (Іов. 2, 9. 10; 1, 21). Исторія христіанской церкви представляетъ намъ многочисленный сонмъ христіанскихъ мучениковъ, которые мужественно и безропотно шли на костры, были распинаемы на крестахъ, клали свои головы на плахи за Христа, за свою вѣру въ живого Бога...

Можно ли думать, не противорѣча здравому разуму, чтобы *иллюзія* въ теченіе всей исторической жизни человѣчества общала такое мужество, терпѣніе и твердость благочестивымъ людямъ въ борьбѣ со скорбями и страданіями въ этомъ мірѣ. А вѣдь такого значенія религіи, собственно говоря, не отвергаетъ и самъ Гартманъ. На это самопротиворѣчіе его не могли не обратить вниманія и его критики. „Хотя Гартманъ и утверждаетъ, говоритъ, напр., князь Д. Цертелевъ ¹⁾, что источникъ религіозныхъ наслажденій есть иллюзія, тѣмъ не менѣе наслажденія эти какъ таковыя онъ признаетъ положительными“.

Пессимистическая гипотеза о религіи, ея сущности и происхожденіи можетъ казаться правдоподобною и устроумною только на первый взглядъ, пока она не подвергнута внимательному критическому разбору. Бѣдному хочется быть богатымъ; больному—здоровымъ; стѣсненному—свободнымъ. Страданія, испытываемыя человѣчествомъ въ настоящей жизни, отъ которыхъ избавиться естественными средствами не усматривается никакой возможности, сами по себѣ, говорятъ пессимисты, способны вызывать мысль о возможности другого лучшаго міра, безъ скорбей, безъ страданій, безъ зла; такого міра на землѣ нѣтъ и не было; для его существованія необходимы иныя условія и иныя формы; ясно, что только по ту сторону гроба, въ области намъ совершенно неизвѣстной и недоступной *можно* предположить условія необходимыя для существованія столь блаженнаго и въ то же время столь желательнаго міра. Только познаніе настоящаго міра вмѣстѣ со

¹⁾ Соврем. пессимизмъ въ Германіи. М. 1885. Стр. 220.

всѣми его скорбями и страданіями, только убѣжденіе, что этотъ міръ весь во злѣ лежитъ, только чувство безпомощной грѣховности человѣка отъ природы могутъ создать почву для оптимизма по отношенію къ загробному міру и могутъ служить естественнымъ предположеніемъ происхожденія религіи. Конечно, такъ разсуждать, собственно говоря, истинные, послѣдовательные пессимисты не въ правѣ. Если въ мірѣ существуетъ только одно зло, одни страданія, скорби, болѣзни, грѣхи и преступленія, если въ немъ нѣтъ ничего добраго, хорошаго даже и въ относительномъ смыслѣ,—какъ должны утверждать дѣйствительные пессимисты,—то откуда же люди могутъ взять необходимый матеріалъ для созданія представленія объ идеальномъ, счастливомъ, блаженномъ состояніи даже и для будущей жизни? Очевидно, кто имѣетъ такія представленія, того уже нельзя назвать строго-послѣдовательнымъ пессимистомъ, онъ будетъ уже, такъ сказать, только полу-пессимистъ или пессимистъ не вполне вѣрный основнымъ принципамъ своего міровоззрѣнія.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ правѣ ли или не въ правѣ пессимисты разсуждать такъ, какъ они дѣйствительно разсуждаютъ. Нельзя ли однако думать, что расходясь съ своими принципами общаго философскаго ученія, они вѣрно все-таки разрѣшаютъ вопросъ о происхожденіи религіи? Въ самомъ дѣлѣ, нельзя ли признать истиннымъ ихъ предположеніе, что „пессимизмъ въ отношеніи къ здѣшней жизни рождаетъ оптимизмъ по отношенію къ иному міру и такимъ образомъ служитъ основаніемъ для религіи вообще“? Безпристрастные ученые съ полною основательностію отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Много можно было бы указать даже и среди западно-европейскихъ писателей либеральнаго и въ отношеніи къ христіанству вовсе не дружественнаго направленія лицъ, которыя находятъ неудовлетворительною гипотезу пессимистовъ о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Но не менѣе основательно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ и русскіе писатели, напр., князь Д. Цертелевъ, Вл. Соловьевъ, Н. И. Рождественскій и др. Такъ у послѣдняго ¹⁾ мы читаемъ слѣ-

¹⁾ Христ. Апологетика. Сиб. 1893. Т. I, стр. 198.

дующее. „Человѣкъ не могъ начать своего духовнаго развитія прямо пессимизмомъ, это психологически невозможно. Сознаніе собственнаго несовершенства и несовершенства окружающаго міра можетъ впервые произойти только изъ болѣе или менѣе яснаго сознанія о высшемъ какомъ нибудь совершенствѣ; точно также какъ чувство грѣха и виновности можетъ возникнуть только изъ сознанія нравственнаго закона. Какимъ же образомъ религія могла произойти непосредственно изъ пессимизма, когда самъ пессимизмъ не есть первоначальное явленіе, но явленіе обусловленное сознаніемъ или представленіемъ высшаго совершенства? Самъ по себѣ пессимизмъ способенъ рождать только мрачныя представленія, мрачное настроеніе духа. То, что при пессимистическомъ настроеніи вызываетъ и возбуждаетъ реакцію этому настроенію и понуждаетъ человѣка искать идеальнаго—представлять гдѣ нибудь идеальное, происходитъ уже не изъ пессимизма, а изъ иного настроенія, изъ иной не пессимистической душевной потребности, которой не въ состояніи заглушить въ человѣкѣ никакой пессимизмъ,—именно изъ *потребности добраго, идеальнаго*. Пессимизмъ самъ по себѣ, какъ такой, можетъ вести къ ипохондріи, къ отчаянію, къ ненависти въ отношеніи къ окружающему міру и къ себѣ самому, къ потерѣ вѣры во всякій идеаль, къ невѣрію, къ отрицанію загробной жизни, въ крайнемъ развитіи даже къ самоубійству, словомъ—ко всему мрачному, только ни въ какомъ случаѣ не къ религіи, которую еще Гегель сравнивалъ съ свѣтлымъ праздничнымъ днемъ человѣческой жизни“.

Но допустимъ, вопреки даже требованіямъ здравой логики, что пессимистическое пониманіе жизни окружающаго насъ міра послужило „материнскимъ ложемъ“ для того, чтобы ничѣмъ необуздываемая фантазія страждущаго и подавленнаго скорбями человѣчества создала религію, которую въ *этомъ* случаѣ вмѣстѣ съ Гартманомъ дѣйствительно слѣдовало бы назвать только *иллюзіею*. Какова бы была эта религія? Во всякомъ случаѣ это была бы религія не похожая ни на одну изъ дѣйствительно существовавшихъ или существующихъ религій. Во-первыхъ, основнымъ факторомъ ея необходимо было

бы признать *эгоизмъ*: человекъ, по этому взгляду, измыслилъ религію ради *своего*, хотя бы то и фиктивного, блаженства, котораго ему недоставало въ этой жизни, слѣдовательно, онъ дѣйствовалъ бы только и исключительно только по грубому эгоистическому побужденію. Но эгоизмъ, по самой сущности своей, противенъ каждой религіи и отвергается религіями даже языческими. И можно ли думать, что религія обязана своимъ происхожденіемъ тому, что ей радикально противоположно? Во-вторыхъ, религія, предполагаемая пессимистами, была бы одностороннею, какъ и самъ пессимизмъ. Какъ въ этой жизни пессимизмъ ничего не видитъ, кромѣ зла, страданій, скорбей и бѣдствій, такъ, превращаясь въ религіи въ оптимизмъ, онъ сулилъ бы человекъ въ загробной жизни только одно блаженство, счастье и радости. Не таковы дѣйствительныя религіи: въ загробной жизни кромѣ рая онѣ знаютъ и адъ или тартаръ, и если праведникамъ онѣ обѣщаютъ неизреченное блаженство, то грѣшниковъ онѣ осуждаютъ на вѣчныя и страшныя мученія. Но можно ли допустить, чтобы человекъ, изстрадавшійся въ этой жизни, не видѣвшій здѣсь ничего, кромѣ страданій и горя, и въ будущей жизни также рисовалъ себѣ перспективу новыхъ страданій, но только—безконечныхъ, вѣчныхъ, которымъ конца уже не можетъ положить и смерть, страданій и мученій настолько ужасныхъ, что съ ними и сравнивать нельзя бѣдствій, переносимыхъ въ жизни земной?

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи пессимисты вполне сходятся съ представителями матеріалистическаго ученія и въ частности—съ Фейербахомъ. Но Фейербахъ не былъ пессимистомъ. Чѣмъ же объясняется это сходство во взглядѣ на религію? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ: пессимистическій взглядъ на религію не вытекаетъ логически изъ самой системы пессимистическаго міровоззрѣнія, почему, высказывая его, какъ Шопенгауэръ, такъ и Гартманъ рѣшились даже пожертвовать цѣльностью своего міровоззрѣнія и впасть въ непримиримое самопротиворѣчіе. Если бы они были послѣдовательны, имъ ничего не оставалось бы, какъ проповѣдывать чистѣйшій ате-

измъ и нигилизмъ. Къ такому же результату должно было бы прійти, съ ихъ точки зрѣнія, и все человѣчество. Если весь мѣръ есть только *мое представленіе*, то „можно бы утверждать (говорить самъ Шопенгауэръ), что если бы, *per impossibile*, единое существо, хотя бы самое ничтожное, совершенно было уничтожено, съ нимъ долженъ бы погибнуть весь мѣръ. Въ этомъ смыслѣ говорить великій мистикъ Angelus Silesius:

Ich weiss, dass ohne mich Gott nicht ein Nu kann leben:
Werd'ich zunicht; er muss von Noth den Geist aufgeben.
(Я знаю, безъ меня нельзя жить Богу далѣ:
Исчезни я; онъ самъ испуститъ духъ съ печали).

„Мы прямо исповѣдуемъ, говоритъ Шопенгауэръ въ концѣ перваго тома своего главнаго сочиненія: что остается за совершенной отмѣнной воли для всѣхъ тѣхъ, которые еще исполнены воли, есть, конечно, нѣчто; но и наоборотъ, для тѣхъ, у кого воля обратилась вспять и отрицаетъ себя, весь этотъ нашъ столь реальный мѣръ со всѣми его солнцами и млечными путями—ничто“. Но если мѣръ—ничто, то естественно, что и религія—ничто, иллюзія. Какимъ же образомъ Шопенгауэръ и Гартманъ могли смотрѣть на нее какъ на результатъ метафизической *потребности* человѣческаго духа и ея утѣшенія признавали *положительными* и цѣлесообразными? На этотъ вопросъ у пессимистовъ нѣтъ отвѣта. Это—непостижимая загадка, неразрѣшимое противорѣчіе или, какъ сказалъ знаменитый вѣмецкій поэтъ:

„...ein vollkomnes Widerspruch
Bleibt gleich geheimnisvoll für Kluge wie für Thoren“.

Профессоръ Харьковскаго Университета, Прот. Т. Буткевичъ.

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА (DAS WESEN DES CHRISTENTUMS). ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА БЕРЛИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА АДЛЬФА ГАРНАКА.

(Продолженіе *).

II.

Первоначальныя сужденія проф. Гарнака о задачѣ и методѣ его *Das Wesen des Christentums* своей строгой осторожностью располагаютъ читателя въ пользу ихъ автора. Съ одной стороны, на него подкупающимъ образомъ дѣйствуетъ сознательное рѣшеніе ученаго историка сторониться въ своемъ изслѣдованіи апологическихъ тенденцій и приемовъ философскаго обзрѣнія исторіи. Съ другой стороны, читатель отлично знаетъ, что христіанство представляетъ собой историческій фактъ, и потому онъ находитъ вполне разумнымъ и симпатичнымъ обѣщаніе Гарнака обсудить этотъ фактъ при исключительномъ пользованіи приемами и данными исторической науки. Человѣкъ, тонко понимающій дѣло, нашель бы въ себѣ еще желаніе, чтобы авторъ изслѣдованія сущности христіанства, кромѣ историческихъ знаній и опытности историка, обладалъ религіозно-психологическимъ опытомъ. Ученый съ слабо развитымъ религіознымъ сознаниемъ, мало способный къ переживанію религіозныхъ волненій, къ проникновенію во внутреннюю жизнь другихъ людей, найдетъ въ области религіи слишкомъ много темнаго, непонятнаго, страннаго, якобы совершенно лишняго. Известно же, что мы весьма склонны непонятное считать невѣроятнымъ, невозможнымъ, неисторич-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 3

нымъ. Изъ-за недостатка религіознаго опыта часто страдаетъ истина, и хорошо, когда не забывается древнее изреченіе: „подобное познается подобнымъ“. Проф. Гарнакъ высоко цѣнить „религіозное переживаніе“ и самъ не чуждъ его, а потому и съ этой стороны его работа можетъ возбуждать пріятныя надежды. Все это располагаетъ отдаться со спокойнымъ духомъ опытному руководству знаменитаго историка, чтобы вмѣстѣ съ нимъ на пути чисто историческаго изслѣдованія распознать сущность христіанства и его судьбы.

Однако, еще небольшое движеніе объ руку съ почтеннымъ профессоромъ, и значительная доля простоты, разумности, объективности его замысла превращается лишь въ пріятное воспоминаніе. Одно за другимъ возникаютъ недоумѣнія уже предъ тѣмъ, гдѣ, по мнѣнію Гарнака, слѣдуетъ отыскивать сущность христіанства. Понятно, что эти поиски должны начаться съ Евангелія, и, разумѣется, законно и возможно вмѣстѣ съ Гарнакомъ выдѣлить здѣсь зерно изъ шелухи, т. е. исключить изъ Евангелія все, что не имѣетъ прямого отношенія къ религіи и морали и составляетъ случайный элементъ въ Евангеліи, какъ то: черты бытовья, соціальныя, національныя и т. п. Но нашъ ученый выражаетъ намѣреніе изъ самаго содержанія евангельскаго благовѣстія удалить что-то „преходящее“, „чисто историческое“, а остатокъ провозгласить подлиннымъ Евангеліемъ въ Евангеліи ¹⁾. Во имя строгой научности, которою привлекъ было насъ къ себѣ почтенный историкъ, мы спрашиваемъ его, почему онъ напередъ рѣшилъ, что сущность Христовой вѣры должна лежать внѣ всего измѣнчиваго, историческаго? Сказалъ ли бы онъ то же самое, приступая къ изслѣдованію сущности религіи Магомета или Будды? Если бы не сказалъ, то тѣмъ самымъ допустилъ бы, что религіи могутъ имѣть свой центръ и въ „преходящей“ идеѣ, и въ „чисто историческомъ“ фактѣ. Почему же тогда не допустить такой возможности и для христіанской религіи? Съ другой стороны, направляясь къ „внѣ-историческому“ содержанію евангельскаго благовѣстія, проф. Гарнакъ вступить, очевидно, въ ту область,

¹⁾ Такая постановка дѣла свойственна и другимъ речивцамъ. В. А. Керенскій. Пр. Соб. 1902. 1. Стр. 112, 114.

гдѣ лежитъ сущность не одного христіанства, а всѣхъ религій. Дѣло въ томъ, что всегда неизмѣнное и надъ—историческое содержаніе всѣхъ религій едино и всеобщее: оно образуетъ собою сущность религій вообще. Тамъ, куда направляется мысль Гарнака, всѣ религій, лишенные своихъ индивидуальныхъ чертъ, сливаются въ блѣдномъ обликѣ своей универсальной основы. То направленіе, которое Гарнакъ придаетъ своимъ поискамъ за сущностью христіанства, грозитъ привести его къ отождествленію зерна евангельскаго благовѣстія съ сущностью религій вообще. *Исканіе сущности христіанства получаетъ у берлинскаго историка видъ поисковъ за сущностью религій въ христіанствѣ.* вмѣстѣ съ этимъ проф. Гарнакъ, очевидно встаетъ на отвергнутый имъ путь тѣхъ ученыхъ, которые при обзорѣни положительныхъ религій исходили изъ общаго понятія о религій. Предубѣжденные противъ философіи исторіи самимъ знаменитымъ историкомъ, мы теперь имѣемъ основаніе опасаться, что и подъ его перомъ на мѣстѣ цѣльнаго и своеобразнаго зерна евангельскаго благовѣстія окажется оголенный зародышъ религій вообще. Такой оборотъ дѣла зависить отъ того, что Гарнакъ не вполне усвоилъ ту безспорную истину, что *сущность евангельскаго благовѣстія надо искать* не въ „преходящемъ“ или „надъ—историческомъ“, а просто *въ томъ, что Самъ Христосъ и Его ученики считали зерномъ благовѣстія, къ которому безъ остатка сводится все содержаніе послѣдняго.* А чтобы найти такой центръ, въ которомъ сосредоточивается все Евангеліе, надо имѣть въ виду все содержаніе его безъ всякихъ урѣзковъ, потому что онѣ всегда могутъ произвести перемѣщеніе центра. Пусть такимъ окажется какая нибудь „преходящая“ идея или „чисто историческій“ фактъ, дѣло отъ этого не измѣняется. *Вопросъ о сущности Евангелія, о Евангеліи въ Евангеліи, есть, по нашему мнѣнію, вопросъ историческо-логическій.* Съ помощью историческихъ данныхъ устанавливается подлинное содержаніе Христова благовѣстія, при содѣйствіи логики отыскивается въ послѣднемъ *основное и выводное, которое все вытекаетъ и объясняется изъ перваго.* Философское различеніе въ евангельскомъ благовѣстіи „Bleibendes“ (неизмѣннаго) и „Vergang-

liches“ (преходящаго) неумѣстно и вредно. Оно ведетъ къ исключенію изъ содержаія благовѣстія того, чему несомнѣнно училъ Христосъ, но что не подходитъ подъ рубрику „Bleiben-des“; оно грозитъ подмѣной сущности христіанства сущностью религіи; оно, наконецъ, привноситъ личный произволь въ изслѣдованіе, ставя послѣднее въ зависимость отъ взглядовъ автора на всеобщую сущность религій. Конечно, въ зависимости отъ самаго предмета рѣчи, вопросъ о сущности Евангелія и у Гарнака сохраняетъ свою историко-логическую природу, только съ роковымъ осложненіемъ ея философскимъ элементомъ.

Въ оправданіе своего „философскаго“ предпріятія знаменитый историкъ указываетъ на то, что въ Евангеліи несомнѣнно содержится временно-историческій элементъ, такъ какъ-де Иисусъ Христосъ и Его ученики были сынами своего времени, владѣвшими, подобно другимъ людямъ, ограниченными способностями и болѣе или менѣе узкими индивидуальностями. Все, что въ Евангеліи обуславливается этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію Гарнака, должно быть устранено оттуда, какъ скрывающее собою подлинное зерно благовѣстія. Допустимъ, что Основатель христіанства, подобно Буддѣ, Зороастру, Магомету, былъ обыкновеннымъ человѣкомъ съ ограниченной индивидуальностью. Такъ, неужели мы только тогда найдемъ основу религіозной проповѣди этого „Ограниченнаго Человѣка“, когда исключимъ изъ нея все обусловленное его „ограниченностью“? Ужели сущность магометанства, буддизма предстанетъ предъ нами лишь послѣ того, какъ мы вычеркнемъ изъ нихъ все временно историческое и обусловленное индивидуальностью ихъ основателей? Было бы въ высшей степени странно утверждать это. Ясно, что въ послѣднемъ результатѣ такой операціи всѣ эти три религіи лишились бы своихъ собственныхъ обликовъ и предстали бы предъ нами въ видѣ единой общей для нихъ сущности, сущности религіи вообще. Своеобразныя зерна христіанства, магометанства, буддизма остались бы тогда въ сторонѣ. Приходится повторить, что здѣсь дѣло не въ томъ, что въ проповѣди Спасителя „индивидуально“ и что „вѣчно“, а въ томъ, гдѣ въ ней тотъ пунктъ, на который сводится и изъ котораго объясняется все ея со-

держаніе. При такой постановкѣ вопроса, очевидно, нѣтъ нужды дѣлать какія бы то ни было исключенія изъ содержанія евангельскаго благовѣстія, но есть забота о томъ, чтобы имѣть предъ собою это благовѣстіе въ его цѣломъ видѣ.

Нельзя согласиться также и съ тою мыслью проф. Гарнака, будто Іисусъ Христосъ, подобно всѣмъ людямъ, былъ ограниченной личностью. Кто безпристрастно смотритъ въ Евангелія, тотъ находитъ тамъ „Совершеннаго Человѣка“. Вся жизнь Спасителя представляется ему дивнымъ аккордомъ движеній божественной мысли, волненій сердца, энергіи воли. Лишь по временамъ однѣ струны Его души звучатъ сильнѣе другихъ, чтобы снова утихнуть и вмѣстѣ со всѣми слиться въ полнотѣ гармоніи. Также лишь по временамъ въ особенно яркомъ свѣтѣ выступаютъ отдѣльныя черты Его внутренняго образа. Однако, одинъ и тотъ же Христосъ стоитъ предъ нами въ храмѣ, съ бичемъ въ рукахъ, и въ торжественномъ шествіи въ городъ Давида; одинъ и тотъ же Христосъ спокойно выслушиваетъ извѣстіе о смерти Своего друга Лазаря и съ горечью признаетъ Себя безпріютнѣе птицъ небесныхъ, имѣющихъ гнѣзда. По справедливому сужденію проф. Вальтера, Спаситель совмѣщалъ въ себѣ черты холерика, флегматика, сангвиника и меланхолика ¹⁾. Рѣчи Божественнаго Учителя, полныя возвышенныхъ уроковъ, святые волненія Его сердца, дѣянія Его любви, и нынѣ, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, понятны и близки душамъ дѣтей и старцевъ, богатыхъ и нищихъ, сильныхъ и слабыхъ. Какъ чуждый всякой односторонности характера, Онъ привлекалъ къ Себѣ людей различнаго духовнаго склада: около Него былъ и энергичный Петръ, и мягкій Іоаннъ, и недовѣрчивый Ѳома, и практическая Марѳа и любознательная ея сестра Марія ²⁾. Спаситель былъ „Всечеловѣкомъ“, носившимъ въ Себѣ полноту и богатство богодарованныхъ свойствъ человѣческой природы. Адольфъ Гарнакъ самъ невольно признаетъ, что „всечеловѣчность“ была индивидуальной чертой Іисуса, когда, вопреки себѣ (S. 8), Онъ утверждаетъ, что Евангеліе возвышается надъ всѣми

¹⁾ S. 10.

²⁾ W. Walter. S. 10—11. В. А. Керенскій. Пр. Соб. 1902. 1 стр. 113.

контрастамъ духа и плоти, богатства и бѣдности, личности и общества, еврейскаго и греческаго (S. 11, 56, 62, 76, 79, 92, 93, 94). Самъ же онъ отрицаетъ свою мысль и о временно-исторической обусловленности сознанія Спасителя, когда рѣшительно заявляетъ, что въ евангельскомъ благовѣстїи нѣтъ слѣдовъ ни раввинскаго богословія, ни ученія ессеевъ, фари-сеевъ, саддукеевъ, ни греческихъ учителей и философовъ (S. 20—22). Кстати, въ этомъ утвержденїи знаменитаго историка съ удовольствїемъ можно отмѣтить то симпатичное безпристрастіе, котораго такъ часто недостаетъ другимъ свободо-мыслящимъ ученымъ, усматривающимъ источникъ христіанства или въ еврейской теологїи, или въ парсизмѣ, въ религіозной философіи грековъ, египтянъ, индійцевъ.

Но это—между прочимъ, а самое важное заключается въ томъ, что проф. Гарнакъ допустилъ въ своихъ лекціяхъ роковую методологическую ошибку, къ сожалѣнію, неразъясненную извѣстными намъ его иностранцами и русскими критиками ¹⁾. Какое губительное значеніе имѣетъ такая ошибка въ ученой работѣ, это понятно всякому: подобно неправильности допущенной въ началѣ рѣшенія математической задачи, она сообщаетъ ложное направленіе всему изслѣдованію и дѣлаетъ невозможнымъ вѣрное рѣшеніе проблемы. Нѣмецкій историкъ подошелъ къ содержанію евангельскаго благовѣстїя съ вопросомъ о томъ, что здѣсь „неизмѣнно и вѣчно“, что преходящее и временно-историческое“, тогда какъ надо было спросить: что здѣсь основное и выводное, которое вытекаетъ и объясняется изъ перваго? Дойдетъ ли Гарнакъ до конца своего ложнаго пути, или остановится на полѣ дворогѣ,—этого пока мы не знаемъ. Но кто не хочетъ пройти мимо подлинной сущности вѣры Христовой, тотъ долженъ поставить предъ ней не первый философскій, но второй, логическій, вопросъ. Въ отвѣтъ на него онъ получитъ дѣйствительное своеобразное, цѣльное зерно Евангелїя. Разумѣется, въ этомъ зернѣ онъ можетъ, если надо, отыскать неизмѣнный, вѣчный, универсальный зародышъ религіи, но къ послѣднему не сводится

¹⁾ Намека на этотъ недостатокъ труда Гарнака сдѣланы у G. Lasson'a и Reinhold'a.

сущность христіанства. Всеобщая сущность религій въ каждой отдѣльной религій выражается въ особой индивидуальной формѣ съ своеобразными придатками, что, вмѣстѣ взятое, образуетъ собой зерно извѣстной положительной религій. Такого именно рода основу Евангелія и надо указать, когда спрашиваютъ о *das Wesen des Christentums*.

Начатыя съ Евангелія, поиски Гарнака за сущностью христіанской религій будутъ продолжаться въ исторіи христіанства. Они, безспорно, значительно могутъ освѣтить уже найденное въ Евангеліи зерно Христовой вѣры, которое въ постепенномъ развитіи христіанскаго сознанія должно выступать въ болѣе рѣзкихъ выпуклыхъ формахъ. Однако, „открытіе“ сущности христіанства слѣдуетъ закончить въ области апостольскаго благовѣстія—этого чистѣйшаго источника нашей вѣры. Что касается склонности Адольфа Гарнака видѣть сущность христіанства въ томъ „общемъ“, что свойственно всѣмъ историческимъ христіанскимъ союзамъ, то въ ней снова выступаетъ его „философская“ тенденція. Дѣло представляется ему такъ, какъ будто сущность христіанства есть субстанція въ метафизическомъ смыслѣ, необходимо присущая религіозному сознанію обществъ, называющихся христіанскими. Между тѣмъ, корнемъ христіанской религій можетъ быть только Христова истина и сила. А какъ та, такъ и другая, одними людьми можетъ усвоиваться и удерживаться вполнѣ, другими отчасти, у третьихъ—можетъ совсѣмъ отсутствовать. При этомъ, въ однихъ христіанскихъ обществахъ сущность Христовой вѣры можетъ сохраниться въ полномъ видѣ, въ другихъ—отчасти, у третьихъ, хотя и называемыхъ христіанскими, ее можетъ совсѣмъ не быть. Ясно, что „общее“ въ вѣрѣ всѣхъ христіанскихъ союзовъ можетъ оказаться весьма далекимъ отъ существа евангельскаго благовѣстія. Здѣсь о Гарнакѣ можно сказать то же, что о томъ странномъ историкѣ, который задумалъ бы отыскивать сущность нашего старообрядческаго раскола въ томъ „общемъ“, что свойственно всѣмъ выродившимся изъ него толкамъ и сектамъ отъ безпоповства до рябиновщины. Весьма возможно, что общаго въ нихъ не оказалось бы ничего, кромѣ простой „религіозности“, которой

не лишены и магометане, и огнепоклонники—персы. Несомнѣнно связанное съ „философіей“ Гарнака, его пристрастіе ко „всеобщему“ въ христіанскихъ церквахъ и обществахъ объясняется еще его желаніемъ внести миръ и взаимообщеніе въ среду различныхъ христіанскихъ обществъ (Vorwort). Насколько нашъ ученый успѣетъ въ этомъ дѣлѣ—покажетъ будущее, но вѣтъ сомнѣнія въ томъ, что очень многимъ христіанамъ предлагаемая имъ почва объединенія покажется не сущностью христіанства, а чуть чуть не „пустымъ мѣстомъ“. Помимо указаннаго недостатка, намѣреніе Гарнака прослѣдить и уяснить зерно христіанства чрезъ его исторію не вызываетъ никакихъ возраженій.

За недоумѣніями по поводу того, гдѣ, по мнѣнію Гарнака, слѣдуетъ искать сущность христіанства, возникаетъ печальное удивленіе предъ тѣмъ, какъ онъ надѣется отличить ее отъ всего несущественнаго. Съ помощью чего можетъ онъ распознать въ Евангеліи „вѣчное“ и „преходящее“, „неизмѣнное“ и „историческое“? Нечего и говорить о томъ, что историческая наука совсѣмъ не можетъ дать требуемаго критеріума: не ея дѣло различать „вѣчное“ и „преходящее“. Также и логика, способная помочь различенію въ Евангеліи основного и выводного, остается безотвѣтной предъ вопросомъ о „вѣчномъ“. Третьимъ и послѣднимъ масштабомъ является „личное усмотрѣніе“, на которое и приходится положиться автору лекцій о сущности. Онъ такъ и дѣлаетъ, когда откровенно заявляетъ, что достаточно имѣть только свѣжій взглядъ и чувство истины, чтобы увидѣть вѣчную сущность Евангелія и отдѣлить ее отъ временно-историческихъ оболочекъ (S. 9). Въ ученой работѣ вѣтъ ничего хуже ссылки на „свѣжій взглядъ и непосредственное чувство“, какъ на руководящее начало изслѣдованія. Вѣдь эти взоры и чувства у каждаго человѣка свои: напр. у Фейербаха и Л. Толстого они вовсе не тѣ, что у Гарнака. Потерявъ вмѣстѣ съ ошибочной постановкой основной проблемы надежное орудіе къ ея разрѣшенію, проф. Гарнакъ очутился въ печальной необходимости возвести личный произволь въ научный методъ. Слѣдуя этому методу, онъ увидитъ вѣчную сущность евангельскаго благовѣстія въ томъ, что ему

кажется въ немъ рациональнымъ или соответствующимъ общему понятію о религіи, а все остальное онъ отвергнетъ, какъ „шелуху“. Но это будетъ, очевидно, сущность не цѣльнаго историческаго Евангелія Христа, а только его частицы, излюбленной проф. Гарнакомъ. Гораздо меньше остается мѣста субъективизму при удержаніи историко-логической природы вопроса о зернѣ христіанства въ ея чистомъ видѣ. Въ такомъ случаѣ искатель сущности христіанской религіи имѣетъ передъ собой констатированное исторической наукой благовѣстіе Христа во всей полнотѣ его содержанія. Задачей изслѣдователя является указаніе того, что Самъ Спаситель считалъ основой своей проповѣди, и отысканіе въ послѣдней того центра, изъ котораго она выводится и объясняется. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ вопросъ объ основномъ и выводномъ въ Евангеліи много проще вопроса Гарнака о „вѣчномъ“ и „переходящемъ“. Несомнѣнно и то, что логика—болѣе объективное и надежное орудіе познанія, чѣмъ „чувство истины“ или общее понятіе о сущности религіи. Кромѣ всего этого, безконечно важно то, что историко-логическая постановка вопроса о сущности Евангелія даетъ въ его рѣшеніи зерно всего историческаго Евангелія Христа. Конечно, и проф. Гарнакъ не можетъ обойтись безъ вопроса объ основномъ и выводномъ въ Христовомъ благовѣстіи, но ему приходится обратиться съ такимъ вопросомъ лишь къ тому остатку благовѣстія, который получается послѣ исключенія изъ послѣдняго всего „переходящаго и измѣнчиваго“.

Знакомство съ методологіей автора *Das Wesen des Christentums* создаетъ убѣжденіе въ томъ, что онъ не сумѣлъ устоять на чисто исторической почвѣ. Вопреки собственному обѣщанію, проф. Гарнакъ ввелъ въ своихъ лекціяхъ философско-субъективную точку зрѣнія на поле и средства изслѣдованія. вмѣстѣ съ этимъ онъ всталъ въ длинный рядъ другихъ „раціоналистическихъ“ искателей сущности христіанской религіи. Такое, вовсе не почтенное, родство надѣляетъ нашего ученаго наслѣдственной болѣзью раціоналистовъ—историческимъ дальтонизмомъ, который препятствуетъ имъ видѣть въ исторіи то, что имъ не хочется видѣть. Какъ скоро этотъ по-

рокъ замѣченъ въ методологіи Гарнака, то нужно ожидать, что имъ заражены и всѣ его лекціи. Будетъ очень интересно убѣдиться въ этомъ. Съ другой стороны, хочется вѣрить, что здравые приемы историческаго изслѣдованія сущности христіанства всюду будутъ выгодно отъѣняться недостатками методовъ Гарнака и вполнѣ докажутъ свою разумность.

Вслѣдъ за методологическими соображеніями проф. Гарнакъ предлагаетъ нашему вниманію свой взглядъ на Евангелія, какъ источники для исторіи Иисуса и Его благовѣстія. Этотъ взглядъ представляетъ собой резюме изслѣдованія о каноническихъ Евангеліяхъ, сдѣланнаго Гарвакомъ во второй части его *Geschichte der altchristlichen Litteratur* (S. 651—680, 246 ff.). Отношеніе знаменитаго историка къ первымъ тремъ Евангеліямъ ясно говоритъ о томъ, что историческая правда все болѣе находитъ уваженія среди свободомыслящихъ богослововъ Германіи. По его мнѣнію, самое древнее Евангеліе—Марка появилось между 65 и 85 г.г., второе—Маттея возникло въ 70—75 г.г., Евангеліе Луки составлено между 78 и 93 г.г. ¹⁾. Въ указаніи этихъ датъ проф. Гарнакъ ближе всего стоитъ къ Вейсу, который устанавливаетъ такую хронологію: Евангеліе Марка появилось около 67 г., Евангеліе Маттея написано вскорѣ послѣ 70 г., Евангеліе Луки составлено послѣ 80-го года ²⁾. Въ признаніи же первоевангеліемъ творенія Марка берлинскій историкъ стоитъ, употребляя выраженіе Кейма, на „излюбленномъ конькѣ новѣйшей критики“, или, какъ сказалъ бы Канисъ, впадаетъ въ „главнѣйшее заблужденіе ея“ ³⁾. Какъ бы то ни было, но нашъ авторитетный ученый помѣщаетъ два синоптическихъ Евангелія въ третьей четверти перваго столѣтія и одно—близко къ ней. Здѣсь предъ нами большая уступка, сдѣланная отрицательной критикой правдѣ церков-

¹⁾ *Geschich. altchrist. Litteratur*. S. 653, 654—655.

²⁾ В. Weiss. *Lehrbuch der Einleitung in das N. T.* Berlin. 1886. S. 548, 537, 555.

³⁾ См. Meyer—Weiss. *Matthäus*. 7 Aufl. S. 30. Критическіи замѣчанія на эту гипотезу см. у Шанца: *Die Marcushypothese* (Theol. Quart. 1871. S. 489 ff); также у Герике: Введеніе въ новозавѣтныя книги Св. Писанія 69 г., у Арх. Михайла: О евангеліяхъ и евангельской исторіи. Москва. 1870. Н. Троицкій. О происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ евангелій. Кострома 1878 г.

наго преданія, такъ какъ первые представители ея, Штраусъ и Ф. Х. Бауръ, эпохой появленія синоптическихъ Евангелій считали 130—150 г.г. Въмѣстѣ съ раннимъ происхожденіемъ первыхъ трехъ Евангелій проф. Гарнакъ признаетъ за ними и историческую достовѣрность, правда, съ извѣстной оговоркой. Къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ не указываетъ нарочито и обстоятельно, какіе именно слѣды позднѣйшихъ временъ онъ находитъ у синоптиковъ, въ какихъ именно ихъ рассказахъ преувеличенъ, по его мнѣнію, чудесный элементъ, гдѣ именно ихъ вѣра въ то, что на Иисусѣ исполнились ветхозавѣтныя пророчества, затемнила подлинную исторію Христа. Лишь отдѣльные указанія въ исторіи догматовъ (В. I, S. 74—76) и въ лекціяхъ (8. 20, 96—103) Гарнака даютъ намъ понять, что онъ, подобно напр., Гольцману, находитъ все это, главнымъ образомъ, въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о рожденіи, смерти и воскресеніи Спасителя ¹⁾. Безспорнымъ представляется то соображеніе, что для созданія всякихъ постороннихъ измышленій и для привнесенія ихъ въ жизнеописаніе Спасителя необходимо значительный періодъ времени. Понимая это, миеологи, Штраусъ, Бауръ и др., относили написаніе Евангелій къ половинѣ второго вѣка. Но 30—40 лѣтъ, которыя протекли, по хронологіи Гарнака, отъ Христа до написанія синоптическихъ Евангелій, вовсе недостаточно для образованія евангельскихъ „миеовъ“ о рожденіи и воскресеніи Спасителя. Эта мысль представляется вполне несомнѣнной, если припомнить поразительныя подробности евангельскаго повѣствованія хотя бы о рожденіи Иисуса Христа и Его Предтечи. Надобно быть безумно смѣлымъ, чтобы допустить, будто ученики Спасителя, въ продолженіе 30—40 лѣтъ послѣ Его смерти, могли придумать небесныя видѣнія Маріи, Іосифу, Захаріи, путешествіе Іосифа и Маріи въ Вифлеемъ и Египетъ, посѣщеніе Маріей Елизаветы и ихъ вдохновенныя рѣчи, пророчества Симеона и Анны при обрѣзаніи Иисуса и другія болѣе незначительныя подробности, свойственныя лишь жизненной правдѣ ²⁾. Невоз-

¹⁾ Holtzman. Einleitng. S. Aufl. 1892. S. 376.

²⁾ М. И. Богословскій. Дѣтство Г. Н. Иисуса Христа и Его Предтечи. Казань. 1893. Стр. 134.

возникновенія такого рода мнѣа въ такое краткое время тѣмъ очевиднѣе, что оно должно было бы произойти на глазахъ очевидцевъ и слушателей Спасителя, изъ которыхъ многіе, несомнѣнно, дожили до написанія Евангелій. Въ это время, по справедливому замѣчанію Генриха Бесе, „живы были не только многіе изъ Его учениковъ и вѣрующіе, которые Его видѣли, но и многіе изъ Его невѣрующихъ враговъ“¹⁾. Съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что упреки, дѣлаемые проф. Гарнакомъ по адресу первыхъ трехъ Евангелій, не опираются ни на какія положительныя, историческія основанія, кромѣ простого „credo“. Да и откуда почтенный проф. могъ бы узнать, что синоптики преувеличили чудесное въ исторіи Иисуса, если эта исторія самому ему извѣстна лишь по рассказамъ тѣхъ же писателей? Откуда также онъ можетъ знать жизнь Спасителя, незатемненную вѣрой синоптиковъ въ то, что на Иисусѣ исполнились ветхозавѣтныя пророчества? Въ словахъ Гарнака была бы большая доля правды, если бы было извѣстно, что Христосъ не творилъ чудесъ и не относилъ къ себѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Между тѣмъ, отнюдь нельзя сомнѣваться въ томъ, что Спаситель Самъ относилъ къ Себѣ мессіанскія предсказанія пророковъ²⁾, и что, даже по мнѣнію Гарнака; совершала изумительныя и непонятныя исцѣленія больныхъ. Простое и вѣрное объясненіе обоихъ послѣднихъ обвиненій, возводимыхъ нашимъ ученымъ на синоптические Евангелія, заключается въ томъ, что, по его вѣрѣ, не можетъ быть никакихъ пророчествъ и чудесъ въ собственномъ смыслѣ. Какъ извѣстно, проф. Гарнакъ самъ не считаетъ недостатки синоптическихъ Евангелій важными, подрывающими ихъ историческій авторитетъ; и если мы сказали нѣсколько словъ въ защиту этихъ Евангелій, то для того, главнымъ образомъ, чтобы показать новую брешь, пробитую въ „историческомъ“ изслѣдованіи Гарнака его рационалистической вѣрой.

Нечего и говорить о томъ, какъ эта вѣра должна была

¹⁾ Достоверность нашихъ евангелій. Перев. съ нѣмецкаго. Москва. 1899. Стр. 142—141.

²⁾ Лук. IV, 18—22; VII, 20—23; Мѣ. XXVI, 63—65; Мрк. XIV, 61—64.

ополчить проф. Гарнака противъ нашего четвертаго Евангелія, съ неотвратимой силой и ясностью благовѣствующаго о величайшемъ чудѣ: „Слово плоть бысть“ (1. 14). Во второй части *Geschichte der altchristlichen Litteratur* можно видѣть тѣ основанія, по которымъ проф. Гарнакъ въ своихъ лекціяхъ рѣшительно, но кратко, утверждаетъ, что четвертое Евангелія не произошло и не могло произойти отъ ап. Іоанна. При разборѣ внѣшнихъ свидѣтельствъ о подлинности четвертаго Евангелія нашъ ученый пытается совершенно устранить важное свидѣтельство св. Ирины Лѳонскаго и истолковать въ свою пользу сообщенія Папія Іерапольскаго. Въ своихъ книгахъ противъ ересей Ириной 60 разъ цитируетъ Евангеліе Іоанна, какъ подлинно апостольское, а объ авторѣ его говоритъ на ряду съ упоминаніемъ первыхъ трехъ евангелистовъ: „наконецъ, и ученикъ Господа Іоаннь, возлежавшій на персяхъ Его, издавъ также Евангеліе, когда жилъ въ Ефесѣ азійскомъ“¹⁾. О достовѣрности этого свидѣтельства непререкаемо говоритъ тотъ фактъ, что св. Ириной былъ въ непосредственномъ общеніи съ ученикомъ Іоанна Богослова, Поликарпомъ, еп. Смирнскимъ. Проф. Гарнакъ, имѣя въ виду признаніе самаго Ирины, что онъ слушалъ Поликарпа „въ ранней юности своей“ (*ἐν τῇ πρώτῃ μὲν ἡλικίᾳ*), хочетъ представить свидѣтельство Ирины показаніемъ малолѣтняго мальчика (Кнабе), которому часто приходилось слышать Поликарпа, но который не стоялъ къ послѣднему ни въ какихъ ивыхъ отношеніяхъ²⁾. Здѣсь почтенный ученый повторяетъ то, что давно твердили Целлеръ, Лютцельбергеръ и др., и что убѣдительно только для нихъ самихъ. По хронологіи самого Гарнака, св. Ириной родился въ 135—142 г., еп. Поликарпъ умеръ въ 155 г.³⁾, ergo—нашъ ученый не имѣетъ права протестовать противъ мысли о томъ, что Ириной слушалъ Поликарпа въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Возможно, что онъ былъ въ то время еще старше, такъ какъ нѣкоторые ученые полагаютъ рожденіе Ирины на 130

¹⁾ Евсевій. Церк. Истор. кн. V, гл. 8. Подлинность четвертаго Евангелія. Н. Молчановъ. Тамбовъ. 1883. Стр. 71.

²⁾ *Geschichte altchristl. Litteratur*. Th. II. S. 656.

³⁾ *Ibid.* S. 656, 386.

и даже 120 г. ¹⁾). Вопреки мнѣнію Гарнака, оказывается, что Ириней слушалъ Поликарпа въ такомъ возрастѣ, когда любознательность, впечатлительность и память обладаютъ наибольшей силой. Въ виду этого понятно сообщеніе Иринея о томъ, что онъ хорошо помнитъ внѣшній видъ и образъ еп. Поликарпа, мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ, и т. п., а также и всѣ его *разказы* о Христѣ, всѣ его *бесѣды* объ Іоаннѣ и др. апостолахъ и *ихъ писаніяхъ* ²⁾). Это признаніе Иринея вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мѣстами изъ его сочиненій даетъ право утверждать, что онъ былъ въ тѣснѣйшей близости съ еп. Поликарпомъ, былъ его ученикомъ. Въ виду этихъ фактовъ необходимо признать, что свидѣтельство Иринея Ліонскаго о подлинности четвертаго Евангелія заслуживаетъ полной вѣры. Но отрицательная критика, и съ ней проф. Гарнакъ, подрывается подъ авторитетность показанія Ліонскаго епископа съ другой стороны, утверждая, что Поликарпъ Смирнскій не былъ ученикомъ Іоанна Богослова. По убѣжденію вашего ученаго, св. Ириней „изъ пальцевъ высосалъ“ ³⁾), или изъ творенія Папія заимствовалъ мнѣніе о томъ, что Поликарпъ былъ ученикомъ ап. Іоанна. Между тѣмъ, согласно съ Евсеіемъ прибавляетъ онъ, у Папія пресвитеромъ Іоанномъ называется не апостолъ, а кто то другой. Значитъ, Ириней смѣшалъ де этого Іоанна съ любимымъ ученикомъ Іисуса ⁴⁾). Надобно полагать, что святой епископъ Ліонскій „пальцевъ не сосалъ“, и слѣдуетъ признать, что, кромѣ творенія Папія Іерапольскаго, у него былъ другой источникъ свѣдѣній о св. Поликарпѣ—личное знакомство съ нимъ, рассказы самого Поликарпа. Естественно надѣяться, что Ириней собственнымъ ушамъ и рѣчамъ еп. Смирнскаго довѣрялъ больше, чѣмъ книгѣ Папія. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы онъ не зналъ вполне точно отъ самого Поликарпа и его окружавшихъ, кто былъ учителемъ послѣдняго. И если бы Ириней услышалъ отъ

1) Г. Безе. Назван. соч. Стр. 27.

2) Евсеій. Церк. Исторія, кн. V, гл. 20. Мы кратко передали содержаніе этого разказа св. Иринея, но весьма важно знать его въ подлинномъ видѣ.

3) Nat. aus den Fingern gezogen, т. е. выдуманъ. S. 657.

4) Geschichte altchrisl. Litter. Th. II. S. 657, 659. ff.

еп. Смирнскаго и близкихъ къ нему лицъ, что этотъ епископъ не былъ ученикомъ Іоанна Богослова, то, конечно, никакія свидѣтельства Папія, тѣмъ болѣе свидѣтельства неясныя, не заставили бы его признать ап. Іоанна учителемъ Поликарпа. Значитъ, сообщеніе св. Иринея о томъ, что Поликарпъ былъ ученикомъ Іоанна Богослова, заслуживаетъ полнаго довѣрія, какъ идущее отъ самого Поликарпа. Пусть Иринея дѣйствительно отождествилъ Папіева „пресвитера Іоанна“ съ ап. Іоанномъ, но онъ могъ сдѣлать это не потому, что не зналъ подлиннаго учителя Поликарпа, а наоборотъ, потому, что отлично зналъ его именно въ лицѣ ап. Іоанна. Зная это, св. Иринея могъ и „ученика Господня Іоанна“, учителя Папія, счесть ап. Іоанномъ, такъ какъ Папій Іерапольскій былъ современникомъ Поликарпа Смирнскаго. Думаемъ, что не новая по приѣмамъ попытка проф. Гарнака „ниспровергнуть авторитетъ Иринея въ рѣшеніи Іоаннова вопроса“, не отличается убѣдительностью. Вопреки ей, свидѣтельство св. Иринея, представляя собою свидѣтельство Поликарпа, ученика Іоанна Богослова, неотразимо продолжаетъ говорить о принадлежности четвертаго Евангелія любимѣйшему ученику Господа Іисуса. „Сомнѣваться въ этомъ свидѣтельствѣ, пишетъ К. ТишENDORFъ, можетъ только неразумная страсть къ сомнѣнію“ ¹⁾).

Папій Іерапольскій въ предисловіи къ своему творенію *λογίων χριστῶν ἐζηγήσεις* между прочимъ говоритъ: „я изслѣдовалъ слова самихъ пресвитеровъ, что говорили Андрей, Петръ, Филиппъ, Тома, Іаковъ, Іоаннъ, Матѳей или кто либо другой изъ учениковъ Господа, что говорятъ Аристіовъ и пресвитеръ Іоаннъ, ученики Господни“. Проф. Гарнакъ вмѣстѣ съ Лейшнеромъ, Литфотомъ, Весткоттомъ и др., опираясь на мнѣніе Евсевія и на самый текстъ Папія, различаетъ здѣсь ап. Іоанна и пресвитера Іоанна, ученика Господня, какъ двухъ особыхъ лицъ. Затѣмъ, отвергнувъ предположеніе объ одновременномъ существованіи въ М. Азіи двухъ Іоанновъ, учениковъ Христовыхъ, онъ рассматриваетъ пресвитера Іоанна, какъ автора четвертаго Евангелія ²⁾). Допустимъ, что въ пре-

¹⁾ Когда написаны наши евангеліи? Рус. перев. Полтава. 1866. Стр. 17.

²⁾ G. altchrist. Lit. Th. II. S. 659—674 и 677.

дисловіи къ „Изслѣдованію Господнихъ изреченій“ разумѣются два Іоанна, какъ это хочется Гарнаку, хотя другіе крупныя и безпристрастныя ученые: Герике, Цанъ, Виггенбахъ находятъ здѣсь одного ап. Іоанна ¹⁾. Но такъ какъ два равно двумъ, то необходимо также принять гипотезу двухъ Іоанновъ, учениковъ Господнихъ. Проф. Гарнакъ говоритъ, что „Папій знаетъ въ Азіи только одного Ісаниа, именно пресвитера, а католическіе отцы конца 2-го вѣка—только другого, именно, апостола“ ²⁾. Почтенный ученый допускаетъ не точное выраженіе „знаетъ“, когда надобно бы сказать: „говоритъ“ или „пишетъ“. Если Папій не говоритъ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, то это вовсе не означаетъ, что его дѣйствительно не было тамъ. Подобнымъ образомъ, если отцы говорятъ только объ (азійскомъ) ап. Іоаннѣ, то изъ этого нельзя заключать, будто они не знали никакого другого Іоанна, ученика Христа, или будто такого совсѣмъ не существовало въ М. Азіи. Достаточно того, что Папій пишетъ объ азійскомъ Іоаннѣ, пресвитерѣ, и объ ап. Іоаннѣ, пребываніе котораго въ М. Азіи удостовѣряется многими другими свидѣтелями ³⁾. При допущеніи гипотезы двухъ Іоанновъ, гарнаковское рѣшеніе „Іоаннова вопроса“ перестаетъ быть единственно возможнымъ. Выборъ изъ двухъ возможныхъ рѣшеній его долженъ опредѣляться другими историческими данными. Одного свидѣтельства св. Иринея Ліонскаго достаточно, чтобы отвергнуть выборъ проф. Гарнака и признать писателемъ четвертаго Евангелія св. ап. Іоанна Богослова. Нечего и говорить, что такому рѣшенію Іоаннова вопроса еще болѣе благопріятствуетъ мысль о томъ, что въ предисловіи Папія говорится только объ одномъ Іоаннѣ, апостолѣ Христовомъ. Эта мысль заслуживаетъ при-

¹⁾ Это мнѣніе отстаивается Н. Молчановымъ въ назв. соч. Стр. 137—142. Срв. Геурихъ Безе. Назв. соч. Стр. 80 и д.

²⁾ G. altchrist. Lit. Th. II. S. 674.

³⁾ К. Вейцзекеръ, котораго отнюдь нельзя упрекнуть въ недостатки свободомысліи, говоритъ: „что ап. Іоаннъ въ послѣдніе годы столѣтія управлялъ церковью въ Ефесѣ, это доказывается такими доводами, которые до нынѣ еще не могутъ считаться поколебленными“. D. apostolische Zeitalter d. christlich. Kirche. 1890. 2 Aufl. S. 497. Обсужденіе этого вопроса см. въ книгѣ Н. Молчанова на 124—147 стр.

стальнаго вниманія и довѣрія, особенно въ виду не голослов-
ной догадки проф. S. Pawlicki, полагающаго, что въ перво-
начальномъ текстѣ Папія совершенно не было пресловутой
приставки: „что говорятъ Аристіонъ и пресвитеръ Іоаннъ,
ученики Господни“ ¹⁾. Профессоръ Гарнакъ въ рѣшеніи Іоан-
нова вопроса пытается идти по пути, какъ видно, наиболѣе
уклоняющемуся отъ общецерковнаго голоса, но и наиболѣе
зыбкому.

Всего остального, что высказывается проф. Гарнакомъ о
внѣшнихъ свидѣтельствахъ въ пользу подлинности четвертаго
Евангелія, можно не касаться, какъ неимѣющаго важнаго
значенія. Но необходимо, хотя ненадолго остановитъ вниманіе
на его доказательствахъ неподлинности этого Евангелія, за-
имствуемыхъ имъ изъ самаго Евангелія. Извѣстно, что въ
четвертомъ Евангеліи существуютъ совершенно ясныя указа-
нія на то, что его писателемъ былъ свидѣтель—очевидецъ
евангельской исторіи (1, 14; XIX, 35), и, затѣмъ, что онъ
находился въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Господу, былъ
Его возлюбленнымъ ученикомъ (XIII, 23; XIX, 26—27; XXI,
20—24 и 25), каковымъ три первыя Евангелія и церковное
преданіе представляютъ намъ именно ап. Іоанна. Имѣя въ виду
слова писателя четвертаго Евангелія о томъ, что онъ видѣлъ
Воплощенное Слово, проф. Гарнакъ пишетъ: „не надо забывать,
что здѣсь говоритъ мистикъ, который, съ одной стороны, можетъ
написать: „Бога не видѣлъ нико никогда“ (1, 18), а съ другой
стороны слова: „дѣлающій зло не видѣлъ Бога“ (3 посл II, и 1
посл. III, 6). Затѣмъ, сославшись еще на слова Спасителя Θомѣ:
„ты повѣрилъ потому, что увидѣлъ Меня; блаженны и не ви-
дѣвшіе и увѣровавшіе“ (XX, 29), нашъ ученый рѣшительно
утверждаетъ, что въ вышеуказанномъ мѣстѣ авторъ четвертаго
Евангелія разумѣетъ не чувственное видѣніе, а внутрен-
не, духовное ²⁾. Значитъ-де, онъ могъ и не быть очевидцемъ
жизни Іисуса. Безспорно, что у Іоанна Богослова есть не мало
указаній на внутреннее созерцаніе Бога, на нравственное со-
единеніе съ Нимъ, но это не даетъ никакого права усматри-

¹⁾ Der. Ursprung des Christentums. Mainz. 1885. S. 169—171.

²⁾ G. altchristl. Litter. Th. II. S. 675—676.

вать такое созерцаніе тамъ, гдѣ явно говорится о зрительномъ, внѣшнемъ воспріятіи. Въ первой главѣ своего Евангелія Іоаннъ опредѣленно свидѣтельствуетъ: „Слово стало *плотію*, в *обитало* съ нами и мы *видѣли славу Его*“ (ст. 14). Отсюда слѣдуетъ, что онъ очами видѣлъ Слово, ставшее плотью и жившее среди людей. Употребляя приемы гарнаковской экзегетики, можно доказать, что авторъ четвертаго Евангелія и о воплощеніи Бога, и объ Его жизни среди людей всегда говоритъ въ нравственно-мистическомъ смыслѣ, такъ какъ у него есть слѣдующія выраженія: „если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ“, „кто исповѣдуется, что Іисусъ есть Сынъ Божій, въ томъ пребываетъ Богъ“ (1 посл. IV, 12, 15) и т. п. Подобнаго рода аргументація можетъ лишь дискредитировать защищаемую мысль.

Далѣе проф. Гарнакъ разсуждаетъ такъ: „отрывокъ XXI, 20—23, очевидно, предполагаетъ смерть того ученика, котораго любилъ Господь; съ другой стороны, его нельзя и удалить изъ XXI главы. Но эта XXI гл. указываетъ на то же самое перо, которое написало главы I—XX. Тѣмъ самымъ доказывается, что писателемъ XXI главы, а также и I—XX, не можетъ быть сынъ Заведеевъ, смерть котораго предполагалась выше“ ¹⁾. Евангельскій отрывокъ, который имѣется въ виду Гарнакомъ, содержитъ въ себѣ извѣстныя слова Спасителя ап. Петру объ ап. Іоаннѣ: „если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока прійду, что тебѣ до него?... И пронеслось это слово между братіями, что ученикъ тотъ не умретъ. Но Іисусъ не сказалъ ему, что не умретъ, но“ и т. д. Непостижимо, какъ здѣсь, по мнѣнію Гарнака, предполагается смерть Іоанна? Можетъ быть, думаетъ онъ, что поясненіе къ словамъ Господнимъ прибавлено здѣсь по поводу неожиданной смерти Богослова? Но такая мысль была бы совершенно произвольной. Достаточно того, чтобы „между братіями“ распространилось ложное пониманіе словъ Спасителя, и предъ писателемъ четвертаго Евангелія предстала нужда устранить соблазнъ и возстановить правду. Самъ 23 стихъ объясняетъ себя изъ такого именно повода, и нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ

¹⁾ G. altchrist. Litterat. Th. II. S. 676.

немъ больше того, что есть. Другую попытку понять здѣсь Гарнака дѣлаетъ Леопольдъ Фонкъ. Если мы спросимъ, говорить онъ, почему отрывокъ изъ Іоанна XXI, 20—23 долженъ предполагать смерть ап. Іоанна, то получимъ единственный отвѣтъ: потому что въ своемъ возраженіи ап. Петру Іисусъ высказалъ иредвидѣніе будущаго. Этого не хочетъ допустить невѣрующій критикъ, такъ какъ онъ отрицаетъ Божество Христа ¹⁾. По совершенно невѣдомымъ основаніямъ проф. Гарнакъ находитъ въ XXI, 20—23 четвертаго Евангелія „очевидное“ предположеніе смерти Іоанна Богослова, когда такого предположенія здѣсь „совсѣмъ не видно“ ²⁾.

Знакомство съ наиболее важными основаніями, по которымъ Адольфъ Гарнакъ рѣшительно заявляетъ въ своихъ лекціяхъ о сущности христіанства, что четвертое Евангеліе не принадлежитъ и не можетъ принадлежать ап. Іоанну, обнаруживаетъ, что эти основанія не отличаются ни новизной, ни убѣдительностью. Надобно замѣтить, что и самъ Гарнакъ въ своихъ ученыхъ трудахъ видитъ въ Іоанновомъ вопросѣ „таинственную загадку“ и не считаетъ своего отвѣта на него окончательнымъ и рѣшающимъ „всѣ трудныя загадки, которыя окружаютъ собою Іоанновы творенія и ихъ первоначальную исторію“ ³⁾. Въ виду этого критики справедливо упрекаютъ Гарнака за то, что онъ въ популярныхъ лекціяхъ, предложенныхъ вниманію 600 молодыхъ людей, представилъ свое антицерковное рѣшеніе вопроса о подлинности четвертаго Евангелія, какъ безспорную истину ⁴⁾. Такъ поступаютъ не ученые искатели истины, а не совсѣмъ честные агитаторы, пропагандисты.

Какъ бы то ни было, но проф. Гарнакъ оказывается не въ силахъ поколебать общецерковное и строго научное убѣжденіе въ подлинности Іоаннова Евангелія. Что касается его увѣренности въ іудейскомъ происхожденіи автора четвертаго

1) Zeitschrift für katholische Theologie. 1901. III. S. 428.

2) Въ Хр. Чт. 1880. XI—XII есть спеціальная статья П. Молчанова: „Писатель четвертаго евангелія по самому евангелію“.

3) Dogmengeschichte. B. 1. S. 85. G. altchristl. Litter. Th. II. S. 677—678.

4) Leopold Fonck. Ibid. S. 429.

Евангелія, то она стоитъ въ очевидномъ согласіи съ церковнымъ преданіемъ ¹⁾. Въ указаніи времени появленія четвертаго Евангелія проф. Гарнакъ также стоитъ ближе къ голосу Церкви, чѣмъ къ первымъ тюбингенцамъ, называвшимъ 150—170 гг. Онъ полагаетъ, что это Евангеліе написано между 80 и 110 гг. ²⁾, съ чѣмъ охотно можетъ согласиться, припомнивъ, кстати, что ап. Іоаннъ, написавшій Евангеліе передъ своею смертью, умеръ въ самомъ концѣ перваго вѣка.

Отрицая подлинность Евангелія Іоанна Богослова, проф. Гарнакъ не считаетъ его и въ числѣ заслуживающихъ довѣрія источниковъ евангельской исторіи. Минуя голословныя заявленія нашего ученаго о произволѣ, якобы обнаруженномъ авторомъ четвертаго Евангелія въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ, мы коснемся его указаній на опредѣленные признаки (мнимой) невѣроятности повѣствованій этого Евангелія. Изъ такихъ признаковъ А. Гарнакъ указываетъ на то, что Евангеліе Іоанна повѣствуетъ главнымъ образомъ о дѣятельности Іисуса въ Іерусалимѣ, тогда какъ у синоптиковъ онъ изображается дѣйствующимъ по преимуществу въ Галилеѣ (S. 15). Подобнаго рода различіе между Іоанномъ и синоптиками бесспорно существуетъ, но оно не представляетъ собою противорѣчій между ними, а потому не даетъ права недовѣрчиво относиться къ рассказамъ любимаго ученика Господня. Здѣсь было бы противорѣчіе въ томъ только случаѣ, если бы, по свидѣтельству первыхъ евангелистовъ, Іисусъ не бывалъ въ Іерусалимѣ, а, по показанію Іоанна, онъ не проповѣдывалъ въ Галилеѣ. Между тѣмъ, уже а priori слѣдуетъ думать, что Господь не могъ не бывать въ Іерусалимѣ, куда религіозный долгъ ежегодно призывалъ cadaго благочестиваго іудея, гдѣ Іисусу Христу представлялось наилучшее мѣсто для проповѣди новой вѣры. И у синоптиковъ есть совершенно ясныя указанія на то, что Спаситель нѣсколько разъ посѣщалъ Іерусалимъ. У евв. Маттея и Луки содержится Его изреченіе, указывающее на неоднократное посѣщеніе Имъ города Давида: „Іерусалимъ, Іерусалимъ!.. Сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ

¹⁾ Dogmengeschichte B. 1. S. 85. G. altchrist. Litter. Th. II. S. 679.

²⁾ G. altchristl. Litter. Th. II. S. 679 и на 680—второе примѣчаніе.

птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья“ 1). Спаситель имѣлъ приверженцевъ въ Иерусалимѣ, среди которыхъ былъ извѣстный Иосифъ Аримаеѣйскій, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Лазаря, жившимъ въ Вифаніи, близъ Иерусалима. Объ этомъ говорится у синоптиковъ 2). Значить, у нихъ предполагается проповѣдь и дѣятельность Христа въ Иерусалимѣ и Іудеѣ прежде послѣдней Пасхи. Наконецъ, ев. Лука четыре раза упоминаетъ о томъ, что Іисусъ шелъ въ Иерусалимъ: IX, 51, 53; XIII, 22; XVII, II и XIX, 28. Итакъ, и изъ синоптическихъ Евангелій ясно видно, что Іисусъ Христосъ посѣщаль съ своею проповѣдью Иерусалимъ и Іудею. Съ другой стороны, ап. Іоаннъ, повѣствуя по преимуществу о дѣятельности Спасителя въ Іудеѣ, въ то же время даетъ знать, что Христосъ посѣщаль и Галилею: I, 43; II, 12; IV, I—4; VI, I и д. Какъ видно, въ отношеніи къ такъ называемому „географическому горизонту“ между синоптиками и Іоанномъ нѣтъ не только противорѣчій, но даже существеннаго различія 3). Разница между ними заключается лишь въ томъ, что синоптики почти исключительно рассказываютъ о галилейской дѣятельности Іисуса, а Іоаннъ—объ іудейской. Почему первые евангелисты умалчиваютъ о проповѣди Спасителя въ окрестностяхъ Иерусалима и въ самомъ Иерусалимѣ, неизвѣстно. Преимущественное же вниманіе четвертаго евангелиста къ іудейской дѣятельности Спасителя объясняютъ его желаніемъ восполнить повѣствованія синоптиковъ, досказать то, что опустили они. Во всякомъ случаѣ, такого рода различіе между синоптиками и Іоанномъ не даетъ никакого права отрицать достовѣрность его повѣствованій.

Не повторяя другихъ ходячихъ возраженій отрицательной критики противъ достовѣрности четвертаго Евангелія 4), проф. Гарнакъ указываетъ мимоходомъ еще на то, что только это

1) Мѡ. XXIII. 57. Лук. XIII. 34.

2) Мѡ. XXI. 17; XXVII. 57; Мрк. XI. 3; XV. 42, 43; Лук. X. 38 и д. XXIII. 50 и дал.

3) См. W. Walther. A. Harnacks Wesen d. Christentums 25. Архим. Михайль. О евангеліяхъ и евангельской исторіи. Москва. 1870. Стр. 216 и дал.

4) Разборъ такого рода возраженій см. въ назв. соч. Арх. Михайла и Н. Молчанова.

Евангеліе упоминаетъ о грекахъ, якобы пожелавшихъ видѣть Иисуса (С. 15. Іоан. XII, 20—22). Однако, ничего страннаго и невѣроятнаго въ этомъ сообщеніи Іоанна нѣтъ, такъ такъ, по заявленію самого Гарнака, „Галилея была полна греками“ (С. 15), а Иисусъ былъ необычайнымъ учителемъ, которымъ въ то время интересовался весь Іерусалимъ (XII, 19). Почему синоптики не упомянули о томъ фактѣ, не знаемъ, но всякій согласится, что нельзя смотрѣть на все новое, что говоритъ Іоаннъ сравнительно съ другими евангелистами, какъ на подрывающее довѣріе къ его рассказамъ. Въ противномъ случаѣ придется счесть необходимымъ для признанія достовѣрности четвертаго Евангелія, чтобы оно представляло собой буквальное повтореніе повѣствованій первыхъ трехъ Евангелій.

Какъ (ошибочная) увѣренность Гарнака въ неподлинности четвертаго Евангелія должна приводить его къ отрицанію достовѣрности этого Евангелія, такъ убѣжденіе въ принадлежности четвертаго Евангелія любимому ученику Христову заставляетъ вѣрить его повѣствованіямъ ¹⁾. Какъ очевидецъ евангельской исторіи, онъ передаетъ ее съ поразительными истинно-жизненными мелочами, съ точнымъ указаніемъ мѣста и времени событій ²⁾. Какъ знакомый съ первыми тремя Евангеліями, ап. Іоаннъ въ своемъ повѣствованіи восполняетъ ихъ не только касательно фактовъ, но и по отношенію къ ученію Спасителя. Если синоптики изображаютъ, главнымъ образомъ, внѣшнюю, такъ сказать, душевную сторону Христова благовѣстія и Личность Спасителя, то богословъ по преимуществу раскрываетъ духовную сторону. По мѣткому выраженію Климента Александрійскаго, четвертое Евангеліе, въ отличіе отъ синоптическихъ (*σφραγικά*), представляетъ собою *πνευματικὸν εὐαγγέλιον* ³⁾. Какъ подлинное, Евангеліе Іоанна заслуживаетъ вѣры не только въ рассказахъ о евангельскихъ событіяхъ, но и въ передачѣ ученія Спасителя. Нужно замѣтить, что самъ проф. Гарнакъ чувствуетъ присутствіе истины

¹⁾ Н. Молчановъ. Назван. сочин. стр. 4.

²⁾ II, 6; IV, 28; XII, 5; XVIII, 10, 15; XIV, 31 и др. I, 28, 29, 35, 39, 43; II, I, 12, 23; IV, 6, 40, 43; V, 2; VI, I, 19, 23.

³⁾ Евсевій. Церк. Исторія VI, 1 4: „духовное евангеліе“.

въ четвертомъ Евангеліи, говоря въ своихъ лекціяхъ о достовѣрномъ, хотя и трудно распознаваемомъ, преданіи, лежащемъ въ основѣ этого Евангелія. Въ болѣе же раннемъ своемъ учебномъ трудѣ онъ объясняетъ долю правды четвертаго Евангелія тѣмъ, что автора его, пресвитера Іоанна, ставитъ въ особенныя, близкія отношенія къ ап. Іоанну, и самое это Евангеліе онъ называетъ: *εὐαγγέλιον Ἰωάννου (τοῦ πρεσβυτέρου) κατὰ Ἰωάννην (τὸν Ζεβεδαιον)* ¹⁾. Оказывается, и Гарнакъ не можетъ обойтись въ рѣшеніи Іоаннова вопроса безъ ап. Іоанна, хотя ставить его за спиной пресвитера Іоанна. Это остроумное „κατὰ“ даетъ возможность почтенному ученому брать изъ четвертаго Евангелія то, въ чемъ онъ видитъ согласіе съ синаоптиками (S. 19, 80, 89, 101, 115), и рѣшительно отвергать Іоанново и Христово свидѣтельство о воплощеніи Слова. Признающій подлинность Евангелія Іоанна въ правѣ считать достовѣрнымъ и его благовѣстіе о Словѣ, тѣмъ болѣе, что существеннаго различія между Богословомъ и синаоптиками здѣсь также, какъ увидимъ, не существуетъ. Исслѣдователь Христова благовѣстія, признающій достовѣрность нашихъ Евангелій, обязанъ излагать ихъ содержаніе, по меньшей мѣрѣ, безъ всякихъ урѣзокъ, безъ всякихъ исключеній того, что ему кажется нелѣпнымъ или суевѣрнымъ. Пусть данный исслѣдователь даже не вѣритъ въ Богочеловѣчность Спасителя, но коль скоро Самъ Христосъ исповѣдывалъ Себя единымъ съ Богомъ по существу, а апостолы вѣрили въ Его богочеловѣческую природу, то онъ обязанъ считать ученіе о Богочеловѣкѣ содержаніемъ Христовой вѣры. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ излагать не Христову, а свою вѣру. Вѣдь пельзя, при изложеніи содержанія напр. Корана, вычеркивать оттуда все странное и невѣроятное, если мы не хотимъ получить вмѣсто магометанства лишь жалкій обломокъ его. Такъ точно и по отношенію къ Евангеліямъ. Однако, считая себя вправѣ при обзорѣ ученія Гарнака о сущности христіанства имѣть въ виду наравнѣ съ синаоптиками и Іоанна, мы, ради удержанія опорнаго пункта,

¹⁾ „Евангеліе Іоанна (пресвитера) по Іоанну (Зеведею)“ G. altchr. Litter. Th. II. S. 677.

общаго съ этимъ ученымъ, прежде всего и главнымъ образомъ будемъ обращаться къ первымъ тремъ евангелистамъ.

Въ видѣ нѣкотораго эпизода теперь стоитъ предъ нами вопросъ о евангельскихъ чудесахъ, въ которыя, какъ явленія сверхъестественныя, Гарнакъ совсѣмъ не вѣритъ. Можетъ быть, этотъ вопросъ было бы умѣстнѣе обсудить въ отдѣлѣ методологическихъ разсужденій, но—sit, ut est. Во второмъ подтсрочномъ примѣчаніи къ 59 страницѣ перваго тома Dogmengeschichte проф. Гарнакъ говоритъ: „историкъ не можетъ считаться съ чудомъ, какъ съ несомнѣнно даннымъ историческимъ явленіемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ устранилъ бы тотъ способъ воззрѣній, на которомъ покоится всякое историческое изслѣдованіе. Каждое отдѣльное чудо остается въ историческомъ отношеніи совершенно сомнительнымъ, и накопленіе сомнительнаго никогда не приводитъ къ увѣренности. Но если, не смотря на это, историкъ убѣждается въ томъ, что Іисусъ Христосъ творилъ необычайное, въ строгомъ смыслѣ чудесное, то онъ дѣлаетъ заключеніе отъ исключительнаго (einzigartigen) впечатлѣнія, которое онъ получилъ отъ этой личности, къ ея сверхъ-естественной силѣ. Это заключеніе принадлежитъ къ области религіозной вѣры“. Въ своихъ лекціяхъ нашъ ученый по извѣстнымъ уже намъ основаніямъ рѣшительно отрицаетъ чудеса и даетъ своимъ слушателямъ совѣтъ устранять изъ Евангелій все чудесное, противное ихъ научнымъ убѣжденіямъ.

Прежде всего должно признать, что для указанія сущности Христовой вѣры на чисто исторической почвѣ первостепенную важность имѣетъ рѣшеніе вопроса о томъ, вѣрилъ ли въ чудеса Самъ Спаситель и Его апостолы? Для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ нужды справляться съ мнѣніемъ науки и возможности или невозможности чудесъ. На него отвѣчаютъ Евангелія и отвѣчаютъ, безспорно, положительно ¹⁾. Поэтому, историкъ, независимо отъ того, вѣруетъ онъ самъ въ чудеса или не вѣруетъ, призванъ констатировать тотъ историческій фактъ, что вѣра въ чудеса входитъ въ содержаніе христіанской религіи. Искатель сущности христіанства безусловно обязанъ имѣть этотъ фактъ въ виду и выяснить его связь съ

¹⁾ Мѡ. XI, 2 и дал., 20 и дал. Мѡ. XIV, 26; XII, 22. Мрк. X, 46—52 и проч.

зерномъ благовѣстія. Такого рода обязанность лежитъ на ученомъ изслѣдователѣ содержанія всякой религіи, не только христіанской, но и языческой, магометанской и проч. Въ виду этого упомянутый совѣтъ Гарнака его слушателямъ представляется весьма печальнымъ заблужденіемъ, въ которомъ нельзя не видѣть порожденія основной ошибки методологіи Гарнака. Онъ намѣревается указать „вѣчное“ въ содержаніи христіанской религіи, тогда какъ вѣра въ чудеса кажется ему явленіемъ временнымъ въ исторіи человѣчества. Строгій историкъ, намѣревающийся выяснить содержаніе Христова благовѣстія, можетъ сказать только одно: существуютъ чудеса или нѣтъ, но вѣра въ нихъ входитъ въ содержаніе христіанства, и игнорированіе этого факта искажаетъ христіанскую религію. Чрезвычайно неудачной надо признать попытку Гарнака доказать неважное значеніе чудесъ въ христіанствѣ словами Самого Спасителя: „не увѣруете, если не увидите знаменій и чудесъ“¹⁾. Во-первыхъ, эти слова Христа взяты Гарнакомъ изъ якобы „незаслуживающаго довѣрія“ Евангелія Іоанна. Во-вторыхъ, достаточно припомнить отвѣтъ Спасителя посламъ Іоанна Крестителя, записанный у Матѳея (XI, 2 и дал.), чтобы видѣть весьма важное значеніе чудесъ въ Царствѣ Божіемъ. Извѣстно также, что Іисусъ Христосъ строго осуждалъ невѣровавшихъ въ Его чудеса (Мѳ. XI, 20 и дал.). Если же взять „чудесное, сверхъестественное вообще“, то смѣло можно сказать, что безъ него нѣтъ христіанства, которое учитъ объ осуществленіи на землѣ Царства Божія, смотритъ на исторію, какъ на „божественную жизнь, развивающуюся въ нѣдрахъ человѣчества ради объединенія съ нимъ“²⁾.

Отрывокъ изъ *Dogmengeschichte*, касающійся отношенія историка къ чудеснымъ фактамъ, страдаетъ опущеніемъ очень важной мысли о томъ, что историкъ имѣетъ дѣло не съ фактами, а съ *историческими памятниками*, повѣствующими о лицахъ и событіяхъ, иногда чудесныхъ. Историкъ обязывается описывать прошлую жизнь по этимъ памятникамъ, провѣреннымъ *исторической* критикой. Послѣдняя же не ставитъ, какъ вопроса объ объективной истинности или ложности повѣство-

¹⁾ Іоан. IV. 48.

²⁾ A. Bertoud. *Apologie du Christianisme*. Lausanne. 1898. p. 400.

ваній о чудесномъ въ жизни людей, такъ и вопроса о возможности, или невозможности чуда, который принадлежитъ къ области умозрѣнія. Какъ мыслитель, историкъ, разумѣется, въ правѣ положительно утверждать или отрицать объективную правду повѣствованій о чудесахъ, утверждать или отрицать возможность и реальность чудесныхъ фактовъ. Такъ какъ касательно послѣднихъ возможно двойное отношеніе, зависящее не столько отъ историческихъ данныхъ, сколько отъ религіозно-философскихъ убѣжденій, то они не могутъ служить исходнымъ началомъ и для философскаго обзрѣнія исторіи. Значитъ, только доля правды есть въ словахъ Гарнака изъ Dogmengeschichte, но правда въ большей мѣрѣ и ясности содержится въ слѣдующихъ, относящихся сюда, сужденіяхъ проф. кн. С. Н. Трубецкаго: „естественной точкой отправленія историка служатъ памятники; естественной точкой отправленія для философа служатъ факты евангельской исторіи, притомъ факты безспорные, могущіе быть научно установлены. Въ этомъ объективная граница изслѣдованія научнаго и философскаго. Фактами, отъ которыхъ оно отправляется, не могутъ быть чудеса, взятые сами по себѣ. И это не потому, чтобы историкъ или философъ непремѣнно ихъ отвергалъ, а просто потому, что чудеса, какъ таковыя, лежатъ внѣ науки... Это еще не значитъ отрицать чудо, и если многіе философы и ученые отвергаютъ его, такъ это вовсе не потому, чтобы они отказывались отъ него отправляться, потому что тѣ или другія философскія или научныя убѣжденія въ своемъ результатѣ приводятъ ихъ къ такому отрицанію ¹⁾).

Проф. Гарнакъ изгоняетъ изъ своей исторіи чудесное именно потому, что, по его вѣрѣ, оно стоитъ въ противорѣчьи съ извѣстнымъ „образомъ возрѣнія“, конечно, съ тѣмъ „позитивнымъ“, который допускаетъ всюду лишь естественныя причины и принципиально отрицаетъ все чудесное. Въ своихъ лекціяхъ нашъ ученый ясно высказываетъ „непоколебимое“ убѣжденіе въ томъ, что все, совершающееся во времени и въ пространствѣ, подчинено универсальнымъ законамъ движенія, такъ что чуда въ смыслѣ нарушенія этихъ законовъ быть не можетъ. Но, тотчасъ прибавляетъ почтенный профессоръ, истинно-

¹⁾ Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Т. I. Москва. 1900 г. Стр. 382.

религіозный человѣкъ всегда бываетъ убѣжденъ въ существованіи высшихъ цѣлей бытія, въ способности человѣка освободиться отъ власти и силъ вещнаго міра, при чемъ отдѣльные факты такого господства надъ силами природы религіозный человѣкъ понимаетъ, какъ чудеса. Такое пониманіе неотдѣлимо отъ религіи: послѣдняя стоитъ и падаетъ съ вѣрой въ чудесное (S. 17—18). вмѣстѣ съ этой антитезой вопросъ о чудѣ переносится на единственно подходящую почву, на почву философской оцѣнки, т. н. научнаго и религіознаго сознаній. Отрѣшенный отъ этой почвы, споръ о чудѣ, если и не превращается въ бесплодную логомахію, то имѣетъ значеніе только окончательной обработки того или другого принципиальнаго рѣшенія вопроса. При такой поверхностной постановкѣ вопроса о чудесахъ диспутанты могутъ оказаться въ печальномъ положеніи тѣхъ искателей „правды—матки“, о которыхъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ А. Толстой. Они подъѣзжаютъ къ горѣ истины съ разныхъ сторонъ, но каждый видитъ только одну сторону горы, принимаетъ ее за всю гору и отстаиваетъ свою правду съ оружіемъ въ рукахъ. вмѣсто такого рода боевой схватки разумнѣе осмотрѣть и оцѣнить самыя точки зрѣнія на предметъ ¹⁾).

Споръ о чудѣ создается двумя точками зрѣнія, т. н. научной и религіозной; о чудѣ спорятъ міръ и Богъ. Научное сознаніе представляетъ собою болѣе или менѣе ясно опредѣлившуюся вѣру въ міръ вещей, какъ самозамкнутое подчиненное неизмѣннымъ законамъ цѣлое, въ которомъ можетъ существовать только то, что творитъ волю этихъ законовъ. Проникнутый этимъ сознаніемъ, ученый хочетъ объяснить міръ изъ самого міра, и Якоби былъ правъ, когда говорилъ, что для науки Богъ является лишней помѣхой. Такой ученый устанавливаетъ свой наблюдательный пунктъ среди вещнаго міра и сквозь міръ смотритъ на человѣка и на Бога. Отъ этого онъ видитъ въ нихъ только то, что согласно съ жизнью міра, т. е., онъ опредѣляетъ человѣческую личность и Бога, исходя изъ понятія о мірѣ. При этомъ человѣкъ превращается въ недолговѣчную частицу бытія, а Богъ мыслится или ни на что не

¹⁾ Указаніе литературы по вопросу о чудѣ см. въ Apologie d. Christenthums. P. Schanz. Freiburg. Th. II. S. 433 ff.

нужной тѣнью, отбрасываемой міромъ (атеизмъ, деизмъ), или безличной сущностью бытія (пантеизмъ). Понятно, что логика такого міровоззрѣнія не можетъ допустить мысли о сверхъестественныхъ явленіяхъ, такъ какъ она исходитъ изъ отрицанія живыхъ сверхмірныхъ дѣятелей въ мірѣ.

Міровоззрѣніе религіознаго сознанія исходитъ изъ утвержденія того, что отрицается т. н. идеей науки. Религіозный человѣкъ съ своею собственною личностью сознаетъ сверхъестественнымъ дѣятелемъ, опирающимся на живую и дѣятельную безусловную личность, т. е. на Бога (теизмъ)¹⁾. Въ собственномъ самосознаніи человѣкъ представляется себѣ существомъ отличнымъ отъ міра явленій, свободнымъ отъ условій времени и пространства, существомъ надмірнымъ, хотя онъ знаетъ себя также связаннымъ съ міромъ и дѣйствующимъ въ условіяхъ его жизни. И по скольку его дѣятельность развивается изъ сверхмірной природы и вѣчныхъ интересовъ собственной его личности, онъ естественно видитъ въ ней проявленія сверхъестественной силы. Здѣсь міръ отступаетъ предъ человѣкомъ, подчиняясь его силамъ и цѣлямъ. Конечно, человѣку съ такого рода самосознаніемъ подобная дѣятельность не кажется „чудесной“, потому что она стоитъ въ полнѣйшемъ согласіи съ природой его личности. Но на взглядъ человѣка „научнаго“ міровоззрѣнія дѣятельность человеческой личности, не вызванная съ неизбежностью причинами феноменальнаго міра, является уже сверхъестественной²⁾. Что для одного нормально, то для другого оказывается чудеснымъ. Сознajući себя личностью, человѣкъ не въ состояніи считать себя только частицей вѣшнаго міра, цѣликомъ объясняемой изъ этого міра, но находитъ достаточное объясненіе себѣ лишь въ сродномъ, во высшемъ, безусловномъ существѣ, въ Личномъ Богѣ. Это философское самообъясненіе человѣка отражаетъ въ себѣ основное содержаніе религіознаго сознанія — непосредственное ощущеніе человѣкомъ Божества, какъ без-

1) Хорошія мысли о содержаніи религіознаго сознанія можно найти въ краткомъ очеркѣ Q. P. Feilerer. Die Religion. V. I. Leipzig. 1869. S. 1—72.

2) По Канту, здѣсь сказывается природа подъ автономію чистаго практическаго разума, „сверхъчувственная природа человѣка“. Критика практическаго разума. Перев. Спб. 1897 г. стр. 54.

ковечно высшаго, но родственнаго существа ¹⁾. Философской идеѣ въ религіозномъ сознаніи человѣка соотвѣтствуетъ живой, психологическій фактъ. По даннымъ религіознаго сознанія (и философской мысли) человѣкъ объясняетъ себя и міръ, какъ нѣчто условное, изъ Единаго Безусловнаго Личнаго Бога. И если міръ отступаетъ предъ человѣческой личностью, то онъ не можетъ быть даже призрачной границей для силы Безусловнаго Существа. Религіозный человѣкъ видитъ въ мірѣ непрерывное овеществленіе воли Бога, смотритъ на него, какъ на постояннаго посетителя божественнаго начала. Богъ сопрѣбываетъ міру. Но, какъ вѣчно дѣятельное Существо (вліяніе котораго религіозный человѣкъ непосредственно ощущаетъ внутри себя), онъ и содѣйствуетъ міру, который представляетъ собою *не продуктъ* только воли Божіей, но и постоянный *процессъ* ея осуществленія. Само собою понятно, что міръ не можетъ быть какимъ либо ограниченіемъ воли Божіей, потому что самъ онъ не представляетъ собой ничего болѣе, какъ выраженіе этой воли. Для религіознаго человѣка міровая и человѣческая жизнь (отчасти) есть и должна быть (вполнѣ) развитіемъ сверхъ-природнаго и безусловнаго въ области условнаго и вещнаго. Значитъ, по опыту и логикѣ религіознаго человѣка, дѣйствіе сверхъ-естественнаго въ мірѣ не только возможно, но необходимо существуетъ и представляетъ собою нѣчто „нормальное“. „Если человѣкъ вѣритъ въ Бога, справедливо разсуждаетъ проф. С. Н. Трубецкой, то весь міръ со всею полнотой своихъ силъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ человѣку, будетъ для него не границей или отрицаніемъ, а обнаруженіемъ силы и славы Божіей“ ²⁾. Такъ называемыя чудеса представляютъ собой лишь особенно яркія, необычныя очевидныя явленія сверхъ-естественнаго въ мірѣ. Если соприсущее міру и людямъ Божество сравнить съ электриче-

1) Религія представляетъ собой съ объективной стороны богооткровеніе, съ субъективной—живое, реальное боговоспріятіе. Съ особенной силой это опредѣленіе религіи подсказывается наиболѣе яркими фактами истинно религіозной жизни, напр. „явленіи Духа“ въ обществахъ первыхъ христіанъ (Коринт. XII, XIV) въ переживаніи благодатныхъ воздѣйствій святыми, религіозными людьми. По отношенію къ міру, религія есть процессъ освобожденія и прѣобрѣтенія человекомъ господства надъ міромъ, процессъ, опирающійся на самоутвержденіе человѣка въ Богѣ.

2) Назван. сочин. Стр. 383.

ской энергіей, проникающей собою всю природу, то чудеса можно представить въ видѣ вспышекъ молніи ¹⁾). Очевидно, что религіозному человѣку показался бы „чудеснымъ“, т. е. непонятнымъ, и рациональнымъ, тотъ міръ, въ которомъ не оказалось бы мѣста живому и свободному Богу и Его дѣятельности.

Вотъ, символы вѣры двухъ типовъ міровоззрѣній, изъ которыхъ въ первомъ нѣтъ никакого мѣста мысли о чудѣ, а во второмъ оно составляетъ необходимый членъ. Проф. Гарнакъ проникнуть научнымъ духомъ, и для него религія представляетъ собою парадоксъ (S. 44), а вѣра въ чудеса—продуктъ фантазіи (S. 18). И однако,—замѣчательный фактъ—онъ крѣпко держится за религію и другихъ призываетъ къ ней (S. 188). По его собственному признанію, къ этому побуждаетъ его потребность осмыслить жизнь. „Религія, говоритъ онъ, именно любовь къ Богу и людямъ, есть то, что даетъ смыслъ жизни; наука не можетъ дать его“ (S. 188). Но вмѣстѣ съ вѣрой въ живаго личнаго Бога нашъ ученый долженъ бы принять и всю логику этой вѣры, приводящую къ признанію въ мірѣ дѣйствій сверхъ-естественнаго. Однако, Гарнакъ не рѣшается на этотъ выводъ, и религія является у него какимъ то страннымъ, ненужнымъ придаткомъ къ несродной ей „научности“. Онъ хотѣлъ бы быть и ученымъ послѣдней моды и религіознымъ, но никакъ не можетъ слить въ себѣ того и другого, садясь, какъ говорится, между двухъ стульевъ (S. 44—188).

Итакъ,—міръ или Богъ? Или Богъ только тѣнь, отбрасываемая міромъ, или міръ—одѣяніе славы и силы Божіей? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается рѣшеніе вопроса о чудѣ. Конечно, въ бѣглой замѣткѣ нѣтъ возможности дать надлежащую оцѣнку двухъ основныхъ вѣръ человѣчества. Намъ хотѣлось только показать, какъ создается отрицательное или положительное отношеніе къ чудесамъ, свести споръ о чудѣ ad ovum, выяснитъ логику отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Однако, нельзя удержаться отъ нѣсколькихъ словъ касательно сравнительной цѣнности, т. н. научной и религіозной вѣры.

К. Григорьевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Сравненіе, разумѣется, не вполне точное.

О причинахъ, создавшихъ нынѣшнее положеніе дѣла воспитанія нашего молодого поколѣнія, и о средствахъ для выхода изъ этого положенія ¹⁾.

Вопросъ этотъ чрезвычайно важный, подсказываемый чрезвычайными обстоятельствами времени, вопросъ самый дорогой, священный и близко касающійся насущнѣйшихъ интересовъ общества и, въ частности, отдѣльныхъ единицъ его—семей.

Въ послѣднее время мы были свидѣтелями движенія среди нашей учащейся молодежи. Въ видѣ результата этого движенія явились сотни исковерканныхъ, а то и загубленныхъ молодыхъ жизней, тревожное состояніе общества, скорбь и стоны отцовъ, слезы бѣдныхъ матерей и, что всего досаднѣе и прискорбнѣе, злорадный, сатанинскій смѣхъ недруговъ нашихъ, нашего общественнаго и государственнаго строя.

Кто виновникъ несчастія нашей молодежи, нашей тревоги, родительскихъ стоновъ и воплей? Чтобы найти надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы просимъ читателя сдѣлать съ нами совмѣстную маленькую экскурсію въ область движенія общественной мысли въ Россіи, начиная 60-ми годами минувшаго столѣтія.

Въ моментъ наивысшаго подъема духа въ русскомъ обществѣ, духа благородно-гуманнаго и величаваго, въ царство-

¹⁾ Печатаемая на эту тему статья представляетъ собою рѣчь инспектора Екатеринбургской гимназій С. Н. Бехъ, произнесенную имъ—на торжественномъ актѣ въ гимназій 22 октября 1902 г. Находи многія, высказываемыя въ этой рѣчи, сужденія очень цѣнными для нашего времени, редакція, съ согласія автора, печатаетъ ее лишь съ самыми незначительными измѣненіями. *Ред.*

ваніе Царя-Освободителя, обезсмертившаго свой царскій вѣнецъ славы дарованіемъ своему народу величайшихъ реформъ, которыя имѣли цѣлью поворотить и направить жизнь народную по исконному ея руслу, въ этотъ именно великій моментъ обозначается чуждое кореннымъ основамъ русской жизни, мутное и мутящее теченіе мысли въ извѣстной части русскаго интеллигентнаго общества, мысли не въ русской головѣ родившейся и не изъ русскаго сердца исходившей. Прекрасно понимая, чѣмъ жива и крѣпка Россія, чѣмъ опредѣляется ея исконное существо и что составляетъ ея историческіе завѣты, врагъ Россіи пускается въ атаку противъ коренныхъ основъ русской исторической жизни. Чувствуя и понимая, что православіе и самодержавіе составляютъ, по прекрасному выраженію Бѣлинскаго, *душу* русскаго народа и русскаго государства, нашъ врагъ грубо и святотатственно устремляется противъ этой души, повсюду разставляя сѣти для ея уловленія и истребленія. Русскій міръ оглашается проповѣдью о томъ, что Бога нѣтъ, что человѣкъ не вѣнецъ Божьяго творенія, а прямой потомокъ обезьяны; что вѣра—человѣческой предразсудокъ, придуманный для удовлетворенія эгоистическихъ потребностей извѣстнаго класса людей, что узы брака, освящаемого церковью, суть путы, придуманныя грубыми эгоистами—мужчинами для того, чтобы держать въ рабствѣ женщину и не давать ей свѣта свободы; что отцы и матери только по своей необразованности, неразвитію и вслѣдствіе тщеславія требуютъ отъ своихъ дѣтей исполненія какихъ-то глупыхъ правилъ приличія, благопристойности; что единственная главная потребность человѣка—это потребность пищи и одежды,—а пожалуй, можно признавать и другія потребности, подсказываемыя физическою природой человѣка. Все остальное, вытекающее изъ требованій природы духовной, объявлялось „вздорною потребностью“, окрещенною однимъ изъ отважнѣйшихъ представителей стихійнаго движенія 60-хъ годовъ именемъ *эстетики*. „Куда ни кинь, всюду на эстетику натыкаешься“¹⁾. Когда этою проповѣдью авторитетъ религіи, авторитетъ власти, авторитетъ родителей, нравственность семьи, эти основы об-

¹⁾ Д. Писаревъ.

щества и государства въ глазахъ значительной части молодежи были развѣнчаны и пошатнулись, то ради окончательнаго ихъ ниспроверженія врагъ нашей молодежи и нашей народности развязно вѣщаетъ: „молодежь должна проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ (образное обозначеніе естественныхъ наукъ). Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ, и заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа“.

Вслѣдъ за симъ раздается и льстящій самолюбію молодежи, и вызывающій въ ней отвагу кличъ: „прочь, отцы и матери, прочь старшіе, прочь ханжи и лицемѣры, прочь ретрограды, прочь царскіе холопы: „молодежи дорогу, молодежь впередъ!“ И ринулась молодежь бурнымъ потокомъ, захватывающимъ встрѣчавшихся ему на пути и обдававшимъ брызгами тѣхъ, кто находился въ сторонѣ его дико-стремительнаго бѣга, вырывавшимъ сына изъ объятій отца, дочь—изъ объятій матери, жену у мужа, у общества полезныхъ членовъ, у государства вѣрныхъ слугъ, всѣхъ ихъ вмѣстѣ таща съ собой на дикій пиръ, на разрушеніе существующаго общественно-государственнаго строя нашего и его коренныхъ основъ.

Неудержимый бѣгъ этого бурливаго потока, сопровождавшійся политическими убійствами въ самой дикой и безобразной формѣ, завершился событіемъ 1-го марта, заставившимъ весь міръ содрогнуться и покрывшимъ русское общество вѣчнымъ, несмываемымъ позоромъ. Послѣ этого потокъ былъ приостановленъ въ своемъ бѣгѣ, разлившись по всей обширной территоріи русской и образовавъ въ разныхъ мѣстахъ ея болота большія и меньшія, лужи большія и меньшія.

Объ этихъ болотахъ и этихъ лужахъ со стоячею, затхлою водой мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ. Тутъ-же мнѣ хотѣлось-бы остановить вниманіе на одномъ знаменательномъ обстоятельстве.

Проповѣдь шестидесятниковъ, этого лагеря, породившаго цѣлую плеяду *анархическихъ и террористическихъ дѣятелей*, ратовавшихъ якобы за народное благо, не была вызвана условиями реальной общественно-государственной русской жизни; напротивъ, шла въ разрѣзъ съ народнымъ міровоззрѣніемъ,

она ему претила. Современники этого движенія прекрасно помнятъ, какъ недружелюбно относился народъ къ своимъ самозваннымъ благодѣтелямъ. Достоинно примѣчанія и слѣдующее обстоятельство. Проповѣдь нигилизма и анархизма, ратовавшая якобы за „спасеніе и обновленіе русскаго народа“, шла параллельно съ введеніемъ грандіозныхъ реформъ, имѣвшихъ своею цѣлью дѣйствительное благо русскаго народа и сулившихъ русскому государству силу и мощь непреоборимыя. Не ясно ли поэтому, что проповѣдь эта не изъ русскаго сердца исходила и не въ русскомъ умѣ она зародилась, созрѣла и дала свои печальные плоды, прибавивъ къ вѣнцу славы Царя-Освободителя вѣнецъ Царя-мученика?

Не русское происхожденіе этой проповѣди глубоко чувствовалъ такой недюжинный человѣкъ, какъ Владиміръ Соловьевъ, который въ концѣ 70-хъ годовъ обратился къ русскому интеллигентному обществу со слѣдующими знаменательными словами: „мы, имѣющіе несчастье принадлежать къ русской интеллигенціи, которая, вмѣсто образа Божія, все продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны,—мы должны-же, наконецъ, увидать свое жалкое положеніе, должны постараться *возстановить въ себѣ русскій національный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идейки“. Для прозорливаго ума В. Соловьева не могло быть скрыто, что въ просвѣщенныхъ классахъ русскаго народа творилось что-то недоброе, что этимъ классамъ, по мѣткому выраженію одного нашего писателя и талантливаго и симпатичнаго публициста ¹⁾ „замѣнили натуральную, здравомыслящую русскую голову поддѣльною, приспособленною къ водворенію въ ней отвлеченнаго человѣка, человѣка выдуманнаго, человѣка несуществующаго въ дѣйствительности“.

„И доселѣ продолжается эта фальсификація такого существеннаго продукта, какъ человѣческая голова: „молодымъ людямъ съ очень раннихъ лѣтъ *дѣлаютъ голову*, съ такою же холодною жестокостью, какъ странствующие акробаты уродуютъ ворованныхъ дѣтей, для балаганно-коммерческихъ цѣлей“.

¹⁾ Г. В. Величко, русск. В. іюль 1902 г.

Вѣдь людей съ искусственными головами вполнѣ позволительно считать украденными у матери—Россіи.

Но возвратимся къ болотамъ и лужамъ, которыя образовались отъ разлива потока, дико промчавшагося и пріостановленнаго въ своемъ бѣгѣ въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Вода въ этихъ болотахъ и лужахъ стала съ виду спокойной и какъ-бы потерявшей свойства разрушительной стихіи. Но тутъ оправдывается пословица: „въ тихомъ омутѣ черти“. Вода отъ стоянія стала въ нихъ затхлой, эти болота и лужи наполнились міазмами, въ нихъ завелись лягушки, но лягушки *нераспластанныя*, сулившія въ 60-хъ годахъ русскому народу „спасеніе и обновленіе“, а лягушки живыя, просвѣщенныя и въ своей корректности самыя безупречныя, напѣвающія разныя космополитическіе мотивы, которыми онѣ пріятно ласкаютъ ухо своихъ слушателей. Выражаясь простымъ языкомъ, эти болота и эти лужи стали очагами заразы, которую на большіе районы свободно своимъ дыханіемъ распространяютъ лягушки, высовывая свои головы поверхъ воды и распѣвая свои пѣсни. Если въ этомъ районѣ появится свѣжая струя воздуха, способная оздоровить затхлую атмосферу, то все лягушечье царство болотъ и лужъ приходитъ въ переполохъ и дружными усиліями, не брезгая никакими средствами, старается отстранить вліяніе этой свѣжей струи, столь для него непріятной, а главное—столь для него невыгодной.

Убѣдившись въ непригодности и безуспѣшности террористическихъ дѣяній своихъ, анархическая партія вступаетъ на путь *мирной* пропаганды, поставивъ для себя задачей *разложеніе* коренныхъ началъ русской исторической жизни, разложеніе общественныхъ элементовъ, окончательное отторженіе русской интеллигенціи отъ родной почвы, къ сѣянію на русской нивѣ сѣмянъ чуждыхъ ей, органически съ нею несродныхъ и ею неприемлемыхъ. Потому-то и вырастаетъ изъ этихъ сѣмянъ одно лишь пустоколосье.

Завелись у насъ софисты, раньше на Руси невѣдомые, потому что въ то время русскій человекъ сердцемъ и умомъ *сознавалъ* себя, крѣпко держалъ въ себѣ историческіе завѣты

русскіе, берегъ въ себѣ и для своего потомства свое исконное существо.

Теперь-же добрая часть русской интеллигенціи, оторванная отъ родной почвы или вовсе этой почвы незнающая, совершенно исключила изъ круга насущнѣйшихъ потребностей человѣческихъ потребность *самопознанія и самоопредѣленія*, содѣйствуя этимъ, сама того не подозревая, успѣху проповѣди нашихъ софистовъ. Стоитъ софистамъ пустить въ ходъ абсурдную фразу, произнесенную какимъ нибудь интеллигентомъ, подобную слѣдующей: „тѣло мое принадлежитъ Россіи, а душа Западной Европѣ“, и фраза эта, безъ опредѣленія ея внутренняго смысла и значенія, безъ вдумыванья въ ея сущность, быстро разносится въ интеллигентныхъ сферахъ, повторяется тысячами устъ и изъ ничтожнѣйшей, бессмысленной фразы возводится въ девизъ, а ея виновнику преподносится титулъ *великаго таланта* земли русской. Какимъ ироническимъ абсурдомъ, какой противоестественностью звучитъ тутъ слово *русской* (земли) и какъ оскорбительно оно для чувства истинно русскаго человѣка! Чтобы прослыть великимъ талантомъ земли *русской*, надо только отречься отъ *русской* души и воплотить въ себѣ душу западно-европейскую! А между тѣмъ этотъ абсурдъ, эта противоестественность какъ властно дѣйствуютъ и на недозрѣвшаго юношу, и на почтеннаго мужа, и на убѣленнаго сѣдиной старца. Властность этого абсурда до того сильна, что заглушаетъ въ человѣкѣ инстинктъ самосохраненія, ведетъ къ политическому самоубійству, вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливая и очищая путь къ убійству политической самостоятельности русскаго народа. А въ этомъ и заключается конечная цѣль вождельнѣй нашихъ софистовъ.

Но чтобы властное дѣйствіе ихъ проповѣди не ослабѣвало, чтобы не оживлялся природный инстинктъ у ихъ адептовъ, чтобы въ комъ нибудь изъ нихъ не воскресло чувство національное, чувство патріотическое, наши софисты, играя словомъ *человѣкъ*, ублаживаютъ своихъ слушателей и своихъ читателей изобрѣтенною для этого фразой: „надо быть прежде всего *человѣкомъ*, а потомъ уже русскимъ, нѣмцемъ, французомъ и проч. При этомъ тщательно маскируется истинный смыслъ

званья *человѣкъ*, чѣмъ извращается и правда логическая, и правда реальная: слово *человѣкъ* выставляется софистами какъ родовое понятіе, тогда какъ оно въ дѣйствительности есть одинъ изъ видовъ цѣлаго рода живыхъ, движущихся существъ. Поэтому и законы логики, и велѣнія правды реальной требуютъ измышленную софистами фразу перестроить такъ: надо быть прежде всего *человѣкомъ*, созданнымъ по образу и подобию Божію, одареннымъ умомъ и волею, а не быть звѣремъ свирѣпымъ, жаднымъ, не быть также представителемъ и другихъ видовъ царства животныхъ, лишенныхъ разума и воли. Затѣмъ въ естественномъ порядкѣ, *человѣкъ долженъ* быть русскимъ, нѣмцемъ, французомъ и проч. и хранить присущую каждому изъ нихъ сокровищницу духа. Объединяясь въ чувства принадлежности къ одному и тому же виду, всѣ под-виды (русскій, нѣмецъ, французъ) должны устанавливать взаимныя отношенія мѣрами и средствами, ихъ виду свойственными. Пренебрегать этими средствами и прибѣгать къ средствамъ и мѣрамъ, свойственнымъ другимъ видамъ царства животныхъ, называется *безчеловѣчностью, дикостью, звѣрствомъ* и т. п.

Но чтобы за своими космополитическими бреднями, вообще лишенными реального смысла, обезпечить право существованія, софисты выдвигаютъ изъ своей кладовой разныя теоріи, одна другой абсурднѣе, но вышедшія изъ одного и того же источника и ведущія къ одной и той же цѣли—къ вытравленію и окончательному уничтоженію началъ, положенныхъ въ основу *человѣческихъ обществъ*.

„Въ чемъ настоящая зиждущая, животворящая сила *человѣческаго общества*, та сила, которая его организуетъ, которая, при крѣпкомъ, здоровомъ состояніи, выручаетъ людей изъ всѣхъ осложненій, бѣдствій и опасностей, и при захирѣніи которой, наоборотъ, *человѣческое общество хирѣетъ, слабѣетъ и погибаетъ*“¹⁾? Одна изъ теорій, вотъ ужъ полстолѣтія распространявшаяся въ массахъ, такъ называемая теорія „экономическаго матеріализма“ видитъ такую силу *въ эволюціи производства*. По этой теоріи *человѣкъ самъ по себѣ такой же нуль, въ смыслѣ самостоятельнаго источника силы*, какъ лю-

1) Г. А. Тихомировъ, „Моск. Вѣд.“ № 268.

бой атомъ природы. Онъ создается условіями накопленія и траты силы. Эти условія накопленія и потери силы выражаются въ условіяхъ *питанія*, которыя, въ свою очередь, сводятся къ *процессу производства*. Этимъ-то и создается будто бы человѣкъ, и вся его жизнь, и все его общество, котораго внутренній строй всегда таковъ, каковы техническія условія производства, и не можетъ быть инымъ. Измѣняются техническія условія производства—и роковымъ образомъ измѣняютъ человѣческое общество, его строй, его формы власти, его нормы права и свободы“.

Эта теорія возникла, какъ противовѣсъ дѣйствительности, которая свидѣтельствуетъ, что человѣческое общество съ самаго того момента, когда человѣкъ почувствовалъ и созналъ свое отличіе отъ остальныхъ живыхъ тварей, создается, начиная съ первичной формы общежитія (семьи), и развивается на основахъ не внѣшнихъ, а внутри человѣка пребывающихъ, на основахъ *психологическихъ*, по велѣнію души, внушившей человѣку чувство власти надъ собою какой-то высшей силы, потребность и стремленіе къ познанію которой и составляютъ сущность человѣческаго общества во всѣхъ стадіяхъ его развитія. Общественность покоится на началахъ нравственныхъ, а не матеріальныхъ. Отсюда и понятна ярая атака сторонниковъ экономическаго матеріализма противъ главнѣйшихъ источниковъ, созидających психологическую силу общества,—противъ религіи и всѣхъ ея установленій. Взамѣнъ создается „утилитарная этика“, вкусъ къ которой пріобрѣтается легко. „Въ результатѣ экономическіе процессы становятся могущественнѣе, а человѣкъ ничтожнѣе, вмѣстѣ-же съ нимъ хирѣетъ и общество. Такое общество охотно терпитъ явленіе, которое Щедринъ весьма мѣтко называлъ „животно—половымъ космополитизмомъ“.

Да и неудивительно: вѣдь наши софисты путемъ печати и устной проповѣди съумѣли пустить въ обращеніе принципы философіи Ницше. Этотъ одержимый страданіемъ головного мозга человѣкъ ставитъ на высокій пьедесталь „силу лжи“ и преднамѣреннаго обмана. По Ницше, цѣль человѣчества—„преодолѣть себя во имя болѣе высокаго идеала. Чтобы до-

стигнуть этого, нужно развивать свои человѣческія страсти до апогея и въ нихъ пережить самого себя, отречься отъ себя, уничтожить себя и этимъ уготовить путь для „сверхъ-человѣка“ (Uebersensch), который такимъ образомъ явится созданіемъ *самого человека*. Стремленіе въ красотѣ „сверхъ-человѣка“ замѣняетъ прежнее стремленіе въ правдѣ и добру въ жизни“.

Усерднаго фотографа для принциповъ своей философіи нашелъ Ницше въ Россіи въ лицѣ Максима Горькаго, который въ своихъ картинкахъ рисуетъ „бывшихъ людей“. Сквозь призму анархическаго цинизма онъ уже видимо воображаетъ, что „сверхъ-человѣкъ“ уже родился взамѣнъ теперешняго, развившаго въ себѣ человѣческія страсти до апогея и въ нихъ пережившаго себя, отрекшагося отъ себя, самоуничтожившаго себя, превратившись въ *навозъ*, подѣ дѣйствиємъ котораго и явился продуктъ его дѣятельности—вмѣсто прежняго человѣка — „сверхъ-человѣкъ“. Вотъ почему своихъ героевъ Максимъ Горькій величаетъ „бывшими людьми“.

Переходъ отъ беспочвенныхъ бредней космополитизма „къ животной философіи Ницше и анархическому цинизму его послѣдователя г. Максима Горькаго—есть явленіе неизбежное, требуемое, если можно такъ выразиться, логикой самой природы. Этотъ переворотъ имѣетъ свою аналогію въ растительномъ царствѣ: есть такіе цвѣты, ароматъ которыхъ смѣняется нестерпимымъ зловоніемъ, какъ только они начнутъ увядать. А можетъ ли не увядать все то, что лишено реальной почвы?“ ¹⁾ Такими именно (безпочвенными) и являются всѣ теоріи, которыя пригнетаются „многія головы російской интеллигенціи“.

Софисты нашего времени по своимъ замысламъ, цѣлямъ и задачамъ, представляютъ не какое-нибудь новое явленіе въ жизни человѣчества, они лишь воскрешаютъ въ своемъ лицѣ софистовъ древне-эллинскихъ: какъ тѣ, такъ и другіе обнаруживаютъ не истинную мудрость въ высокомъ значеніи этого слова, а „мудрость кажущуюся“ и избираютъ такую мудрость орудіемъ для преслѣдованія своихъ цѣлей и выгодъ, въ ущербъ интересамъ общества, народа. Эллинскіе софисты проповѣдывали, что естественное право—есть право сильнаго (ср. по-

¹⁾ Г. В. Велічко.

вую проповѣдь о борьбѣ за существованіе), а всѣ положительныя законы суть произвольныя постановленія разныхъ законодателей въ ихъ собственныхъ интересахъ.

Если всѣми такъ восхваляются нравственныя стихіи, на которыхъ будто-бы покоится строй человѣческаго общества, если всѣ такъ превозносятъ справедливость, то дѣлается это только потому, что масса людей находятъ въ этомъ свою выгоду. Кто-же чувствуетъ въ себѣ силу пренебрегать законами, тотъ имѣетъ на это и право. Исходя изъ такого представленія объ „естественномъ правѣ“ и изъ стремленія къ абсолютной анархіи, эллинскіе софисты возставали противъ многихъ существующихъ учрежденій, противъ всякихъ нравственныхъ основъ и обычаевъ. Всѣ авторитеты были ниспровергнуты и въ народное самосознаніе внесевъ элементъ разложенія. Это разрушительное движеніе не пощадило и религіи, отрицательное отношеніе къ которой въ концѣ концовъ выразилось въ полномъ атеизмѣ.

На защиту нравственныхъ стихій общественнаго строя выступилъ противъ софистовъ знаменитый Сократъ. Но защитникъ нравственной, отъ божества исходящей правды, былъ обвиненъ *въ непочтительномъ отношеніи къ отечественнымъ богамъ* и обвиненъ софистами, истинными разрушителями всѣхъ божескихъ установленій. Интересны слова Сократа, съ которыми онъ обратился къ аѳинянамъ послѣ своего обвиненія: „я не знаю, мужи аѳинскіе, какое впечатлѣніе произвели на васъ мои обвинители. Но что касается меня, то подъ вліяніемъ ихъ рѣчей я представлялся самъ себѣ, можно сказать, другимъ человѣкомъ, до того убѣдительно они говорили. Однако во всемъ томъ, что они говорили, почти не было правды“.

Не такъ-ли поступаютъ съ своими противниками и современные софисты, какъ поступили ихъ аѳинскіе коллеги съ Сократомъ? Всякое здоровое направленіе, всякій убѣжденный честный голосъ въ защиту дѣйствительныхъ общественно-народныхъ интересовъ наши софисты стараются осквернить въ глазахъ массы, изображать представителей здороваго направленія „ретроградами, людьми неискренними, лицемерами, тормозителями русскаго прогресса“, сулящаго обществу неисчис-

лимья земныя блага, въ своемъ „мракобѣси“ преслѣдующими личные интересы въ ущербъ интересамъ народнымъ; однимъ словомъ, подобно аѳинскимъ коллегамъ своимъ, свалившимъ свою собственную вину на Сократа, якобы разрушавшаго своимъ ученіемъ законы страны, и наши російскіе софисты— свою собственную вину сваливаютъ на своихъ противниковъ, уснащая свои обвинительныя рѣчи красивыми, но лишенными реального смысла фразами, вродѣ „гражданской скорби“, „вопля о меньшемъ братѣ“ и т. п. Стоитъ появиться въ печати какой-нибудь мысли, какому-нибудь проекту, несогласнымъ съ возжелѣніями и помыслами софистическаго лагеря, какъ всей строго дисциплинированной—надо отдать ей эту справедливость—арміи софистовъ отдается генералами ея приказъ къ наступленію, и—пошла софистическая трескотня по всей Россіи, ибо софисты расположили свою армію на всемъ ея обширнѣйшемъ пространствѣ, усиливая части ея въ мѣстахъ болѣе опасныхъ для себя и учреждая сторожевые лишь посты (провинціальныя газеты и газетки) въ 5—10 человѣкъ, съ унтеръ-офицерами и даже капралами во главѣ. Отъ трескотни софистической дѣлается переполохъ въ обществѣ, которое, недоумѣвая, изъ-за чего происходитъ эта оглушительная трескотня, слышитъ по адресу кого-то: „охранители, ретрограды, тормозители прогресса, мракобѣсы, эксплуататоры, кровопійцы народныя“. Публика, испытывая частые переполохи, отъ софистической трескотни, начинаетъ питать чувство неудовольствія къ „охранителямъ“, изъ-за которыхъ эта трескотня происходитъ, не желая или не имѣя досуга выяснить: дѣйствительно-ли „охранители“ являются противниками истиннаго прогресса народнаго и дѣйствительно-ли они народныя кровопійцы! Такимъ образомъ наступленіе софистической арміи увѣнчивается желаннымъ успѣхомъ: въ глазахъ общества люди, крѣпко ратующіе за цѣлость этого общества и русскаго народа, являются его врагами, препятствующими ему достигнуть возможнаго благополучія; истинные же враги общества, поставившіе, въ личныхъ своихъ интересахъ, своею задачею ниспроверженіе осповъ, дающихъ обществу право жить разумною и здоровою человѣческою жизнію, сообщающихъ этому обществу—крѣпость и

живучесть,—эти враги, драпируясь въ мантию „последнихъ словъ современности“ объявляются друзьями общества. Но маску долой, и предъ нами предстанутъ кровожадные и плотоядные люди—звѣри, съ правственной стороны. Въ образѣ софистовъ предстанетъ передъ нашими взорами субстанція всесокрушающая и всепожирающая.

Да, убѣдительно говорятъ наши г.г. софисты: подъ вліяніемъ ихъ рѣчей представляется бѣлымъ то, что вчера было чернымъ, что дѣйствительно чернымъ и есть. То расцѣпывая неотразимо—обольстительныя пѣсни сиренъ, то проливая крокодиловы слезы, они воздѣйствуютъ на общественную мысль мало развитыхъ людей. Отъ убѣдительной рѣчи софистовъ, отъ распѣваемыхъ ими пѣсней сиренъ и отъ ихъ крокодиловыхъ слезъ общественная мысль этихъ людей мятется, воля парализуется. Подъ вліяніемъ этого родился среди нашей интеллигенціи немалочисленный сортъ людей, которые не могутъ отдать себѣ отчета въ томъ, чего именно имъ хочется; они, по мѣткому выраженію Щедрина, не могутъ уяснить себѣ: „хочется-ли имъ севрюжины, или конституціи“. Такое состояніе общества поддерживается софистами въ томъ расчетѣ, что въ мутной водѣ удобнѣе удить рыбу.

Теперь перстомъ можно указать: вотъ они, вотъ настоящіе виновники сотенъ и даже тысячъ изуродованныхъ или загубленныхъ молодыхъ жизней, виновники стоновъ и воплей родительскихъ, виновники тревожнаго состоянія общества. Но какое, спросите вы, отношеніе могутъ имѣть софисты къ дѣлу воспитанія подростающаго поколѣнія нашего? А вотъ какое.

Нескромность и неосторожность со стороны нѣкоторыхъ софистическихъ неофитовъ дала возможность узнать слѣдующее мѣсто изъ катехизиса софистовъ: „удастся вамъ захватить въ руки школу, и тогда дѣло въ шляпѣ“. То есть: софисты считали свои корыстно разрушительныя цѣли достигнутыми, если они *по своему* поведутъ воспитаніе подростающаго поколѣнія. (Вспомните про „распластанную лягушку“, въ которой полагалось спасеніе русскаго народа). Въ свое время это мѣсто было оглашено въ печати. Значитъ, планъ захвата школы созрѣлъ у софистовъ одновременно съ планомъ о ниспровер-

женіи общественныхъ авторитетовъ. Онъ относится къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Отсюда понятна та ожесточенная полемика между такъ называемыми классиками и реалистами, вторая въ 60 годы породила объемистую литературу. Но когда софистамъ взять школу въ свои руки не удалось, тогда они поставили себѣ двойную задачу: 1) дѣлать возможно частыя вылазки противъ существующей школы и ея строя и дискредитировать школу въ глазахъ общества, и 2) вліять на подростающее поколѣніе помимо школы, чрезъ семью, а главнымъ образомъ черезъ кружки „самообразованія“.

Вотъ примѣры ихъ вылазки противъ школы. Историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что трудъ, въ противоположность своей антагонисткѣ—праздности, этой родительницѣ всѣхъ пороковъ, есть надежный путь къ счастливой и благополучной жизни человѣка. „Безъ труда, нѣтъ плода“, говоритъ пословица. Люди труда всегда и вездѣ почитаются желанными членами общества. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ школы есть задача—сообщить своимъ питомцамъ *привычку къ труду, къ самостоятельности*, дать имъ трудовое воспитаніе. Софисты, имѣя въ виду свои выгоды, а не счастье и благополучіе людей, стараются парализовать вліяніе школы, лишить ее возможности вырабатывать въ питомцахъ навыкъ къ работѣ. Вотъ потому-то и пускается ими въ обращеніе вновь изобрѣтенный и до того времени неизвѣстный терминъ *переутомленіе* учащихся. Журналы, газеты и газетки переполняются „переутомленіемъ“. Программы объявляются несоотвѣтствующими силамъ учащихся, строй школы непригоднымъ и *неприуроченнымъ къ современнымъ* требованіямъ общества, педагоги—вообще людьми безъ сердца, злобными мучителями подростающаго поколѣнія.

Столь убѣдительная проповѣдь софистовъ повліяла на отцовъ, матерей и на добрую часть интеллигентнаго общества нашего, а черезъ нихъ и на учащееся поколѣніе. Слыша жалобы и хныканье старшихъ, поколѣніе это бралось за работу вяло, безъ вѣры въ необходимость труда для человѣка. А разъ потерялась вѣра въ необходимость спасительнаго труда, обеспечивающаго для человѣка счастье и благополучіе въ жизни, то къ праздности со всѣми ея послѣдствіями разстояніе уже не велико.

Въ средѣ учащихся не замѣчается бывалой бодрости, рвенія и соревнованія и самодѣятельности въ работѣ, а стала наблюдаться вялость и стремленіе взять тотъ или другой урокъ на прокатъ у товарища. Дѣло уже близилось къ отрицанію полезности всякой школьной науки, всякаго знанія, которое обыкновенно пріобрѣтается въ школѣ. А этого только и добиваются софисты: имъ неуютны юноши съ *правильно дѣйствующимъ умомъ, съ дисциплинированной волей, съ фундаментомъ для самостоятельной работы, съ трезвымъ взглядомъ на жизнь и на назначеніе человѣка въ жизни, и неуютны потому, что такихъ юношей труднѣе уловлять софистамъ въ свои сѣти.*

О томъ, какъ вліяютъ софисты на подростающее поколѣніе чрезъ семьи и кружки „самообразованія“, расскажемъ словами нашего симпатичнаго литератора ¹⁾).

„Въ городской семьѣ ребенокъ слышитъ рѣчи, являющіяся отголоскомъ преимущественно беспочвенной и, въ большинствѣ случаевъ, противонаціональной печати. Старшіе члены семьи заняты торопливымъ добываніемъ средствъ къ жизни, либо прожиганіемъ жизни, либо копченіемъ неба. Некогда ни самостоятельно мыслить, ни систематично воспитывать дѣтей. Дай Богъ, чтобы эти послѣднія попали въ школу, переходили безъ переэкзаменовокъ, получили дипломы и пристроились затѣмъ на службу... Семейные разговоры на общественныя темы отличаются крайнимъ и при томъ поверхностно критическимъ отношеніемъ ко всему существующему; правительство оказывается виноватымъ почти безусловно во всемъ. *Такія-то* высокія лица фрондируютъ или ведутъ свою особую политику. Печать оказывается чуть не задавленною „произволомъ“, самоуправленіе и учащаяся молодежь—тѣмъ паче. А тутъ еще какая-то латынь, какая-то хронологія! Приходится для Коли брать репетитора, тратить деньги... Если бы „настоящая“ реформа, то можно бы и безъ репетитора обойтись. Затѣмъ, „побольше бы свободы“, нѣкоторая удача въ биржевой игрѣ,—и можно было провести лѣто въ Аббаціи, куда теперь укатилъ Иванъ Ивановичъ“. „Правда, Иванъ Ивановичъ человѣкъ недюжинный,

¹⁾ Цитуй г. Величко, мы позволили себѣ необходпмыя сокращенія, за что просимъ его извинить насъ.

настоящій американецъ: онъ нагрѣлъ казну на крупную сумму. Кстати: какъ жаль, что „манджурка“ будетъ уже окончательно выстроена къ тому времени, когда Коля кончитъ курсъ, вообще, Колинъка, будь похожъ на Ивана Ивановича! онъ такой дѣльный, умный... и передовой: изъ газетъ онъ можетъ держать въ рукахъ только „Русскія Вѣдомости“, изъ журналовъ только чтонибудь марксистское... собирался надѣть звѣзду, чтобы поздравить Максима Горькаго... но поздравлять не пришлось.

„Годы идутъ и на смѣну отрывочнымъ впечатлѣніямъ является вѣчто *систематическое*. Кое-кто изъ... (старшихъ), нѣсколько „передовыхъ“ товарищей, да два-три знакомыхъ студента „развивателя“ дѣлаютъ Колѣ голову. Ему даютъ хитро составленный списокъ книгъ и статей для прочтенія: прочесть ихъ обязательно, „если онъ хочетъ быть развитымъ и свободнымъ человѣкомъ, а не обскурантомъ“... Одновременно приучаютъ Колю къ рѣзкимъ, безапелляціоннымъ сужденіямъ о томъ, чего онъ не знаетъ. Писаревъ, Шелгуновъ, Михайловскій, а въ послѣднее время великій Максимъ Горькій—геніальнѣйшіе, благороднѣйшіе умы, источники свѣта немеркнущаго. Пушкинъ устарѣлъ, Лермонтовъ—герой безвременья; жаль, что онъ былъ дворяниномъ и офицеромъ. Гоголь подавалъ надежды, но подъ конецъ впалъ въ религіозное помѣшательство, тѣмъ болѣе досадное, что религія столь-же устарѣла, какъ и Пушкинъ. Вотъ Чернышевскій—это настоящій восторгъ! Онъ запрещенъ, но его можно достать. А потомъ Карлъ Марксъ“. Далѣе совѣтуется Колѣ остерегаться мракобѣсія! Остерегаться признать правду зачѣмънибудь изъ того, что писали Катковъ и Аксаковъ и теперь пишутъ кн. Мещерскій и Грингмутъ, потому что такое признаніе было бы поступкомъ нелиберальнымъ и неприличнымъ въ глазахъ людей порядочныхъ. А мнѣніемъ этихъ людей Коля долженъ дорожить и для собственнаго блага твердо помнить, что правы только Писаревъ, Шелгуновъ, Михайловскій, Карлъ Марксъ, Максъ Нордау, Ницше и вообще порядочные люди, а люди смотрящіе иначе, чѣмъ мы, непорядочные и произносятъ ихъ имена безъ бранныхъ эпитетовъ прямо неприлично; въ противномъ случаѣ всѣ передовые люди будутъ на Колю пальцами указывать, какъ на позорное явленіе.

„Годамъ къ 18-ти Коля уже думаетъ, прежде чѣмъ говорить, думаетъ не о томъ, какъ бы не погрѣшить противъ объективной истины, а о томъ, какъ бы не отступить отъ навязанной ему и терроризирующей его программы. У него въ душѣ вырастаетъ нѣчто въ родѣ пузыря съ рыбимъ страхомъ, и этотъ новый органъ остается при немъ, большею частью на всю жизнь, превращая ее въ безпринципное, безвольное и бесплодное прозябаніе. Уста шепчутъ прописныя партійныя формулы, спина гнется передъ каждымъ наглцомъ, произносящимъ ихъ болѣе громко и задорно, а личность Коли превращается въ какую-то безформенную, болѣзненно-самолюбивую слизь“.

Такъ дѣлается голова у подрастающаго поколѣнія нашего и съ такою головою оно вступаетъ въ высшія учебныя заведенія и затѣмъ въ жизнь. Тамъ, помимо вліянія и воли этихъ учебныхъ заведеній, юноша проходитъ *высшее самообразование* по программѣ софистовъ. Тамъ онъ усволяетъ себѣ идеалъ политическихъ формъ жизни, формъ власти и нормы права западно-европейскаго человѣка и получаетъ внушеніе пересадить все это въ Россію якобы для блага русскаго народа, безъ соображенія и вопреки здравому смыслу о томъ, что историческое воспитаніе русскаго народа шло совершенно по другому пути, чѣмъ таковое же западныхъ народовъ, что политическія формы запада для русскаго народа не только не пригодны, но и прямо таки губельны въ смыслѣ самостоятельности его политическаго существованія. Отсюда періодически повторявшіяся обструкціи, проявлявшіяся въ столь дпкой формѣ. Эти обструкціи имѣютъ значеніе военныхъ маневровъ мирнаго времени, служатъ упражненіемъ для молодежи, попавшей подъ знамена софистовъ, приучаютъ ее смотрѣть на себя какъ на пушечное мясо. Такого сорта молодежь софисты избрали орудіемъ для разложенія общественныхъ элементовъ; изъ ея же среды выбираютъ они бойцовъ, готовыхъ дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ. Мастера своего дѣла наши гг. софисты: они сдумѣли сдѣлать своей арміи изъ учащейся молодежи внушеніе, что *не усвоеніе наукъ* служитъ цѣлѣю поступленія въ высшее учебное заведеніе, *не исканіе истины*, столь свойственное молодому человѣку, а *отрицаніе всякой*

науки, всякой истины во имя разложенія общественныхъ основъ, во имя безпорядковъ и смуть. Отсюда и противодѣйствіе, подъ часть въ столь дикой формѣ высказываемое, когда другая часть молодежи не раздѣляетъ такихъ взглядовъ на науку и на отношеніе къ ней молодежи.

Сколько глубоко въ психологію общества проникло вліяніе софистовъ, какъ умалилось въ сознаніи общества значеніе важнѣйшихъ авторитетовъ, иллюстрируемъ нѣсколькими свѣжими примѣрами. „Посодѣйствуйте намъ, обращается инспекторъ къ матери ученика 3-го класса, внушить вашему сыну о необходимости исполненія обязанности человѣка къ Богу вообще и въ частности о томъ, что опаздываніе на поль-службы церковной, систематически практикуемое вашимъ сыномъ, есть нарушеніе этой обязанности“. *Мать.* „Бѣдный мой мальчикъ! единственный разъ въ недѣлю имѣетъ онъ возможность поспать лишній часъ и возстановить свои силенки, а его и этого лишаютъ. Суровыя у васъ требованія!“

— „Я взяла ложу на „Три мушкетера“, обращается черезъ нѣсколько дней та же мать къ инспектору: „разрѣшите взять съ собою и сына,—это вѣдь такъ рѣдко бываетъ“.

Инспекторъ. „Не только на „Три мушкетера“, но и вообще посѣщать учащимся оперетку у насъ не разрѣшается, потому что оперетка не даетъ *здоровой* пищи, ни умственной, ни нравственной, учащимся. При томъ же завтра учебный день, вашему сыну надо во время лечь спать, чтобы завтра со свѣжими силами идти въ гимназію!“

Мать. „Онъ у насъ привыкъ не досыпать. Представленіе вѣдь кончается всего лишь часовъ въ 11, много въ 12 часовъ, а когда у насъ гости, то сынъ ложится далеко за полночь. Для него это ни по чемъ“.

Жалкая такая мать; какъ ничтожны для нея интересы физическаго и нравственнаго воспитанія ея дитяти! Ради оперетки, ради гостей, сынъ, по ея мнѣнію, можетъ не досыпать, въ ущербъ своему недоразвившемуся организму; во избѣжаніе исполненія религіозныхъ обязанностей онъ долженъ поспать лишній часъ, въ ущербъ нравственному развитію! Несчастный мальчикъ! въ твоёмъ умѣ и въ твоей душѣ уже посѣяно тлетворное сѣмя!

— „Позвольте мнѣ сегодня сводить моего сынишку въ народный театр, обращается другая мать.

Инспекторъ. Главная задача школы и родителей-заботиться о физическомъ и умственно-нравственномъ развитіи подросткающаго поколѣнія. Минуя уже вопросъ о пригодности для этого поколѣнія даваемыхъ пьесъ, минуя также вопросъ о томъ, что большинство современныхъ пьесъ не содержатъ въ себѣ здоровыхъ элементовъ для воспитанія, посѣщеніе театра въ учебные дни идетъ въ разрѣзъ съ указанной задачей и вотъ почему. Послѣ спектакля, оканчивающаго въ 12—1 ч., и послѣ впечатлѣнія, испытаннаго отъ спектакля, недоразвившійся организмъ требуетъ отдыха, сна. Естественно, что 5—6 часовъ для этого далеко недостаточно. Отсюда происходитъ, что, 1) добросовѣстный ученикъ проситъ маму разбудить его непременно во время, чтобы къ сроку явиться на занятія. Его разбудили, онъ, наскоро хлебнувши чаю, мчится въ школу, гдѣ въ теченіе 4—5 часовъ долженъ дѣлать надъ собою понятное для недосыпавшихъ людей усиліе, чтобы слѣдить за ходомъ уроковъ. Понятно, что все это дѣлается за счетъ молодого недоразвившагося организма и въ ущербъ его нормальному развитію. Никакая здоровая педагогика взять на себя такой грѣхъ передъ подросткающимъ поколѣніемъ не можетъ и не должна. Вотъ почему педагогическая корпорація гимназіи противится посѣщенію учащимися вечернихъ спектаклей, разрѣшивъ въ интересахъ разумнаго, здороваго и несомнѣнно полезнаго развлеченія посѣщеніе дневныхъ спектаклей. Есть къ тому и другія, не менѣе важныя основанія, которыя будутъ видны изъ слѣдующаго. 2) ученикъ менѣе ретивый, не выспавшись послѣ спектакля, объявляетъ, когда его будятъ, что у него голова болитъ, или зубы, или что его тошнитъ. Обезпокоенные родители приказываютъ его не тревожить, посылаютъ за докторомъ. Выспавшись должнымъ образомъ, ученикъ встаетъ и головную боль, зубную и тошноту словно рукой сняло. Доктору приходится только констатировать, что у мальчика ничего нѣтъ и не было ничего серьезнаго. И слава Богу, что не было ничего серьезнаго въ смыслѣ физическаго здоровья. А такъ-ли обстоитъ дѣло относительно здоровья нравственнаго? Къ при-

скорбію, далеко не такъ: мальчикъ *солгалъ* родителямъ, „провелъ“ ихъ, солгалъ и почувствовалъ силу лжи, ибо мама на другой день присылаетъ классному наставнику удостовѣреніе, что ея сынъ не былъ на урокахъ по причинѣ головной боли. И все это вышло изъ-за спектакля! Не меньшей жалости достоинъ и этотъ примѣръ.

Намъ приходилась бесѣдовать недавно съ матерью этого послѣдняго ученика: особа чптающая, слѣдящая за движеніемъ общественной мысли даже въ пустячныхъ ея проявленіяхъ. „Не думаю, г. инспекторъ, чтобы ваши требованія и требованія вашей корпораціи отвѣчали духу времени и требованіямъ общества, они отзываются до—реформенностію, рутиною. Не я одна говорю это, говорятъ и пишутъ объ этомъ и другіе. Вотъ одна изъ здѣшнихъ газетъ по поводу вашего запрещенія учащимся посѣщать оперетку и другія представленія говоритъ, что запрещенія эти, служа препятствіемъ *свободному развитію личности*, несомнѣстимы съ здравымъ смысломъ“.

Инспекторъ. Люди давнымъ давно условились смотрѣть на вещи въ настоящемъ ихъ видѣ: бѣлое называть бѣлымъ, черное чернымъ, высокое высокимъ, низкое низкимъ. Но давно уже въ мірѣ появилась и порода живыхъ существъ въ образѣ людей, которыя по побужденіямъ, имъ вѣдомымъ, стараются внушать людямъ, что бѣлое надо называть чернымъ, черное бѣлымъ, высокое низкимъ, низкое высокимъ. Точно такъ-же люди давнымъ давно установили взглядъ на свободное развитіе личности. На установленіе этого взгляда подтолкнули людей какъ природный, присущій всѣмъ тварямъ, инстинктъ, такъ и требованія разума и нравственнаго закона. Разумно заботливая мать и съ физической, и нравственной стороны охраняетъ своихъ дѣтей, постепенно, шагъ за шагомъ расширяя для нихъ районъ свободныхъ дѣйствій. Районъ этотъ увеличиваетъ она до большихъ размѣровъ къ тому времени, когда у ея дѣтей наступаетъ полный разцвѣтъ всѣхъ силъ, физическихъ и умственныхъ. Но и послѣ этого мать остается матерью, въ благожеланіяхъ своимъ дѣтямъ, въ молитвахъ за нихъ, предостерегая ихъ отъ фальшивыхъ шаговъ въ жизни, утѣшая и одобряя ихъ въ трудныя минуты жизни и своими совѣтами

удерживая ихъ отъ нечестной жизни, т. е., нравственно воздѣйствуя на нихъ. Слѣдовательно, и для свободнаго развитія личности полагаются извѣстные предѣлы. Позволю себѣ къ словамъ: „свободнаго развитія“, прибавить: слово *разумно*, тогда получится фраза, разумно-свободнаго развитія личности.

Такого взгляда на разумно-свободное развитіе личности должна держаться всякая благоустроенная школа, должна его держаться и всякая разумно-заботливая семья. Обѣ онѣ должны расширять предѣлы самостоятельной дѣятельности по мѣрѣ роста разума и укрѣпленія воли въ питомцахъ. Отказаться-же отъ выполненія такой задачи значитъ—отдать воспитаніе подрастающаго поколѣнія на произволь случая, предоставить этому поколѣвію воспитываться въ традиціяхъ улицы, чтобы оно, выйдя изъ культурнаго гнѣзда, *прогрессировало* по пути къ одичавію и озвѣрѣнію и стало бы жертвою какого-нибудь ворона или коршуна или орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь софиста. Вѣдь этого требуете вы, сударыня, и ваши единомышленники. Вотъ это-то требованіе собственно и есть требованіе не только несомѣстимое съ „здравымъ смысломъ“, но и заключающее въ себѣ *преступный* смыслъ, *преступную* цѣль въ отношеніи подрастающаго поколѣнія и всего общества.

Теперь вы убѣдились, сударыня, что въ наше время изъ блага хотятъ сдѣлать черное и наоборотъ? *Мать*. „Н-н-н-е з-на-ю“, протяжно произнесла она и мы съ нею разстались.

„У меня есть къ вамъ, г. инспекторъ, покорнѣйшая просьба“, обращается мать двухъ учениковъ, помѣщающихся въ пансіонѣ при гимназій: „не разрѣшайте моимъ дѣтямъ ходить въ отпускъ туда-то и туда-то: тамъ дѣти распущены, предоставлены на произволь, безсовѣстно *лгутъ* и обманываютъ родителей, бродятъ, когда хотятъ и куда хотятъ, и заводятъ неподходящія, дажс совсѣмъ непреличныя для ихъ возраста знакомства. Я вовсе не желаю, чтобы мои сыновья бывали въ такой компаніи, вліяніе которой я уже замѣчаю. Подъ праздникъ, послѣ всенощной прошу разрѣшать имъ отпускъ только къ моей старшей сестрѣ. У нея есть свои дѣти, которыхъ она хорошо ведетъ, къ ней по праздникамъ ходятъ обѣ мои дочери-гимназистки. Вотъ тамъ всѣ они пусть и проводятъ сво-

бодное время въ кругу семьи, близкихъ людей. Пусть не отвыкаютъ отъ семьи, и ея порядковъ: вѣдь имъ тоже придется, Богъ дастъ, имѣть собственную семью, такъ пусть уже съ этихъ лѣтъ присматриваются, каковы должны быть отношенія между членами семьи. Въ балаганы и циркъ тоже прошу не пускать сыновей: ничего назидательнаго для себя тамъ они не увидятъ, ничему путному научиться не могутъ. Пусть лучше играютъ въ пансіонскомъ саду—а тамъ просторъ большой—въ мячъ, бабки, кегли и проч. съ своими товарищами“.

Вотъ это разумно-заботливая мать.

Счастливы ея дѣти, они въ горячихъ молитвахъ должны благодарить Бога за то, что Онъ послалъ имъ *такую* мать.

„Я хочу поговорить съ вами, г. инспекторъ, о весьма важномъ для меня дѣлѣ—только ради Бога пусть это будетъ между нами: „мой сынъ (ученикъ IV кл.) крайне меня огорчаетъ: не перекрестивши лба, садится чай пить, тоже дѣлаетъ онъ и вставая изъ за стола. На замѣчанія мои отвѣчаетъ рѣзко, что теперь это не въ модѣ, что старшекласники *такого-то* учебнаго заведенія, бывшіе съ нимъ на вечерѣ у П., подняли его на смѣхъ, когда послѣ ужина онъ *по отибкѣ* перекрестился; было тѣмъ болѣе *стыдно*, что тутъ были и гимназистки, которыя тоже очень смѣялись. Затѣмъ сынъ мой—замѣчаю я—подъ разными предлогами уклоняется отъ посѣщенія церкви. Ради Бога, пособите мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Хотя всѣ говорятъ, что это *несовременно*, но мнѣ ужасно хотѣлось бы, чтобы сынъ изъ-подъ моего крова вышелъ въ жизнь съ такими же понятіями о Богѣ, о нравственности, съ какими выпустили насъ наши родители. Иначе я буду чувствовать тяжкій грѣхъ на душѣ. Потомъ пусть поступаетъ, какъ знаетъ самъ“.

Въ поясъ кланяюсь этой матери. Воздадимъ ей должную дань уваженія и восхищенія за то, что среди лжи и мрака, повсюду разливаемаго нашими софистами, она сумѣла сохранить въ себѣ цѣлостность матери—христіанки, считающей *тяжкимъ* грѣхомъ выпустить изъ подъ своего крова въ міръ своего сына *не христіаниномъ*. Посочувствуемъ ей, что свои истинно материнскія, святые чувства она вынуждена скрывать отъ всѣхъ, зная, что они не поймутъ ея горя, не поймутъ ея

святыхъ чувствъ, а скажутъ еще: вы сами живете подъ вліаніемъ устарѣлаго предразсудка и сына такъ хотите воспитать. Это *несовременно*. Посмотрите кругомъ: кто теперь воспитываетъ своихъ дѣтей такъ, какъ вы хотите воспитать своего сына? Вы ставите препятствіе къ свободному развитію личности, а это теперь считается несомнѣстнымъ съ „здравымъ смысломъ“. Вы совершаете преступленіе, насилуя „естественныя“ склонности сына.

Не тревожься, достойная, честная мать! Не преступница ты, не преступны и твои святые чувства, знай это: ты тотъ свѣточъ, съ помощію котораго рельефно взорамъ наблюдателя представляются современные язвы, твое мѣсто въ числѣ тѣхъ праведниковъ, ради которыхъ Господь сохранитъ нашу страну, подобно тому какъ пѣкогда Онъ обѣщаль сохранить Содомъ и остальные четыре года страны Ханаанской, если въ ней найдется 50 праведниковъ. Но этихъ праведниковъ тамъ не нашлось, и страна погибла безслѣдно.

Нашей странѣ такая опасность еще не угрожаетъ: Господь сохранитъ ее, разъ въ ней найдутся такія же достойныя матери, какъ ты. А онѣ несомнѣнно найдутся на пространствѣ обширной Россіи и найдутся не въ десяткахъ, а въ сотняхъ и тысячахъ. Твердо вѣримъ и надѣмся, что настанетъ наконецъ, время, когда этимъ матерямъ не прійдется уже, подобно тебѣ, скрывать отъ другихъ свои святые материнскія чувства. Вѣримъ и надѣмся, что духъ, угасшій въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, запылаетъ съ должною силою, оживитъ „всяку душу“ и водворитъ въ нашей странѣ миръ, спокойствіе и всякое благополучіе: Родители найдутъ въ дѣтяхъ утѣшеніе для себя, а дѣти будутъ всупать въ жизнь съ бодрымъ духомъ и сердцемъ полнымъ свѣтлыхъ надеждъ.

А вотъ и основаніе для такой нашей вѣры и нашей надежды.

Общій Отецъ нашъ, въ своей заботѣ о благѣ чадъ своихъ, съ высоты Царскаго престола предвозвѣстилъ и предуказаль намъ средства и способы къ успокоенію мятущагося духа въ нашемъ обществѣ и къ устраненію разныхъ, еще въ 60-е годы начавшихся въ немъ, нестроений. Воля царская выражена по сему предмету опредѣленно и ясно и сводится къ слѣдующему.

Поднимите авторитетъ религіи, восстановите авторитетъ нравственности, восстановите авторитетъ родительской власти, внушите молодому поколѣнію уваженіе къ старшимъ; дисциплинируйте его умъ и волю, берегите его физическое здоровье, вырабатывайте въ немъ здоровыя понятія и трезвый взглядъ на жизнь.

Государство, какъ семья въ обширнѣйшемъ смыслѣ, есть *воспитательное* учрежденіе. Свою воспитательную задачу оно выполняетъ чрезъ посредство своихъ органовъ,—черезъ учебныя заведенія разныхъ типовъ и видовъ.

Но государство, какъ обширная семья, состоитъ изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ единицъ—семей, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ государствомъ скрѣпленныхъ органическою связью, этнографически и географически, историческимъ воспитаніемъ и ростомъ, совершавшимися подъ вліяніемъ данныхъ условій, историческими завѣтами и вообще единствомъ своего мировоззрѣнія. Ослабѣваютъ общія, единящія связи, начинаетъ шататься организмъ въ цѣломъ и въ своихъ частяхъ. Атрофируются части, и весь организмъ приходитъ въ неустойчивое положеніе, покачиваясь со стороны въ сторону, до тѣхъ поръ пока не налетитъ какая нибудь стихія и не опрокинетъ его на земь: организмъ погибаетъ. Отсюда ясно, что части должны остерегаться воспринимать въ себя тѣ элементы, которые ихъ атрофируютъ; если же такіе элементы вкрадчиво уже вторгнулись въ существо нѣкоторыхъ изъ этихъ частей, то онѣ должны изгонять эти элементы посредствомъ пріема той пищи, которою онѣ были вскормлены до своего зараженія, и—онѣ станутъ здоровыми. Ясно также, что школа должна быть посредствующимъ звеномъ между общей обширнѣйшей семьей и ея частями. Съ тою и другими школа должна быть связана тою же органическою связью, которою и онѣ связаны другъ съ другомъ. Она должна быть хранительницей и выразительницей тѣхъ же завѣтовъ и историческихъ преданій, которыя составляютъ существо той и другихъ. Въ противномъ случаѣ, это посредствующее звено покрывается ржавчиной, которая разъѣдающимъ образомъ дѣйствуетъ на школу, а чрезъ нее распространяетъ заразу, въ

ширь и въ глубь, и на весь организмъ въ цѣломъ и въ частяхъ. Въ здоровомъ взаимномъ воздѣйствіи этихъ частей другъ на друга, въ дружномъ уходѣ всего организма за образовавшимся на немъ больнымъ мѣстомъ лежитъ вѣрный залогъ выздоровленія этого мѣста. Больное мѣсто у насъ оказалось, это — воспитаніе молодого поколѣнія.

Заботливый Отецъ ста тридцати милліонной семьи предугадалъ намъ роды здоровой и оздоравливающей пищи. Школѣ и семьѣ остается только цѣлесообразно распредѣлять эту пищу и слѣдить за правильными ея приѣмами.

Давайте же, школа и семья, дружно, въ единеніи сердца, пріймемся за работу, полюбимъ эту работу; вложимъ въ нее свою душу; пусть эта работа будетъ намъ „по душѣ“, и она окажетъ скорыя и радостныя послѣдствія. Освободимъ нашихъ дѣтей, освободимъ нашу молодежь отъ рабскихъ оковъ нравственной анархіи, преградимъ ей путь къ окончательному одичанію и озвѣрѣнію; введемъ дѣтей подъ родительскій кровъ, покажемъ на самихъ себѣ, какъ должно устраивать семью на нравственныхъ началахъ и какія должны, на тѣхъ же началахъ, создаваться взаимныя отношенія старшихъ членовъ между собою и старшихъ и младшихъ членовъ семьи между собою; покажемъ, что достойная семья есть школа, въ которой приготавливаются и честные работники для общественной дѣятельности, и вѣрные слуги Государю и отечеству. По этому въ этой же семьѣ будемъ сѣять въ дѣтяхъ сѣмена здоровыхъ понятій на жизнь, на роль и назначеніе человѣка въ жизни и при бдительномъ совмѣстномъ уходѣ семьи и школы, растить эти понятія; внушимъ дѣтямъ, что мы произошли отъ одного изъ троихъ сыновей Ноя, но не отъ *Сима* или *Хама*, а отъ *Иафета*, потомству котораго суждено было вершить великія событія всемірной исторіи, выработать высокую культуру и удостоиться воплотить въ себѣ христіанскую идею; что мы — самая младшая отрасль арійскаго племени — славяне вообще и русскіе славяне въ частности позже другихъ выступили на сцену исторіи; но что русскіе славяне, еще до основанія своего государства, образовали подъ вліяніемъ присущихъ ей началъ, земельную общину, въ которой „всѣ связаны узами вза-

имной поддержки, гдѣ дарованіе, счастье, личные интересы добровольно подчиняются *общему* благу, гдѣ для зависти, корысти и честолюбія вѣтъ мѣста и гдѣ слѣдовательно царствуетъ *внутренняя* правда, *нравственное* начало“. Это начало, сохранивъ свою цѣльность отъ вліянія культуры античныхъ народовъ, было освящено принятіемъ православія, которое *нерасторжимо* слилось съ русскою народностью, ставъ ея сущностью и сообщивъ особенность всей нашей исторіи, такъ рѣзко отличающую насъ отъ западнаго человѣка, который испыталъ совсѣмъ другое историческое воспитаніе, сообщившее ему міровоззрѣніе, органически неприемлемое русскимъ человѣкомъ, а искусственно навязанное, оно губительно дѣйствуетъ на духовный организмъ русскаго человѣка, отчуждая этого послѣдняго отъ родной стихіи и ввергая его въ опасную пучину, гдѣ онъ и гибнетъ нравственно, продолжая жить лишь зоологически. Поэтому на всѣ дѣлаемая молодежи внушенія сумасбродныхъ теорій и мечтаній о перенесеніи съ запада политическихъ формъ жизни и пр., будемъ едиными устами и единымъ сердцемъ твердить: домой, дѣти! Терзающіе васъ вопросы и сомнѣнія вы разрѣшите, источникъ и причину вашихъ сомнѣній и вашихъ подневольныхъ страданій вы можете объяснить здѣсь, только здѣсь, подъ благодатною тѣнью величественнаго древа, которое именуется „Матушкою Святорусскою“.

Однимъ словомъ, для счастья нашихъ дѣтей будемъ бодро и дружно работать надъ тѣмъ, чтобы, при свѣтѣ неизблемыхъ истинъ Откровенной религіи нашей, подъ вліяніемъ высокихъ преданій отечественной исторіи нашей, при постепенномъ и постоянномъ упражненіи въ трудѣ, они могли *возрасти* физически, умственно и нравственно, „Создателю нашему на славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви, Царю и Отечеству на пользу“.

Еще два слова.

Само собой разумѣется, въ лагерѣ софистовъ эта моя рѣчь будетъ встрѣчена болѣе, чѣмъ недружелюбно. Такъ-же отнесутся они ко всѣмъ, кто думаетъ несогласно съ ихъ проповѣдью.

Не спорю также, что и среди педагогической семьи, въ разныхъ мѣстахъ земли русской, могутъ оказаться лица, го-

лова которыхъ напичкана космополитической трухой, или лица, которыя изъ угодливости такъ называемому ими обществу (лагерь софистовъ) мнѣнію и въ погонѣ за дешевой популяреностію способны забыть высокія и отвѣтственныя обязанности воспитателя молодого поколѣнія: или, наконецъ, лица, видящія цѣлебную силу лишь въ §§ и другихъ атрибутахъ *формального* закона: они тоже будутъ осуждать меня, будутъ осуждать и васъ. Ни тѣ, ни другіе отвѣта отъ меня не получаютъ. Пусть они поищутъ для себя отвѣдъ тамъ, гдѣ мы найдемъ непреборимую для себя защиту, въ заповѣди Законодателя жизни нашей: „Блажені есте, егда поносятъ васъ, и издедутъ, и рекутъ всякъ золь глаголъ, на вы лжуще Мене ради: Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ!“

С. Н. Бехъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗЪ БІОГРАФІЙ БУДДЫ САКЪЯ—МУНИ (LALITAVISTARA).

(Продолженіе *).

Мѣстомъ первой проповѣди Будды Сакья-Муни, по разсказу Лалиты-Вистары, былъ священный городъ Варанази или Бенаресъ ¹⁾. Что Бенаресъ былъ мѣстомъ первой проповѣди Будды, на это не разъ указывается и въ другихъ буддійскихъ книгахъ; въ этомъ именно городѣ Сакья-Муни, выражаясь языкомъ священныхъ книгъ буддистовъ, сталъ въ первый разъ „вращать колесо своего ученія“, здѣсь же онъ приобрѣлъ и своихъ первыхъ учениковъ ²⁾.

Лалита-Вистара говоритъ, что Будда „покатилъ колесо закона“ вслѣдствіе увѣщанія Брами, что передъ этимъ Будда, послѣ достиженія имъ верховнаго состоянія Боди, былъ въ уныніи и пришелъ къ мысли не возвѣщать людямъ своего съ трудомъ добытаго ученія ³⁾. Точно также и различныя указанія относительно мѣста, гдѣ пребывалъ Сакья-Муни въ теченіе своей жизни, единогласно говорятъ за то, что первый годъ онъ провелъ въ Бенаресѣ, въ лѣсу газелей, въ мѣстѣ, гдѣ лежали останки Ришей (Rishipatana). Ничто не даетъ намъ право ослаблять такъ часто повторяемаго свидѣтельства: этотъ фактъ, утверждаемый такимъ положительнымъ образомъ, безъ сомнѣнія есть одно изъ достовѣрнѣйшихъ событій жизни Будды,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 3.

1) Lalitavistara .. p. 374, 379.

2) Ibidem. pp. 381—384.

3) Lalitavistara, chap. XXV, pp. 364—375.

на него можно смотрѣть какъ на чисто историческое явленіе. И дѣйствительно, въ Бенаресѣ Сакья-Муни положилъ начало основаннаго имъ религіознаго общества.

Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что упоминаемая знаменитая Бенарестская проповѣдь по времени была именно первою изъ всѣхъ? До нея не было-ли у Будды напрасныхъ попытокъ распространить свою доктрину въ другихъ мѣстахъ? Правда-ли, что онъ пришелъ въ Бенаресъ непосредственно послѣ приобрѣтенія достоинства Будды? Не было-ли до этого, хотя краткаго, но, тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго, періода напрасныхъ усилій—періода, намѣренно затушеваннаго буддистами?

„Мнѣ думается, пишетъ г. Feer въ своихъ этюдахъ, что на основаніи внимательнаго изученія буддійскихъ книгъ возможно доказать существованіе такого періода; для этого достаточно въ надлежащемъ свѣтѣ выставить извѣстныя утвержденія священныхъ книгъ буддизма, и указанный періодъ самъ собою выступитъ изъ той массы туманностей, которыми хотѣли его затушевать“¹⁾.

Въ своемъ изысканіи г. Feer принимаетъ за основаніе рассказъ Лалиты-Вистары, но затѣмъ, съ цѣлью лучше обосновать свой взглядъ, онъ сближаетъ его съ рассказомъ одного бирманскаго произведенія, извѣстнаго подъ заглавіемъ Ma-la-len-ga-ra-Wottoo—версіи книги, называемой палійской Лалитой-Вистарой, потомъ сближаетъ съ рассказомъ г. С. Гарди въ его „руководствѣ по буддизму“ и, наконецъ, съ содержаніемъ одного китайскаго произведенія—Shik-ka-ju-lai-Shing-taou-ku²⁾; этотъ трудъ, замѣчаетъ г. Feer, не изъ древнихъ; относится онъ къ VII вѣку нашей эры, но тѣмъ не менѣе этотъ трудъ интересъ какъ по самому своему тексту, такъ и вслѣдствіе непрерывнаго комментарія, который къ нему приложенъ. Ссылается еще г. Feer на разборъ жизни Сакья-Муни, сдѣланный г. Шифнеромъ и на Буддасариту, поэму о жизни Будды³⁾. Но возвратимся къ дѣлу.

Если мы пожелаемъ знать, въ силу чего Сукья-Муни на-

1) Etudes bouddhiques. h. Feer. p. 90—91.

2) Т. е. мемуары, замѣтки относительно совершенной мудрости Сакія Татагаты.

3) Feer. Etudes bouddhiques, p. 91—92.

чалъ свою проповѣдническую дѣятельность въ Бенаресѣ, въ городѣ отстоящемъ на четыреста съ лишнимъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ онъ пребывалъ въ теченіе шести лѣтъ, то намъ скажутъ: это произошло отъ того, что всѣ до него бывшіе Будды начинали „вращать колесо ученія“ въ этомъ самомъ городѣ. Точно также отвѣтилъ и самъ Сакья-Муни божествамъ, когда они стали унижать Бенаресъ, какъ плохенькій городишко, совсѣмъ неподходящій, по ихъ мнѣнію, для такого великаго событія, какъ первая проповѣдь Будды, и старались отыскать для этого другой, болѣе соответственный городъ ¹⁾. Таково ужъ правило, что Будда начиналъ „катить колесо ученія“ съ Бенареса. Подобное основаніе вполне достаточно для буддистовъ, но мы лично можемъ найти въ этомъ обстоятельствѣ нѣкоторыя полезныя указанія, если станѣмъ искать въ немъ исторической основы. Что другое, какъ невосхваленіе приѣма, оказаннаго Бенарестцами историческому Буддѣ Сакья Муни, должны мы видѣть въ похвалѣ и прославленіи вѣрности г. Бенареса древнимъ миѣтическимъ Буддамъ? И чѣмъ усиленнѣе буддисты воспѣваютъ усердіе и ревность Бенарестцевъ, тѣмъ болѣе мы имѣемъ права думать, что ихъ поведеніе представляло сильнѣйшій контрастъ съ поведеніемъ другихъ городовъ, дышавшихъ совершенно противоположнымъ чувствомъ по отношенію къ проповѣди Сакья-Муни ²⁾. Впрочемъ, Лалита-Вистара и другія буддійскія книги даютъ первому путешествію Сакья-Муни въ Бенаресъ и другой мотивъ. Путешествіе это произошло потому, говорятъ они, что Бенаресъ былъ мѣстожительствомъ пяти учениковъ, покинувшихъ своего перваго наставника Рудраку, сына Рамы, и приставшихъ къ будущему Буддѣ; эти личности принимали участіе въ аскетическихъ подвигахъ Сакья-Муни и, наконецъ, бросили его, когда онъ пересталъ предаваться строгому самоумерщвленію ³⁾. Было вполне естественно, что Сакья-Муни, достигнувъ совершенной мудрости, пожелалъ сообщить имъ законъ. Но тѣ же буддійскія книги настойчиво говорятъ намъ о томъ, что прежде, чѣмъ заняться

1) Lalitavistara p.p. 374—375.

2) Feer, Etudes bouddhiques, p. 93.

3) Lalitavistara, pp. 236, 254—255.

обращеніемъ пяти учениковъ, убѣжавшихъ въ Бенаресь, Будда думалъ о другихъ лицахъ, обитавшихъ совершенно въ другой сторонѣ; думалъ о лицахъ, бывшихъ близко отъ него и отъ которыхъ онъ могъ ожидать наилучшаго приѣма ¹⁾). И вотъ именно это то самое обстоятельство и кажется намъ серьезнымъ мотивомъ, на основаніи котораго можно думать, что Бенарская проповѣдь Будды, привлекающая къ нему пять учениковъ, была не первая. Будда обратился къ нимъ послѣ того, какъ испыталъ неудачу у другихъ. Для подтвержденія этого необходимо только внимательно прослѣдить рассказъ буддійскихъ книгъ.

Такъ, прежде всего, мы видимъ, что Сакья-Муни, достигнувъ состоянія Боди, испытывалъ сильное колебаніе: онъ боялся, что ученіе его не будетъ понято, что онъ самъ напрасно только будетъ тратить энергію и время на проповѣдь, и что эта проповѣдь можетъ принести ему лично однѣ лишь непріятности; въ силу такихъ соображеній Будда и рѣшился молчать ²⁾). Ужъ одна эта добровольная бездѣятельность кажется довольно подозрительною у такого существа, которое представляется намъ въ священныхъ книгахъ буддистовъ выработавшимъ себѣ планъ освобожденія міра отъ скорби задолго до своего выступленія на проповѣдь. Легко, впрочемъ, можно допустить, что въ моментъ выступленія на проповѣдь Будда колебался и даже отступалъ передъ своею задачею; такое психологическое состояніе человѣка передъ рѣшительнымъ шагомъ въ своей жизни вполне допустимо и понятно. И не смотря даже на все усиліе, съ какимъ Лалита-Вистара настаиваетъ на фактѣ колебанія Будды, не было-бы возможности видѣть въ немъ намека на какую-нибудь неудачу Сакья-Муни, если-бы весь рассказъ, въ его цѣлости, не подкрѣплялъ-бы этой невольной навязывающейся уму мысли.

Узнавъ про настроеніе Будды, Брама, сойдя съ неба и позвавъ на помощь себѣ Индру, употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы заставить Будду выйти изъ того оцѣпенія, въ какое онъ впалъ ³⁾). И хотя Будда сначала доволь-

¹⁾ Ibid. chap. XXVI, pp. 376—378.

²⁾ Ibid. p. 364—366.

³⁾ Ibid. 366—369.

· ствовался молчаніемъ, но затѣмъ онъ сдѣлалъ очевь серьезныя возраженія; и Брама, Индра и ихъ свита удалились, не выполнивъ своего намѣренія ¹⁾. Эта неудача, однако, не обезкуражила Брамю; на другой день съ зарею онъ снова явился къ Буддѣ и вырвалъ у него обѣщаніе проповѣдывать законъ міру ²⁾. Вмѣшательство Брамы, къ которому Лалита-Вистара прибавляетъ еще и Индру, упоминается во всѣхъ буддійскихъ книгахъ. Было бы бесполезно трактовать здѣсь о этомъ вмѣшательствѣ, но необходимо все-таки отмѣтить въ немъ намекъ на историческій фактъ, скрытый подъ такой буддійской фантастическою сценою.

Такъ, среди эпизода о вмѣшательствѣ Брамы Лалита-Вистара содержитъ въ себѣ указаніе на сильныя заблужденія, царствовавшія въ Магадской странѣ: „Въ это самое время, читаемъ мы на стр. 370, жители Магадской страны держались дурныхъ воззрѣній. Такъ, одни изъ нихъ утверждали, что вѣтры перестанутъ дуть, огонь не будетъ жечь, прекратятся дожди, рѣки остановятся въ своемъ теченіи; другіе говорили, что хлѣба перестанутъ родиться, птицы летать и беременныя женщины не будутъ безболѣзненно разрѣшаться отъ бремени. Такъ говорили жители Магадской страны“ ³⁾. „Жизнь Гаутамы“, будучи не такъ ясна въ этомъ отношеніи какъ Лалита-Вистара, содержитъ все-таки намекъ на указанныя нами ненормальности; она влагаетъ въ уста Брамы, въ его рѣчи къ Буддѣ, слѣдующія выраженія: „въ Магадской странѣ, говоритъ она, есть много людей, находящихся подъ вліяніемъ дурныхъ страстей и держащихся ложной доктрины—доктрины, недостойной человѣка и открывающей имъ дверь уничтоженія“ ⁴⁾. Тотъ же намекъ на безпорядки въ Магадѣ содержатъ и слѣдующія слова Будды въ его рѣчи къ Брамѣ: „Брама, говорилъ новопросвѣщенный мудрецъ изъ рода Сакіевъ, для всѣхъ жителей Магады, имѣющихъ уши, открытыя для проповѣди, я отверзаю дверь бессмертія“ ⁵⁾; такъ говорилъ Будда и рѣшался проповѣдывать

¹⁾ Ibid. p. 370.

²⁾ Ibid., p. 373.

³⁾ Ibid. p. 370.

⁴⁾ Feer. Etudes p. 96.

⁵⁾ Lalitavistara, p. 373.

магадскимъ жителямъ, но тутъ же слѣдомъ, черезъ одно мгновеніе, когда другіе божества спросили у него, въ какомъ мѣстѣ онъ намѣренъ выполнить свое обѣщаніе относительно проповѣди, Будда отвѣтилъ имъ: въ Бенаресѣ ¹⁾. Странный оборотъ рѣшимости; постоянно проповѣдуя въ Бенаресѣ, Будда надѣялся привлечь къ себѣ Магаду! Естественно и вполнѣ правдоподобно предполагать, что было нѣчто съ Буддою въ другомъ мѣстѣ. Несомнѣнно, что успѣху Будды въ Бенаресѣ предшествовала попытка въ другомъ и при томъ очень отдаленномъ мѣстѣ, но въ какомъ именно—неизвѣстно. Достоверно одно—въ Магадѣ Будда бывалъ раньше, чѣмъ въ Бенаресѣ.

Прежде, чѣмъ идти дальше въ своемъ разсужденіи, мы укажемъ на слѣдующіе три твердо установленные пункта: 1) Будда колебался проповѣдывать открытый имъ законъ, боясь, что его не поймутъ и даже оскорбятъ, 2) въ Магадѣ происходили въ это время большіе беспорядки или большія неурядица въ области нравственности и 3) Будда рѣшался проповѣдывать законъ Магадскимъ жителямъ. Изъ этихъ трехъ фактовъ одинъ только второй—оказывается чисто внѣшнимъ явленіемъ, другіе же два—это размышленія, мысли, чувства и желанія Будды. Взглянемъ на нихъ, какъ на выраженія чисто реальныхъ внѣшнихъ явленій или происшествій, которымъ въ буддійскихъ книгахъ приданъ характеръ чисто психологическихъ процессовъ, и мы получимъ слѣдующій рядъ событій: Сакья-Муни проповѣдывалъ свое ученіе въ Магадѣ, тамъ онъ встрѣтилъ заблужденія, сущности которыхъ онъ не могъ понять и не понялъ, и былъ осмѣянъ; обезкураженный Будда удалился въ то мѣсто, гдѣ онъ достигъ состоянія Боди.

Таковъ результатъ, къ которому насъ можетъ привести изученіе первой части разсказа Лалиты-Вистары. Будда объявляетъ, что онъ намѣренъ проповѣдывать законъ въ Бенаресѣ, что онъ долженъ идти только въ этотъ городъ и однако, Будда не идетъ туда. Лалита-Вистара ясно, такимъ образомъ, гово-

¹⁾ Ibidem, p. 374.

рить намъ, что Будда—непостояненъ, переменчивъ; спрашивается, поэтому, что оставалось дѣлать Буддѣ?—Ему нужно было найти расположеннаго къ себѣ слушателя, который-бы не обидѣлъ его; и вотъ Будда попеременно думаетъ о двухъ личностяхъ, то объ Аратѣ Каламѣ, то о Рудракѣ, сынѣ Рамы ¹⁾. Но каждый разъ при этомъ Будда узнаетъ, что обѣ указан-ныя личности уже умерли—первый два, а второй семь дней тому назадъ ²⁾. Что это за люди, которыхъ Будда желалъ сдѣлать своими учениками? Лалита-Вистара описываетъ ихъ намъ какъ ученыхъ, какъ начальниковъ школъ, проповѣдывавшихъ въ Вайшали ³⁾ и въ Раджагрихѣ ⁴⁾. Сакья-Муни зналъ ихъ обоихъ и былъ ученикомъ cadaго изъ нихъ въ то время, когда, уйдя изъ отцовскаго дома, онъ проходилъ г.г. Вайшали и Раджаграху въ поискахъ за мудростью ⁵⁾. Въ свое время Будда покинулъ этихъ наставниковъ, такъ какъ ихъ доктрины не удовлетворяли его, хотя принципы его личнаго ученія имѣли много общаго съ ихъ доктринами, да и отношенія у нихъ были довольно дружелюбныя. Всего этого вполне было достаточно, для того, чтобы въ первое же время, когда Будда задумалъ основать свою религіозную общину, онъ прежде всего могъ подумать о привлеченіи ихъ на свою сторону ⁶⁾.

Постараемся разобрать то различіе въ именахъ п личныхъ качествахъ этихъ двухъ наставниковъ, какое господствуетъ относительно ихъ въ священныхъ книгахъ буддистовъ.—Одни представляютъ Рудраку и Арату Каламу то какъ философовъ—творцевъ или послѣдователей определенной системы, то какъ учителей, окруженныхъ массою учениковъ; другіе выдаютъ ихъ за уединенныхъ аскетовъ, претендовавшихъ на обладаніе

1) Ibid. p. 376—377. Стоять только внимательнѣе вчитаться и вдуматься въ рѣчи Будды объ Аратѣ Каламѣ и Рудракѣ, какъ невольно возникаетъ мысль о томъ, что Сакья-Муни мучило сознаніе какого-то перевесившаго ямъ оскорбленія: слишкомъ ужъ заботливо старается Будда при выборѣ лицъ, къ которымъ онъ хотѣлъ обратиться съ своею проповѣдью, о томъ, что-бы они не обидѣли-бы и не оскорбили-бы его.

2) Lalitavistara, pp. 376—377.

3) Ibid. pp. 226—228.

4) Ibid. p. 233—236.

5) Ibid. p. 226—228; 233—236.

6) Feer. Etudes bouddhiques. pp. 96—98.

сверхъестественнымъ могуществомъ. Но что для насъ важно—это опредѣленно знать мѣста ихъ пребыванія. Относительно Рудраки положительно извѣстно, что онъ жилъ въ Раджагрихѣ или въ ея окрестностяхъ, по свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія Араты Каламы очень разнорѣчивы. Бюрнуфъ указалъ уже на разногласіе Лалиты-Вистары, помѣщающей его въ Вайшали, съ извѣстными книгами южнаго буддизма, отводящими ему мѣсто въ Раджагрихѣ ¹⁾. С. Гарди, не давая точныхъ подробностей, говоритъ, что Арата Калама и Рудрака, сынъ Рамы, оба жили около Раджагрихи. „Жизнь Гаутамы“ по этому поводу выражается еще яснѣе. Буддасарита называетъ Арату Каламу отшельникомъ, жившимъ въ окрестностяхъ Раджагрихи ²⁾. Если нужно рѣшать дѣло на основаніи историческаго старшинства свидѣтельствъ, то мѣстожителство Каламы надо будетъ искать въ Магадѣ. Тибетскій авторъ жизни Сакья-Муни нашелъ средство примирить между собою всѣ эти разногласія, но про его попытку нельзя сказать, сдѣлалъ ли это онъ на основаніи серьезныхъ данныхъ или же просто онъ самъ лично придумалъ свою комбинацію. По нему, все дѣло сводится къ тому, что Арата Калама жилъ сначала въ Вайшали, но потомъ со своими учениками переселился въ Раджагриху и именно въ то самое время, когда прибылъ туда Сакья-Муни. Тибетскій авторъ, кажется, держался такого рода эклектизма: собиралъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія и сглаживалъ ихъ противорѣчія, какъ обыкновенно и поступаютъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Указаніе мѣстожителства, какое онъ даетъ Аратѣ Каламѣ, не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Могущество царя Бимбисары, благосостояніе города Раджагрихи и, можетъ быть, даже почетъ и уваженіе, какое философъ чувствовалъ къ сыну царя Сакіевъ, а также и удивленіе его героической рѣшимости—все это могло заставить Каламу перемѣнить мѣстожителство. Кажется также, что въ Индіи начальники или руководители школъ сами добровольно переходили изъ города въ городъ. Что-же касается Араты Каламы, то мы впоследствии увидимъ, что пребываніе его въ Раджагрихѣ болѣе, чѣмъ дру-

¹⁾ Burnouf. Introduction à l'histoire bouddhisme. p. 385—386.

²⁾ Feer. Etud. bouddhiques, pp. 99—100.

гое какое либо мѣстожителство, можетъ быть оправдано изучаемыми нами текстами.

Упомянутое о смерти Рудраки и Араты Каламы, кромѣ Лалиты-Вистары, находится и въ другихъ версіяхъ разсказа, какія только извѣстны намъ; въ китайскомъ же трудѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Замѣтокъ о Сакья Буддѣ Татагатѣ“ этотъ эпизодъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ самъ по себѣ цѣлый періодъ. Такъ, 62 параграфъ или отдѣлъ названнаго труда напоминаетъ собою изысканіе, какое дѣлалъ Будда относительно человѣка, способнаго усвоить его законъ. Въ 64 отдѣлѣ того же труда говорится слѣдующее: „онъ (Будда) подумалъ съ радостью, что пять личностей были способны почувствовать перемену, производимую закономъ“ и выразить намѣреніе идти въ Бенаресь, но слѣдующія выраженія предшествующаго отдѣла—„испытывая состраданіе къ двумъ монахамъ, которые не имѣли случая слышать громознаго голоса Будды“—очевидно содержатъ въ себѣ намекъ на Арату Каламу и Рудраку; мысль о намекѣ въ данномъ случаѣ на Арату Каламу и Рудраку навязывается сама собою, если-бы даже авторъ въ другомъ мѣстѣ и не говорилъ этого положительно. Что же случилось или что произошло съ этими двумя указанными личностями и отчего ихъ имена такъ тѣсно связаны съ исторіей Будды? Самъ Будда, при помощи своего всевѣдѣнія, звалъ, что они мертвы, боги подтвердили ему эту новость или, какъ говорится въ другихъ книгахъ, Будда узналъ въ мірѣ Браммы или въ мірѣ „отсутствія формы“ этихъ умершихъ личностей. Какъ понимать всѣ эти указанія священныя книгъ? Замѣтимъ, что точность текста не позволяетъ видѣть въ смерти двухъ философовъ давнишняго факта, который, такъ сказать, лишь только вспомнился Буддѣ и какъ таковой и описывался бы въ книгахъ; напротивъ, это событіе представляется въ нихъ недавно только совершившимся ¹⁾. Еще менѣе есть возможности предполагать, чтобы къ Буддѣ приходилъ вѣстникъ съ извѣстіемъ о смерти двухъ философовъ или же думать, что это событіе по слухамъ, какъ достояніе народной

¹⁾ Lalitavistara (p. 377) говоритъ, что со смерти Араты Каламы прошло 3 ни, а Рудраки 7 дней.

молвы, дошло до него. Мы должны думать, что Будда въ своихъ странствованіяхъ по Магадской странѣ прилежно искалъ своихъ прежнихъ наставниковъ и не нашель ихъ, и что фантастическія указанія буддійскихъ текстовъ относительно этихъ личностей имѣли цѣлью только лишь скрыть или затушевать эту неудачу ¹⁾.

Принужденный искать въ другомъ мѣстѣ людей хорошей нравственности, Будда сталъ думать о пяти ученикахъ изъ хорошей касты. Ученики эти были тогда въ Бенаресѣ. Какъ Будда узналъ про ихъ мѣстопребываніе—мы увидимъ это сейчасъ. Прежде же всего отмѣтимъ извѣстную несообразность въ рассказѣ Лалиты-Вистары. Во 1-хъ, она говоритъ, что Будда отправляется въ Бенаресъ, потомъ говоритъ о встрѣчѣ его около горы Гайя съ Адживакою (нищенствующій монахъ) и, наконецъ, говоритъ о путешествіи его въ Бенаресъ дорогою, о которой текстъ содержитъ нѣкоторыя указанія. Мы послѣ постараемся указать, какой выводъ можно извлечь отсюда, изъ этихъ данныхъ; теперь же займемся встрѣчею, имѣвшею мѣсто около самой горы Гайя. Будда встрѣтился съ однимъ пилигримомъ, котораго Лалита-Вистара обозначаетъ только однимъ эпитетомъ—Адживака, нищенствующій, не упоминая его имени ²⁾. По одному отрывку *Divya Agadāna*, цитируемому Бюрнуфомъ, имя встрѣтившагося монаха было Апагана ³⁾. Южные же буддисты называютъ его Упакою. Они говорятъ, что Сакья-Муни встрѣтился съ нимъ въ самомъ началѣ своего путешествія отъ горы Гайя въ городъ Бенаресъ, именно около дерева Боди. Лалита-Вистара же, рассказъ которой въ данномъ случаѣ вообще довольно неопредѣленъ, говоритъ про эту встрѣчу, что она произошла то во время самого путешествія Будды отъ горы Гайя въ Бенаресъ, то во время еще самого пребыванія его на горѣ ⁴⁾. Достоверно лишь одно, что описываемая встрѣча произошла на территоріи горы Гайя, и что послѣ нея Будда

¹⁾ Feer. *Etudes bouddhiques*, pp. 101—102.

²⁾ *Lalitavistara*, p. 378, note 4.

³⁾ Burnouf. *Introduction à l'histoire bouddhisme*, p. 389.

⁴⁾ *Lalitavistara*, p. 378.

отправился прямо въ Бенаресъ. Какой же могъ быть смыслъ этой самой встрѣчи? Идетъ-ли здѣсь рѣчь о двухъ личностяхъ, случайно встрѣтившихся въ пути и обмѣнявшихся нѣсколькими пустыми комплиментами? По мнѣнію Геер'а, въ этомъ эпизодѣ нужно видѣть нѣчто иное, а не чисто случайное событіе; по нему, эта самая встрѣча и опредѣлила путешествіе Будды въ Бенаресъ. Буддисты воздерживаются признавать это. Въ Divya Āgadhāna говорится, что Упагупта, показывая царю Асокѣ священныя, по воспоминанію о Буддѣ, мѣста, говорятъ ему: „здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, Багава, отправляясь въ Бенаресъ, былъ привѣтствованъ извѣстнымъ Апаганою ¹⁾“. Какъ бы то ни было, съ Буддою встрѣчается нищенствующій монахъ, онъ встрѣчается для того лишь, чтобы привѣтствовать Будду; по разсказу же Лалиты-Вистары онъ ведетъ съ Буддою довольно обширный разговоръ; вообще этотъ нищенствующій монахъ Упака или Апогапа прилетается ко всѣмъ рѣчамъ, свидѣтельствующимъ о величіи Будды; кажется даже, что онъ дѣлается ученикомъ Сакья-Муни; по крайней мѣрѣ, Г. С. Горди приводитъ разсказъ о его обращеніи. Намъ нѣтъ нужды слѣдить за дальнѣйшей исторіей жизни этой личности; для насъ важно только опредѣлить истинную роль, сыгранную имъ при встрѣчѣ съ Буддою около горы Гайя. Нѣкоторые обстоятельства заставляютъ насъ думать, что Сакья-Муни нужно было знать, гдѣ, въ какомъ именно мѣстѣ находились его пять прежнихъ учениковъ. Это онъ узналъ отъ нищенствующаго монаха, по имени Упака. Упака, по всей вѣроятности, былъ однимъ изъ тѣхъ одинокихъ, а иногда и принадлежавшихъ къ какой-нибудь общинѣ, нищенствующихъ странниковъ, которыми изобиловала тогда Индія, такъ какъ и самое странничество Сакья-Муни не было единичнымъ, неимѣющимъ ничего подобнаго себѣ предпріятіемъ; оно и было собственно успѣшнымъ лишь потому, что отвѣчало стремленію массы. Кажется, что и Упака былъ однимъ изъ подобныхъ же искателей всеобщей мудрости изъ числа которыхъ Сакья-Муни былъ лишь первымъ по своему буддійскому достоинству. Проходя Бенаресомъ, онъ могъ видѣть пять прежнихъ учениковъ

¹⁾ Burnouf. Introduction à l'histoire bouddhisme... p. 389.

Будды, которымъ, быть можетъ, надоѣло уже продолжать свои самоумерщвленія въ лѣсу газелей, прерванныя ихъ бывшимъ учителемъ; быть можетъ, Упака разговаривалъ съ ними и отъ нихъ же и узналъ о Сакья-Муни; быть можетъ, онъ и отправился къ горѣ Гайя потому лишь, что захотѣлъ повидаться и поговорить съ новымъ начальникомъ школы! По крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, испытываемое при этихъ разсказахъ, таково, что Упака узвалъ Будду, не видя еще его и что онъ имѣлъ сильное желаніе встрѣтиться съ Сакья-Муни. Если допустить такое толкованіе, то встрѣча Сакья-Муни съ Упакою, съ одной стороны, и путешествіе Будды въ Бенаресъ съ другой—будутъ вполне понятны. Каждое изъ этихъ событій въ такомъ случаѣ будетъ очень ясно и очень осмыслено, а въ общемъ они представляютъ такую цѣпь и такую взаимную зависимость, которая дадутъ чисто историческую основу нѣкоторымъ событіямъ. Если же отвергнуть наше толкованіе, то мы будемъ имѣть только несвязные между собою факты, не будемъ видѣть причинъ, вызвавшихъ эти факты или ихъ *raison d'être*; и должны будемъ допустить и принять на вѣру бредни или пустыя разглагольствованія буддистовъ ¹⁾).

Мы уже указывали на несвязность Лалиты-Вистары, говорящей намъ о томъ, что Будда два раза отправлялся въ Бенаресъ; между этими двумя путешествіями, изъ которыхъ одно вымышленно, Лалита-Вистара вставляетъ встрѣчу съ Упакою. Упомянувши о томъ, что Будда рѣшился наставить въ законѣ пять учениковъ, бывшихъ въ Бенаресѣ, Лалита-Вистара выражается тутъ же слѣдующимъ образомъ: „подумавши такъ, Татагава поднялся съ Бодиманда и, пройдя страны трехъ тысячъ великаго тысячемірія, онъ прошелъ Магаду и достигъ страны Касиковъ“ ²⁾. Отбросимъ, какъ совершенную несообразность путешествіе Будды въ страны великаго тысячемірія, и у насъ останется двойное упоминаніе—упоминаніе о путешествіи черезъ Магаду и упоминаніе о прибытіи въ Бенаресъ. Почему же такъ настаиваютъ или, вѣрнѣе, упоминаютъ здѣсь про путешествіе въ Магадскую страну? Замѣтимъ, что Магада

¹⁾ Feer. *Etudes bouddiques*, pp. 102—106.

²⁾ Касики—названіе жителей города Бенареса. *Lalitavistara*, p. 378, note № 2.

не непосредственно граничила съ Бенаресомъ. Почему же Лалита-Вистара упоминаетъ только покинутую Буддою страну и ту, куда онъ прибылъ? „Я нахожу въ этихъ данныхъ, пишетъ Феер въ своихъ этюдахъ—данныя, правда неточныя и туманныя, но потому-то имению и нахожу, что они неточны и туманны—намекъ на путешествіе, какое Сакья-Муни долженъ былъ сдѣлать по Магадѣ прежде, чѣмъ отправиться въ Бенаресъ—намекъ, о которомъ другія части текста даютъ право предполагать“.

Такъ, послѣ разсказа о разговорѣ съ Упакою или Адживакою Лалита-Вистара описываетъ намъ—довольно, впрочемъ, неполно, путешествіе Будды отъ горы Гайя до Бенареса и упоминаетъ при этомъ нѣкоторыя пройденныя имъ мѣстности—Rôhitavastou, Ourouvilvakaipa, Anâla и, наконецъ, Sârathi. Описавши переправу черезъ р. Гангъ, Лалита-Вистара вслѣдъ за этимъ выражается такъ: „Такимъ образомъ, монахи и Татагата, переходя изъ одной страны въ другую, прибыли, наконецъ, въ великій городъ Варанази“ (Бенаресъ). Можно думать, что эта фраза относится къ части путешествія, совершеннаго Буддою еще до переправы черезъ р. Гангъ, а равнымъ образомъ—и ко всему путешествію. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы Будда направился прямою дорогою въ Бенаресъ, то онъ долженъ былъ переходить Гангъ около самого города. Если же на пути отъ горы Гайя въ Бенаресъ перейти Гангъ выше этого города, то въ такомъ случаѣ необходимо будетъ сдѣлать обходъ, такъ какъ въ своемъ теченіи отъ Бенареса до возвышенности Будда—Гайи Гангъ дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу. Между тѣмъ обстоятельства показываютъ, что Сакья Муни шель въ Бенаресъ не прямою дорогою. Поэтому то и переправу черезъ Гангъ онъ совершилъ во владѣніяхъ Магадскаго царя, освободившаго въ ознаменованіе этого событія, на будущее время всѣхъ монаховъ отъ платы пошлivity, взимаемой при переправѣ. Въ Магадѣ, слѣдовательно, въ довольно большемъ разстояніи отъ Бенареса, Сакья-Муни перешель Гангъ, если только могущество Бимбисары, царя Магадскаго, не распространялось до самаго Бенареса. Но что особенно важно и что заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ это то, что и

по Лалитѣ-Вистарѣ и по Буддасаритѣ путешествію Сакья-Муни отъ Будда-Гая въ Бенаресъ предшествовало другое его путешествіе по Магадѣ. Вотъ выдержка изъ Буддасариты: „тогда радостный Будда отправился въ путь, направляясь въ Каси и совершая, при помощи своей сверхъестественной силы, различныя чудеса“. Фееръ видитъ въ этихъ словахъ намекъ на небольшое путешествіе Сакья-Муни, путешествіе, совершенное имъ раньше своего отправленія въ Бенаресъ. И это путешествіе, говоритъ Фееръ, не можетъ быть отнесено ко времени, послѣдовавшему за встрѣчею Будды съ Упакою, если только эта встрѣча имѣла тотъ самый характеръ, который приписывается ей Фееромъ, такъ какъ, разставшись съ Упакою, Будда не могъ имѣть другой мысли, какъ только сейчасъ же отправиться въ Бенаресъ. Однимъ словомъ, замѣчаетъ Фееръ, слабый намекъ на путешествіе Будды по Магадской странѣ можетъ только напоминать намъ собою бывшія попытки Сакья-Муни проповѣдывать свою доктрину въ другихъ мѣстахъ до посѣщенія имъ Бенареса ¹⁾).

Независимо отъ только что приведенныхъ нами соображеній есть и еще свидѣтельства, заставляющія предполагать существованіе періода неудачъ у Будды до его проповѣди въ Бенаресѣ. Такъ, прежде всего, укажемъ на обѣщаніе, данное Сакья-Муни Магадскому царю еще до пріобрѣтенія состоянія Боди—прийти въ городъ Магаду въ случаѣ пріобрѣтенія достоинства Будды и здѣсь произнести проповѣдь. Если принять во вниманіе правдивость Будды и его отвращеніе ко лжи—достоинство, на которомъ особенно настаиваютъ буддисты, то необходимо придется предположить, что Сакья-Муни исполнилъ свое обѣщаніе, да и, кромѣ того, Будда долженъ былъ постараться прежде всего распространить свое ученіе во владѣніяхъ очень расположеннаго къ нему государя, на территоріи котораго онъ и жилъ къ тому же; однимъ словомъ, Магада, по увѣренію Феера, была очень подходящимъ мѣстомъ для проповѣди Будды Сакья-Муни. Вопросъ только въ томъ, какой пріемъ онъ могъ встрѣтить тамъ? Монгольская сутра

¹⁾ Феер *Etudes bouddhiques*, p.p. 106—110.

о четырехъ истинахъ можетъ намъ дать свѣдѣнія на этотъ счетъ, и эти свѣдѣнія и будутъ для насъ новымъ свидѣтельствомъ для подтвержденія нашей мысли о періодѣ неудачъ у Будды. Разказавъ о достиженіи Буддою состоянія Боди, Монгольскій трактатъ непосредственно за этимъ говоритъ слѣдующее: „Всесовершенный Будда началъ тогда „вращать колесо ученія“ и повсюду распространять свою доктрину, проповѣдуя, что онъ одержалъ побѣду надъ естественными немощами, что онъ разбилъ всѣ оковы, тяготящія душу, и что онъ сдѣлался Бурхапомъ (Буддою), учителемъ міра. Среди народа нашлось нѣсколько личностей, смутившихся этимъ, и они-то сказали: „Царскій сынъ потерялъ разсудокъ и сталъ сумасшедшимъ“, другіе утверждали, что онъ покинулъ тронъ и очетество съ цѣлью жениться на дочери Сакіевъ, нѣкоторые, наконецъ, стояли за то, что царскій сынъ на самомъ дѣлѣ есть Всесовершенный“. Отмѣтимъ, что это первая проповѣдь, произведшая такое непріятное впечатлѣніе, представляется произведенною непосредственно за пріобрѣтеніемъ состоянія Боди, свѣдовательно, въ Магадѣ. Уныніе Будды, его размышленіе, вмѣшательство Брамъ и Индры—все это произошло послѣ. Указанный монгольскій трактатъ во многихъ пунктахъ расходится съ другими разказами, и эта-то сбивчивость и разногласіе свѣдѣній о Буддѣ и даетъ намъ право допустить, какъ достовѣрный фактъ, что первая проповѣдь Сакья-Муни была произнесена въ Магадѣ, что она не имѣла никакого успѣха и возбудила даже сомнѣніе относительно умственнаго состоянія Будды. Свидѣтельство монгольскаго трактата о томъ, что Будду при первой его проповѣди приняли за безумнаго, очень хорошо можетъ объяснить ту боязнь Сакья-Муни быть обвиненнымъ тѣми, кому онъ сталъ-бы излагать свою доктрину, боязнь о которой такъ много говоритъ Лалита-Вистара. Однимъ словомъ, заканчиваетъ свои доводы Фееръ, всѣ тексты свидѣтельствуютъ способомъ болѣе или менѣе скрытымъ, но въ общей совокупности все-таки довольно яснымъ, что въ Магадѣ, прежде триумфа въ Бенаресѣ, былъ у Будды періодъ неудачи.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ, какая могла быть продолжительность этого періода? Буддисты говорятъ, отъ пріобрѣтенія Буддою состоянія Боди до его отхода въ Бенаресъ прошло 60 дней, они даютъ описаніе всего этого времени по недѣлямъ и наполняютъ его, по своему обычаю, разнаго рода фантастическими подробностями. На этотъ счетъ есть масса небольшихъ разногласій между южными и сѣверными буддистами, но эти разногласія не измѣняютъ все-таки общей сути разсказа. Мы постараемся вкратцѣ представить здѣсь свѣдѣнія буддистовъ по данному вопросу.

Свящ. І. Трофимовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

28 Февраля № 4. 1903 года.



Содержаніе. Высочайшія награды. Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода: 1) Росписаніе учебныхъ предметовъ и уроковъ въ одноблассныхъ, двухблассныхъ, второблассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ. 2) Объ условіяхъ допущенія воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній къ пріемнымъ экзаменамъ въ духовныя академіи и 3) о празднованіи 19-го февраля.—Къ свѣдѣнію лицъ, желающихъ принести лепту памяти преподобнаго Серафима Саровскаго.—Отъ училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 уч. г. (продолженіе).—Епархіальныя повѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволивъ, 31-го минувшаго января, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу, *золотыми медалями, съ надписью „за усердіе“*, для пощенія на шель на Анненской лентѣ: псаломщиковъ церковей Николаевской, въ слободѣ Терновой, Купинскаго уѣзда, *Степана Семитренникова* и Покровской, села Коротича, Харьковскаго уѣзда, *Ивана Краснокутскаго*.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода докладу, согласно Синодальному опредѣленію, отъ 13—20 ноября 1902 года за № 5051, Высочайше соизволивъ, въ 18 день минувшаго декабря, на измѣненіе § 111 устава духовныхъ академій в дополненіе его примѣчаніемъ, въ слѣдующемъ изложеніи: «§ 111. Желающіе поступить въ академію допускаются къ повѣрочному испытанію, если представляютъ установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ семинаріи, и принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи

означеннаго испытанія. Примѣчаніе. Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соответствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія къ приему въ духовныя академіи экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія».

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

І. Отъ 15—27 ноября 1902 года за № 5090. Составленныя Училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтомъ ниже помѣщенные росписанія: а) числа уроковъ по каждому предмету обученія въ одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, б) учебныхъ предметовъ по годамъ обученія и числа уроковъ по каждому предмету во второклассной школѣ и в) учебныхъ предметовъ и числа уроковъ по классамъ въ церковно-учительской школѣ утвердить и напечатать въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, для введенія сихъ росписаній въ текущемъ учебномъ году въ вышеупомянутыхъ церковныхъ школахъ.

Росписаніе числа уроковъ по каждому предмету обученія въ одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

№№ по порядку	Наименованіе предметовъ.	Годы обученія.				
		1	2	3	4	5
		Въ одноклассной школѣ.			Въ двухкл. школѣ.	
Число уроковъ въ недѣлю.						
1	Законъ Божій	6	6	6	5	5
2	Церковное пѣніе	2	2	2	2	3
3	Церковно-славянск. грамота . .	3	4	4	3	3
4	Русскій языкъ	6	6	6	6	6
5	Письмо	2	2	2	2	—
6	Начальная арифметика	5	6	6	4	4
7	Руковод. (въ женск. школахъ) . .	—	—	—	—	—
Итого въ одноклассной школѣ		24	26	26		
8	Краткая церковная и отечественная исторія	—	—	—	2	3
9	Географія, въ связи съ кратк. свѣдѣн. о явлен. природы	—	—	—	3	3
10	Черченіе и рисованіе	—	—	—	1	1
Итого въ двухклассной школѣ		—	—	—	28	28

Росписаніе учебныхъ предметовъ по годамъ обученія и числа уроновъ по каждому предмету во второклассной школѣ.

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Годъ обученія.			Распределение уроковъ между учащими.
		I.	II.	III.	
		Число уроковъ въ недѣлю			
1	Законъ Божій)	4	4	3) 11 уроковъ законоучителю.
2	Общая церковная исторія)				
3	Церковное пѣніе	3	4	2) 18 уроковъ 1-му учителю.
4	Русскій языкъ	6	5	5	
5	Чистописание	2	—	—	
6	Церковно-славянскій языкъ	2	1	1) 17 уроковъ 2-му учителю.
7	Отечественная исторія—церковная и гражданская	—	3	2	
8	Дидактика: а) бесѣды о начальномъ обученіи	—	—	2	
	б) практическіе уроки въ образцовой школѣ	—	—	5	
9	Начальная практическая свѣдѣнія по гигиенѣ	—	—	1) 19 уроковъ 3-му учителю.
10	Географія, съ сообщеніемъ свѣдѣній о предметахъ и явленіяхъ природы	3	3	2	
11	Арифметика	4	4	3	
12	Геометрическое черченіе и рисованіе	—	—	—	
13	Руководствіе (въ женскихъ школахъ).	—	—	—	
		24	24	26	

Росписаніе учебныхъ предметовъ и числа уроновъ по классамъ въ церковно-учительской школѣ.

№№ по порядку.	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	КЛАССЫ.			Распределение уроковъ между учащими.
		I.	II.	III.	
1	Чтеніе Священнаго Писанія	1	1	2) 16 уроковъ законоучителю.
2	Христіанское вѣроученіе и нравоученіе	—	2	2	
3	Церковн. исторія обща и русск.	2	1	1	
4	Дидактика и главныя основанія педагогика	—	2	2	
5	Церковное пѣніе съ обученіемъ регентованію и музыка	3	3	2) 8 уроковъ учителю пѣнія.
6	Русскій языкъ, словесность и исторія литературы	4	3	3	
7	Церковно-славянскій языкъ	2	2	—) 14 уроковъ 1-му учителю.
8	Исторія всеобщая и русская	3	2	3	
9	Географія всеобщая и русская	2	2	—) 16 уроковъ 2-му учителю.
10	Черченіе и рисованіе	2	1	1	
11	Математика, арифметика: главныя основанія геометріи и землемѣріе	3	2	3) 17 уроковъ 3-му учителю.
12	Свѣдѣнія о природѣ, ея силахъ и явленіяхъ	2	2	3	
13	Гигіена	—	1	1	
14	Руководствіе (въ женскихъ школахъ).	—	—	—	
		24	24	23	

II. Опреѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 10—22 января 1903 года постановлено: объявить по духовно-учебному вѣдомству, что а) воспитанники гимназій и другихъ соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, для допущенія въ пріемному въ духовныя академіи экзамену, получаютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ лишь въ томъ случаѣ, если познанія ихъ, примѣнительно къ требованіямъ синодальнаго циркулярнаго указа, отъ 21-го октября 1869 года, на испытаніяхъ по всѣмъ предметамъ богословскаго курса будутъ отмѣчены балломъ не ниже 4; баллъ 3 допускается только по одному предмету, и б) тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, на означенномъ испытаніи освобождаются отъ экзамена по симъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако-же, въ случаѣ поступленія въ академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ.

III. Опреѣленіе Св. Синода отъ 5—7 февраля 1903 года за № 667, о порядкѣ совершенія, въ 19 день февраля мѣсяца, празднованія въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, имѣли сужденіе по предложенному г. Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, отъ 4 февраля 1903 года за № 1325, отзыву министра Внутреннихъ Дѣлъ о порядкѣ совершенія въ 19 день февраля мѣсяца празднованія въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Приказал: Въ 1882 году въ Божѣ почивающему Государю Императору Александру III благоугодно было, въ виду поступавшихъ съ разныхъ сторонъ заявленій, особенно отъ крестьянъ, выразить соизволеніе, чтобы, въ воспоминаніе дарованнаго послѣднимъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, день 19 февраля остался днемъ всенароднаго празднованія. Во исполненіе сей Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ 14-го апрѣля (4 мая) того же года № 712 определѣвъ, чтобы во всѣхъ приходскихъ церквахъ ежегодно, въ 19 день февраля мѣсяца, совершались заупокойныя литургіи и панихиды по Императорѣ Александрѣ II. Нынѣ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Плеве, сообщаетъ, что, по случаю исполнившагося сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нѣкоторыми земскими учрежденіями вновь возбуждены въ

настоящее время ходатайства о ежегодномъ празднованіи дня 19 февраля, съ цѣлью запечатлѣнія въ благодарной памяти населенія столь знаменательнаго событія. Выслушавъ вложеное и принявъ во вниманіе, что существующій нынѣ порядокъ чествованія дня, посвященнаго воспоминанію законодательнаго акта 19 февраля 1861 года, заключающійся въ совершеніи лишь заупокойной литургіи и паннихиды по въ Бозѣ почивающемъ Монархѣ, не исчерпываетъ вполне изъявленной Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ, во вниманіе къ народной потребности, о которой свидѣтельствуется не прекращающіяся ходатайства, опредѣляетъ: 1) установить ежегодно, 19 февраля, въ день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, для увѣковѣченія въ Русскомъ народѣ молитвенно-благодарной памяти о въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II, во всѣхъ православныхъ церквахъ Имперіи торжественное служеніе божественной литургіи, а послѣ оной благодарственнаго молбствія съ колѣнопреклоненіемъ и съ провозглашеніемъ діакономъ по отпустѣ: а) Царствующему Государю Императору, Супругѣ Его, Матери Его, Наслѣднику и всему Царствующему Дому многолѣтія по обычаю, б) въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II вѣчной памяти и в) Богохранимой Державѣ Россійской и всѣмъ православнымъ христіанамъ многолѣтія и 2) если день 19 февраля случится въ понедѣльникъ, вторникъ или среду первой седмицы Великаго поста, то празднованіе должно быть переносимо на недѣлю (воскресенье) сыропустную, если же въ четвергъ или пятницу, то на субботу той же недѣли; если же на одинъ изъ дней послѣдующихъ седмицъ поста, то празднованіе совершать по главамъ о храмовыхъ святыхъ.

19-го іюля 1903 года въ Саровской пустыни будетъ совершенно торжество прославленія и открытія святыхъ мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца; оно, несомнѣнно, привлечетъ въ Саровскую обитель большое стеченіе народа. Въ заботахъ о порядкѣ и благолѣшии ожидаемаго торжества Его Императорскому Величеству благоугодно было назначить для подготовительныхъ мѣропріятій къ сему торжеству, а также и на время совершенія самаго торжества суздальскаго архимандрита Серафима и прокурора московской Святѣйшаго Синода конторы князя Ширинскаго-Шихматова.

Предстоящее всерадостное торжество возбудитъ у многихъ ре-

внующихъ о памяти преподобнаго Серафима желаніе принести свою посильную лепту. Примѣръ бывшаго въ Черниговѣ торжества прославленія и открытія мощей святителя Θεодосія показалъ, что многіе жертвователи затруднились назначеніемъ своей лепты на опредѣленный предметъ, а въ иныхъ случаяхъ, приславъ свои пожертвованія предметами утвари, подсвѣчниками п т. п., поставили руководителей торжества въ затрудненіе, особенно утварными и ризничными приношеніями. Нынѣ въ отвѣтъ на запросы многихъ, имѣющихъ благочестивое намѣреніе принести свою жертву, сообщаются тѣ мѣстныя нужды, которыя могутъ привлечь особое усердіе желающихъ послужить памяти преподобнаго Серафима. Къ предстоящему торжеству обитель, при содѣйствіи чтущихъ память преподобнаго Серафима, считаетъ необходимымъ:

1) привести въ благолѣпный видъ келлію, въ коей въ Возѣ почилъ преподобный Серафимъ; 2) приготовить особыя хранилища для вещей, принадлежавшихъ преподобному Серафиму, и 3) соорудить праздничную соборную ризницу по особому заказу.

Перечисленные предположенія дадутъ жертвователямъ возможность принять непосредственное участіе ихъ лептой въ прославленіи памяти преподобнаго Серафима. Для заготовленія однообразнаго соборнаго облаченія, а также для облегченія жертвователей въ пересылкѣ ихъ лепты въ обители Саровскую и Серафимо-Дивѣевскую, желательно сношеніе усердствующихъ съ лицами, Высочайше командированными къ устройенію предстоящихъ торжествъ.

Денежныя пожертвованія могутъ быть направляемы:

а) въ Саровскую пустынь на имя игумена Іерофея, гор. Темниковъ, Тамбовской губерніи;

б) въ Серафимо-Дивѣевскую обитель—игуменія Марія. Почтовая станція Вертяново, Нижегородской губерніи;

в) прокурору московской синодальной конторы. Москва, Кремль.

Что касается до приношеній церковною утварью, лампадами и друг. предметами, а также вообще по вопросамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ предстоящими торжествами, желательно сношеніе съ Высочайше командированными лицами (Москва, Кремль, синодальная контора).
«Правит. Вѣсти.»

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Признавая полезнымъ установить однообразный порядокъ записи книгъ, поступающихъ въ бібліотеки церковныхъ школъ, Училищ-

ный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ журнальнымъ опредѣленіемъ, отъ 19—27 ноябрю 1902 года, за № 1182, утвержденнымъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, одобрилъ особую форму бланковъ библиотечнаго каталога для церковныхъ школъ, которую и постановилъ напечатать, вмѣстѣ съ указаніями къ правильному веденію записей книгъ, поступающихъ въ школьную бібліотеку, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, для руководства завѣдывающихъ церковными школами и лицъ, учащихъ въ нихъ.

Форма бланковъ.

Первая страница.

Каталогъ поступленій.	
КАТАЛОГЪ КНИГЪ,	
поступившихъ въ бібліотеку	
<i>школы.</i>	
— — —	
Отдѣлы систематическаго каталога.	
I _____	V _____
II _____	VI _____
III _____	VII _____
IV _____	VIII _____

Вторая страница.

Счетъ названій (№№).	Время поступления книги (годъ, мѣсяцъ и число).	Отдѣлъ по систематическому каталогу.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ. (Авторъ, заглавіе, мѣсто и время издачія).

Третья страница.

Число экземпляровъ.	Число томовъ (перелетовъ).	Ц Ъ Н А.		С У М М А.		Примѣчанія.
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	

Указанія къ правильному веденію каталога книгъ, поступающихъ въ школьную бібліотеку.

Въ каталогъ поступленій девять графъ: 1) Въ первой (1) выставляются №№ книгъ по порядку ихъ записи въ каталогъ. Подъ

книгою въ этомъ случаѣ разумѣется *названіе*. Часто подъ однимъ названіемъ издаются нѣсколько книгъ (томовъ), составляющихъ одно цѣлое сочиненіе или собраніе сочиненій: всѣ эти томы одного названія должны быть записываемы подъ однимъ номеромъ. — Если въ бібліотеку поступила какая-нибудь книга и записана въ каталогъ (положимъ, подъ № 5), а спустя нѣкоторое время поступаетъ *другой экземпляръ той же самой книги*, то не слѣдуетъ ставить предъ записью этой книги новаго (слѣдующаго по порядку) №, а надо писать такъ: къ № 5, — иначе №№ не будутъ служить показателемъ числа названій въ бібліотекѣ. Но если въ бібліотеку поступаетъ *другое изданіе* книги, уже значащейся въ каталогѣ, то она должна считаться какъ бы новою книгою и нумероваться особо.

2) Во второй графѣ отмѣчается время записи: а) годъ—вверху каждой страницы, б) мѣсяць—римскою цифрой и в) число мѣсяца—рядомъ, арабскою цифрой.

3) Въ третьей графѣ римскою цифрой обозначается отдѣлъ, къ которому отнесена книга въ систематическомъ каталогѣ.

4) Въ четвертой графѣ выписывается названіе книги, т. е. слѣдующія данныя: а) авторъ (напримѣръ: Рачинскій С. А. или: Ильминскій Н. И., Макарій, митрополитъ Московскій, и т. п.), б) заглавіе книги, по возможности полное (напримѣръ: „Сельская школа. Сборникъ статей“. Изданіе 3-е, дополненное), в) мѣсто и время изданія (напримѣръ: С.-Петербургъ, 1898 г., или: Казань, 1901 г.).

5) Въ пятой графѣ выставляется число экземпляровъ записаннаго названія. Большею частью, книги поступаютъ въ одномъ экземплярѣ. Но книги, наиболѣе распространенныя, и учебники поступаютъ иногда въ двухъ, трехъ и даже во многихъ экземплярахъ.

6) Въ шестой графѣ выставляется число томовъ. Подъ томомъ, въ бібліотечномъ смыслѣ, разумѣется каждый корешокъ, или переплетъ или каждое *мѣсто*, занимаемое книгой. Здѣсь возможны при записи такіе случаи: 1) сочиненіе издано въ шести томахъ, а переплетено въ три книги (ради дешевизны или удобства): въ шестой графѣ и выставляется 3, а не 6, ибо сочиненіе занимаетъ на полкѣ три мѣста; 2) сочиненіе издано въ одномъ томѣ, но въ бібліотекѣ — два экземпляра этого сочиненія: значить, и два тома; 3) мелкія брошюры переплетены въ одинъ томъ: каждая брошюра составляетъ названіе и должна числиться отдѣльно отъ другихъ, подъ отдѣльнымъ №. Но отдѣльно она не составляетъ тома, а только какую-нибудь часть тома. Въ такихъ случаяхъ противъ названія брошюры въ графѣ 6 выставляется дробь $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{3}$ $\frac{1}{6}$ $\frac{1}{9}$ и т. п.,

смотря по тому, сколько брошюръ переплетено въ одномъ томѣ— 2, 3, 4, 6 или болѣе.

7—8) Въ седьмой графѣ выставляется цѣна книги (объявленная). Сумма (гр. 8) вычисляется чрезъ помноженіе цѣны на число экземпляровъ (гр. 5).

9) Въ девятой графѣ дѣлаются разныя отмѣтки противъ книгъ, напримѣръ: о пожертвованіи книгъ въ библіотеку, объ исключеніи ея изъ каталога, при чемъ долженъ быть выставленъ № по „каталогу книгъ исключенныхъ“.

По этимъ же бланкамъ, съ перемѣною лишь заглавія каталога, лучше всего вести и *запись книгъ, исключенныхъ* изъ библіотеки (за ветхостью, за ненадобностью, вслѣдствіе утраты и по другимъ причинамъ). Каталогъ поступленій такимъ образомъ есть книга притока, каталогъ исключеній—книга расхода. По этимъ двумъ книгамъ—путемъ вычитанія итоговъ послѣдней изъ итоговъ первой,—во всякое время можетъ быть безъ труда опредѣлена наличность школьной библіотеки въ названіяхъ и томахъ, а также и ея стоимость.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

3. Учебно-воспитательная часть.

Учебно-воспитательное дѣло опредѣлялось, какъ и въ предшествующемъ учебномъ году, требованіями Устава Епархіальныхъ училищъ, циркулярными разъясненіями по духовно-учебному вѣдомству и объяснительными записками къ новымъ программамъ.

а) Недѣльное распредѣленіе уроковъ, съ объясненіемъ какихъ либо уклоненій отъ предписаній установленной программы, если таковыя были допущены:

Въ началѣ учебнаго года, на основаніи 24 § Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ, инспекторомъ классовъ совместно съ начальницей училища и по соглашенію съ преподавателями и учительницами составлено было недѣльное распредѣленіе уроковъ, рассмотрѣнное Совѣтомъ Училища и утвержденное Его Высокопреосвященствомъ. При составленіи расписанія приняты были во вниманіе требованія новыхъ программъ, которыя со-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 3.

гласно опредѣленію Св. Синода, отъ 3—10 іюня 1896 г. за № 1991, въ отчетномъ году введены были во всѣхъ классахъ и по всѣмъ предметамъ «безъ нарушенія общаго плана и хода занятій». При распредѣленіи уроковъ по днямъ и часамъ имѣлся въ виду и тѣ необходимыя педагогическія требованія, по которымъ болѣе трудныя для усвоенія предметы должны вообще назначаться на первые часы, а сравнительно легкіе на послѣдніе, когда воспитанницы бываютъ болѣе или менѣе утомлены, а также, чтобы въ одинъ день не назначались предметы легкіе, а въ другой—трудныя. Въ составленномъ такимъ образомъ расписаніи для всѣхъ классовъ назначено было по 24 урока въ недѣлю, на каждый день по 4 урока, кромѣ приготовительнаго класса, гдѣ было назначено четыре дня по 3 урока и 2 по 4 урока. Въ общемъ количество уроковъ во всѣхъ классахъ было нормальное, опредѣленное уставомъ и новыми программами, хотя въ частности сдѣлано было отступленіе отъ указанной ими нормы. Такъ, удержанъ прежній добавочный урокъ 1) въ 6 классѣ по русской грамматикѣ; 2) удержанъ также въ 5 классѣ одинъ урокъ по дидактикѣ; 3) въ 6 классѣ введенъ одинъ урокъ для занятій воспитанницъ въ церковно-приходской школѣ. Первое отступленіе сдѣлано было въ видахъ лучшаго усвоенія воспитанницами этимологіи и синтаксиса русскаго языка при повтореніи въ 6 классѣ; что же касается добавочнаго урока дидактики въ 5 классѣ, то Совѣтъ Училища въ этомъ случаѣ руководился разрѣшеніемъ, даннымъ объяснительною запискою, предложенной къ новой программѣ этого предмета, дозволяющею вводить этотъ урокъ, «если гдѣ окажется возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ и средствамъ». Такъ какъ по росписанію нѣкоторые часы во всѣхъ классахъ оставались свободными, то они употреблялись на руководѣніе, по 2 урока въ первыхъ четырехъ классахъ и по 1 въ итогѣ, и на классныя диктанты, по 2 урока въ первыхъ четырехъ классахъ въ недѣлю. Классныя занятія начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ 1 часъ 30 минутъ. Урокъ каждый продолжался 55 минутъ. Между уроками былъ промежутокъ въ 10 м., а между вторымъ и третьимъ 30 минутъ (на завтракъ). Съ 6 ч. вечера начинались вечернія занятія и продолжались до 8 ч. Занятія необязательными предметами—рисованіемъ и копированіемъ—производились въ послѣобѣдное время отъ 3—5 ч. по полудни. Свободное отъ приготовленія уроковъ время посвящалось чтенію книгъ или занятію руководѣніемъ. По средамъ и пятницамъ Великаго Поста, когда совершалась литургія Преждеосвященныхъ Даровъ, уроки начинались въ 9½ ч., а оканчивались въ 2 ч.

б) Указаніе учебныхъ руководствъ, употребляемыхъ въ Училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Такъ какъ еще съ пачала 1896/7 учебного года въ руководство для преподаванія приняты программы, утвержденныя Св. Синодомъ 6 сентября 1895 г., постепенное примѣненіе которыхъ въ отчетномъ году закончилось во всѣхъ классахъ, то и всѣ предметы училищнаго курса изучались по учебникамъ, рекомендованнымъ новыми программами. Изъ числа учебныхъ руководствъ и пособій, не указанныхъ программами, въ училищѣ употреблялись только одобренныя Учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ или Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Таковыхъ однако было немного: по Закону Божию въ 4 и 5 классахъ „Записка по Закону Божию“ прот. Лаврова, по русскому языку—Хрестоматіи: Галахова въ 5 и 6 кл., „Курсъ систематическаго диктанта“ Смирновскаго во 2 и 3 кл.; Исторія русской литературы Орлова въ 6 кл.; по дидактикѣ А. Сосновскаго „Методика предметовъ обученія въ начальной школѣ“ въ 5 кл.; по церковному пѣнію—„Практическія упражненія къ методу обученія хоровому пѣнію“ Н. Брянскаго.

в) Выполненіе учебныхъ программъ.

Программы учебныхъ предметовъ училищнаго курса пройдены были преподавателями своевременно во всѣхъ классахъ, при чемъ согласно предписанію Св. Синода отъ 13 февраля 1893 г., за № 5854, преподаватели заботились не столько о выполненіи подробностей въ учебныхъ программахъ, сколько о разумномъ приспособленіи ихъ къ силамъ учащихся и основательномъ усвоеніи преподаваемаго. По сему методы преподаванія были употребляемы соответственные возрасту и степени развитія учащихся и характеру изучаемыхъ предметовъ, при чемъ особенное вниманіе обращено было на примѣненіе указаній объяснительныхъ записокъ, приложенныхъ къ новымъ программамъ. Въслѣдствіе этого на урокахъ Закона Божія, при преподаваніи Св. исторіи и церковной исторіи, законоучитель имѣлъ въ виду, съ одной стороны, правильную передачу воспитанницамъ церковно-историческихъ событій съ яснымъ представленіемъ священно-историческихъ мѣстностей и преимуществности самыхъ событій, съ другой—нравственное приложеніе къ ихъ жизни священно-историческихъ рассказовъ. При изученіи катехизиса особенное вниманіе обращалось на сознательное усвоеніе текстовъ Священнаго Писанія и главныхъ пророчествъ о Мессіи съ точнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ, при чемъ воспитанницы приучались къ связной передачѣ учебнаго матеріала, заключающагося въ катехизисѣ. Изученіе Церковнаго Устава велось больше практически чрезъ обращеніе съ богослужебными книгами и чрезъ участіе въ церковномъ чтеніи и

пѣніи. Уроки Закона Божія сопровождалсь соответственнымъ чтеніемъ Священнаго Писанія по славянски, что служило средствомъ къ практическому ознакомленію воспитаницъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и важнымъ пособіемъ къ лучшему усвоенію приходимаго курса. При изученіи русскаго языка въ первыхъ четырехъ классахъ, всѣ теоретическія правила предварялись и сопровождалсь разборомъ отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ статей, а также составленіемъ собственныхъ примѣровъ на данныя правила, а въ старшихъ классахъ—изученіе курса словесности и русской литературы сопровождалось чтеніемъ и разборомъ соответствующихъ образцовыхъ литературныхъ произведеній.

Нѣкоторыя примѣрные стихотворенія и характерныя отрывки изъ образцовыхъ произведеній заучивались наизусть. Съ теоретическимъ изученіемъ главнѣйшихъ правилъ этимологій и синтаксиса церковно-славянскаго языка было соединено чтеніе и подробный разборъ наиболѣе употребительныхъ при богослуженіи псалмовъ и молитвословіи изъ псалтири и часослова. При изученіи ариметики большое вниманіе обращалось на устное и письменное рѣшеніе задачъ. При прохожденіи географіи въ особенности наблюдалось то, чтобы воспитаницы пріучались безъ затрудненія указывать упоминаемыя мѣстности какъ на картахъ отдѣльныхъ частей свѣта, такъ и на плоскошаріяхъ и глобусѣ. Свѣдѣнія изъ физической и математической географіи, необходимыя для пониманія географическихъ терминовъ, воспитаницы усвоили наглядно при помощи глобуса. Преподаваніе всеобщей исторіи велось примѣнительно къ учебнику Иловайскаго для средняго возраста, преподаваніе отечественной исторіи примѣнительно къ учебнику того-же автора для старшаго возраста и учебнику Рождественскаго, при чемъ, если сжатое изложеніе учебника затрудняло учащимся пониманіе историческихъ фактовъ, болѣе важныя историческія событія передавались съ нѣкоторыми дополненіями и подробностями. Карты и хронологическія таблицы составляли необходимую принадлежность при изученіи исторіи, а для возстановленія связи историческихъ фактовъ уроки исторіи почти всегда сопровождалсь повтореніемъ по вопросамъ и часто систематическимъ повтореніемъ. При изученіи дидактики серьезное вниманіе обращено было на усвоеніе воспитаницами способовъ начального обученія предметамъ, указаннымъ въ программахъ церковно-приходскихъ школъ; съ этою цѣлью воспитаницы давали пробныя уроки въ образцовой церковно-приходской школѣ при училищѣ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Занятія по геометріи и физикѣ отмѣчались болѣе практическимъ характеромъ и состояли, главнымъ образомъ, въ письменномъ рѣшеніи задачъ и производствѣ опытовъ, благодаря довольно полно и прекрасно сформированному физическому кабинету. Вообще, при про-

хожденіи учебныхъ предметовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ употреблялись пособія, облегчающія основательное усвоеніе изучаемыхъ предметовъ и отвлеченныхъ свѣдѣній. Такъ, при преподаваніи Закона Божія, географія и исторіи употреблялись географическія карты, картицы по священной исторіи, на урокахъ арифметики счеты, на урокахъ геометріи и физики показывались геометрическія тѣла, различные физическіе приборы и производились опыты съ ними. На урокахъ церковнаго пѣнія воспитанницы практически изучали весь кругъ воскреснаго и праздничнаго богослуженія. На урокахъ рисованія воспитанницы выучивались чертить геометрическія фигуры, рисовать контуры предметовъ, цвѣты, человѣческія лица и фигуры, различные пейзажи карандашомъ, на урокахъ иконописанія—писать масляными красками иконы. Чистописаніе преподавалось до 4 класса включительно. При изученіи французскаго языка воспитанницы были упражняемы въ переводахъ съ русскаго и французскаго языка по учебнику Игнатовича и Margot и въ чтеніи отрывковъ изъ произведеній французскихъ писателей.

Все, требуемое программой, выполнено преподавателями въ точности, съ закрѣпленіемъ въ памяти учащихся прошедшаго въ цѣломъ объемѣ или главнѣйшихъ частяхъ.

Кромѣ учебныхъ предметовъ большое вниманіе обращалось на занятіе воспитанницъ рукодѣліемъ и музыкой. На урокахъ рукодѣлія воспитанницы пріучались къ шитью форменныхъ платьевъ, разнаго бѣлья, необходимаго въ ихъ быту. Занятія музыкой состояли въ обученіи игрѣ на рояли и скрипкѣ. Начиная съ простѣйшихъ этюдовъ и гаммъ, воспитанницы пріучались къ исполненію болѣе трудныхъ и сложныхъ пьесъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

— Надзиратель—репетиторъ Харьковскаго Духовнаго училища Валеріанъ *Соколовъ* рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви с. Тарановки, Зміевского уѣзда.

— Священникъ Рождество-Богородичной церкви, сл. Поповки, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Юшковъ* и священникъ сл. Ново-Александровки Дмитрій *Николаевскій* переведены одинъ на мѣсто другого.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Василевскій* переведенъ къ Николаевской церкви, сл. 1-ой Николаевки, Волчанскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Семинаріи Наркиссъ *Сербиновъ* опредѣленъ священникомъ въ село Знаменское, Изюмскаго уѣзда.

— Діаконъ с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда, Андрей *Вербинскій* переведенъ къ Покровской церкви сл. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ священника Георгій *Ястремскій*, опредѣленъ н. д. псаломщика къ Троицкой церкви, сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Борисоглѣбской церкви, с. Водяного, Зміевского уѣзда, Андрей *Шарый* переведенъ къ Архангело-Михайловской церкви, сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ н. д. псаломщика Иванъ *Рудинскій*.

— Сынъ псаломщика Николай *Поповъ* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Иоанно-Богословской церкви, с. Янкова Рога, Ахтырскаго уѣзда.

— Бывшій н. д. псаломщика Игорь *Николаевичъ* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Спасской церкви, сл. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Заштатный псаломщикъ Павелъ *Столяревскій* допущенъ къ н. д. псаломщика къ церкви сл. Будокъ, Лебединскаго уѣзда.

— Сынъ священника Григорій *Смирнскій* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Вознесенской церкви заштатнаго г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

При Троицкой церкви, сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

- « Успенской церкви, с. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Трехсвятительской церкви, сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.
- « Николаевской церкви, сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Покровской церкви, сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.
- « Тихоновской церкви, сл. Спдоренкова, Валковскаго уѣзда.
- « Рождество Богородичной церкви, сл. Шуликиной, Старобѣльск. уѣзда.

Діаконскія:

При Вознесенской церкви, с. Зелковки, Старобѣльскаго уѣзда.

- « Казанско-Богородичной церкви, с. Должика, Харьковскаго уѣзда.
- « Иоанно-Предтеченской церкви, с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
- « Пророко-Осіевской церкви, Харьковскаго Реального училища.
- « Николаевской церкви, сл. Дергачевки, Лебединскаго уѣзда.
- « Иоанно-Предтеческой церкви, сл. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
- « Буянскомъ Соборѣ (на псаломщицкой ваканціи).

Псаломщицкія:

- При Успенской церкви, сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Покровской церкви, с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
- « Тихоновской церкви, с. Стальмаховки, Купянскаго уѣзда.
- « Вознесенской церкви, с. Лизина, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Преображенской церкви, с. Межирича, Лебедянскаго уѣзда.
- « Покровской церкви, с. Радьковки, Купянскаго уѣзда.
- « Пророко-Ильинской церкви, г. Сумъ.
- « Кирилло-Меодіевской церкви, с. Райгородскаго, Купянскаго уѣзда.
- « Иоанно-Богословской церкви, с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.
- « Николаевской церкви, с. Тапюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Соборно-Успенской церкви, г. Богодухова.
- « Николаевской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.
- « Петропавловской церкви, сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Благовѣщенской церкви г. Харькова (для окончившаго Семинарію).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Прощаніе Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана съ Харьковскими духовно-учебными заведеніями.—Открытіе братства во имя св. великомученицы Варвары.—Къ пріѣзду Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ.—Некрологъ.

Во вторникъ, 11 февраля, Высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій предъ отъѣздомъ въ Кіевъ въ послѣдній разъ вознесъ молитвы Господу вмѣстѣ съ начальствующими, учащими и учащимся въ Духовной Семинаріи, совершивъ для нихъ божественную литургію. Въ концѣ ея Владыка митрополитъ обратился къ воспитанникамъ съ теплымъ словомъ назиданія, благопожеланія и благословенія. Слово это въ приблизительныхъ выраженіяхъ напечатано на стр. 210-й Церковнаго Отдѣла настоящей книжки нашего журнала.

Вечеромъ, въ 7 часовъ, въ торжественномъ залѣ зданія семинаріи состоялся литературно-музыкально-вокальный вечеръ, который прошелъ, по обыкновенію, очень весело и оживленно. Первое отдѣленіе вечера почтилъ своимъ присутствіемъ высокопреосвященный Флавіанъ. Передъ началомъ программы былъ пропѣтъ народный гимнъ.

Въ среду на первой недѣлѣ Великаго поста Владыка Митропо-

лпть Флавіанъ совершилъ прощальную литургію въ храмѣ Епархіального женскаго училища. Въ концѣ ея Владыка обратился къ воспитанницамъ съ такимъ же теплымъ словомъ, съ какимъ обратился и къ воспитанникамъ семинаріи. 12-го февраля служащіе харьковскаго духовнаго училища привѣтствовали высокопреосвященнаго Флавіана, въ его покояхъ, съ назначеніемъ на кафедру Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Причемъ А. А. Снегиревъ обратился къ владыкѣ приблизительно со слѣдующею рѣчью: „Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій владыко!

Имѣемъ честь привѣтствовать васъ съ возведеніемъ въ санъ митрополита и назначеніемъ на высшую іерархическую степень служенія русской церкви. Осмѣливаемся искренно выразить, что это возвышеніе ваше радостно намъ. Не много дней провели мы подъ вашимъ архипастырскимъ водительство, но и за это короткое время успѣли испытать благотворную силу благостнаго отношенія къ намъ, которое долго, долго будетъ жить въ насъ, вызывая чувство живой благодарности къ вамъ. Наше училище представляетъ одинъ изъ уголковъ того большого вертограда духовной жизни, которое находилось подъ вашимъ высокимъ архипастырскимъ попеченіемъ—какъ бы духовный питомникъ, въ которомъ возвращаются будущія насажденія для этого духовнаго вертограда. Для воспитанія юныхъ жизней въ церковномъ направленіи требуется много ухода, а главное—духовнаго свѣта и тепла. Въ васъ, любвеобильный архипастырь, мы нашли богатый источникъ этихъ живительныхъ благъ.

Въ неоднократныхъ посѣщеніяхъ родного намъ училища вы являли знаки архипастырскаго благословенія къ намъ, милостиваго вниманія, въ которомъ такъ много было оживляющаго, ободряющаго.

Проникнутые этимъ, мы молимъ и будемъ молить Всеблагото Бога—да воздастъ Онъ вамъ возблагая, да укрѣпитъ насъ и подастъ новыя силы для служенія на новомъ высокомъ поприщѣ. Вмѣстѣ съ этимъ просимъ и вашихъ святительскихъ молитвъ за насъ и вашего архипастырскаго благословенія на наши дальнѣйшіе скромные труды“.

Поблагодаривъ за выраженные добрыя чувства, высокопреосвященный Флавіанъ пожелалъ присутствующимъ благихъ успѣховъ въ ихъ дѣятельности и затѣмъ преподалъ каждому изъ нихъ архипастырское благословеніе.

— *Открытіе братства во имя св. великомученицы Варвары.*
 9-го февраля, при харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ пропсходило открытіе брaствa во имя св. вмч. Варвары. Въ 9 часовъ утра въ училищной церкви совершена была литургія, а послѣ нея молебень св. покровительницѣ братства. Вечеромъ, въ 6 часовъ, въ залѣ училища состоялось засѣданіе совѣта, которое почтили своимъ присутствіемъ высокопреосвященный Флавіанъ, Митропльть Кіевскій и Галицкій, преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, многіе изъ городского духовенства и другія лица, сочувствующія дѣлу братства. Въ началѣ засѣданія предсѣдатель совѣта училища протоіерей о. Т. Буткевичъ, отъ лица совѣта училища, учащихъ и учащихся, поздравилъ преосвященнаго Флавіана съ высокимъ назначеніемъ, благодарилъ владыку за его сердечное отношеніе къ училищу и пожелалъ многихъ лѣтъ жизни на новомъ мѣстѣ служенія. Затѣмъ, въ краткой рѣчи протоіерей о. Т. Буткевичъ выяснилъ цѣль и задачи открываемаго братства, прочиталъ уставъ братства и въ заключеніе просилъ высокопреосвященнаго Флавіана принять на себя званіе почетнаго члена братства, на что владыка изъявилъ свое согласіе. Послѣ этого, посредствомъ записокъ, приступлено было къ выбору трехъ членовъ правленія братства. Избранными оказались: протоіерей І. П. Знаменскій, священникъ І. Н. Гончаревскій и Н. В. Гогинъ. Кромѣ избранныхъ, членами правленія братства, по уставу, состоятъ всѣ члены совѣта училища. Послѣ выборовъ объявленъ былъ получесовой перерывъ, во время котораго гостямъ были предложены чай и фрукты. Затѣмъ состоялся музыкально-вокальный вечеръ, на которомъ исполнителямъ были исключительно воспитанницы училища.

— Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, пріѣдетъ въ Харьковъ на четвертой недѣлѣ великаго поста; по дорогѣ въ Харьковъ владыка заѣдетъ въ Петербургъ. 15 февраля, по полученіи синодальнаго указа, конвисторіей сдѣлано распоряженіе по епархіи о возглашевіи имени Высокопреосвященнаго Арсенія въ монастыряхъ и церквахъ при служеніяхъ по чиноположенію. «Южв. Кр.»

Харьковская Духовная Семинарія въ лицѣ Ректора ея, о. протоіерея І. Знаменскаго привѣтствовала Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія съ назначеніемъ на Харьковскую архіерейскую кафедру, и испрашивала Его архипастырскаго благословенія. Въ отвѣтъ на

это о. Ректоръ получилъ слѣдующую телеграмму: «Благодарю и благословляю Васъ, учащихъ и учащихся. Архіепископъ Арсеній».

Харьковскій городской голова А. Погорѣлко отъ имени города Харькова послалъ привѣтственную телеграмму Высокопреосвященному Арсенію Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, слѣдующаго содержания: „Обрадованные назначеніемъ Вашего Высокопреосвященства, граждане г. Харькова, почтительнѣйше привѣтствуя Васъ, покорнѣйше просятъ молитвъ вашихъ о благополучіи города“.

Въ отвѣтъ на привѣтственную телеграмму, посланную Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, городской голова А. К. Погорѣлко получилъ слѣдующую: „Душевно благодарю за привѣтствіе. Призываю Божіе благословеніе на Васъ и всѣхъ жителей Харькова. Богомолецъ архіепископъ Арсеній“.

4 февраля Архіепископу Арсенію исполнилось XXXV-лѣтіе служенія его русской церкви. По этому случаю Владыкѣ было принесено множество поздравленій, которыя показываютъ, что сердцу его близки интересы и духовное преуспѣяніе всей его паствы. Вотъ напр., какой адресъ поднесенъ Владыкѣ обществомъ защиты женщинъ: „Сегодня, въ знаменательный день исполнившагося XXXV-лѣтія служенія Вашего русской церкви, позвольте привести Вамъ, Всемилостивѣйшій Владыко, отъ глубоко чтущаго Васъ Общества защиты женщинъ, искреннѣйшее поздравленіе и сердечное пожеланіе еще многіе годы служить свѣтлыиномъ русской церкви, вообще, паствы Казанской, въ частности, и нашего скромнаго Общества, въ особенности. Ваше милостивое вниманіе къ нашему юному Обществу, не разъ Вами проявляемое, дастъ смѣлость испрашивать Вашихъ святительскихъ молитвъ для Общества“.

Замѣчательнъ также и адресъ, поднесенный Высокопреосвященнѣйшему Арсенію духовно-учебными заведеніями г. Казани. Въ этомъ адресѣ прекрасно характеризуются отношенія Архіепископа Арсенія къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Для ознакомленія читателей съ свѣтлою личностью нашего будущаго Владыки приводимъ извлеченія изъ этого адреса.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Казанскія духовно-учебныя заведенія, порученныя Вашему мудрому руководительству, счастливы, что на ихъ долю выпало чест-

зовать Васъ, Милостивѣйшій Архипастырь, въ день тридцатипятилѣтняго юбилея Вашего плодотворнаго настырскаго служенія.

Мы, Ваши подчиненные и сотрудики въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія, въ лицѣ начальниковъ, наставниковъ и служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ собрались сюда, чтобы высказать предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ свои чувства благодарности и мысли, волнующія насъ въ день Вашего настырскаго юбилея.

Казанскіе разсадники духовнаго просвѣщенія счастливы, что ввѣрены руководительству такого опытнаго педагога, какъ Вы, Мудрый Наставникъ. Ваше служеніе на Казанской кафедрѣ и управленіе казанскими духовно-учебными заведеніями являются не первыми шагами Вашей педагогической дѣятельности, но плодомъ тридцатипятилѣтняго опыта въ школьномъ дѣлѣ, когда успѣваютъ воплѣниться сложившіеся опредѣленные взгляды на постановку школы и отношенія къ начальникамъ, наставникамъ и учащимся.

Не легкая жизнь въ дѣтствѣ, труды на школьной скамьѣ въ сиротской долѣ при строгихъ порядкахъ въ нашей старой духовной школѣ, тяжелые удары судьбы во время настырскаго и педагогическаго служенія выработали въ Васъ, Милостивѣйшій Владыко, добраго отца, мудраго наставника и опытнаго руководителя. Вы лично пережили все, что пережила ваша духовная школа болѣе чѣмъ за полстолѣтіе, и являетесь живымъ носителемъ и выразителемъ полувѣковой исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Будучи администраторомъ, пскущеннымъ и окрѣпшимъ въ принципахъ стараго и новаго воспитанія, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, опытомъ прошлаго провѣряете настоящее. Нынѣ чуть-ли не на всѣхъ русскихъ окраинахъ и на разныхъ поприщахъ служенія находятся Ваши ученики, вышедшіе изъ Бѣлоцерковской гимназіи, гдѣ Вы были законоучителемъ, изъ Таврической духовной семинаріи и С. Петербургской академіи, гдѣ Вы были ректоромъ.

Обремененный сложными заботами и нелегкими трудами по управленію обширной, разноплеменной и разновѣрной епархіи, требующей особеннаго Архипастырскаго вниманія ко всѣмъ многоразличнымъ явленіямъ мѣстной церковной жизни, Вы, Благостный Архипастырь, ни на минуту не упускаете изъ вниманія и ввѣренныхъ Вамъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія, вникая во всѣ крупныя и мелкія дѣла казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Внимательностью высшаго духовнаго начальства казанскія

духовно-учебныя заведенія всего болѣе обязаны Вашему мудрому представительству и ходатайству за свои заведенія.

Мы осмѣливаемся назвать это заведенія своими для Васъ, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, въ той увѣренности, что нужды ихъ всегда являются Вашими нуждами, ихъ радости Вашими радостями, ихъ горе Вашимъ горемъ. Мы живые свидѣтели того, какъ Вы мужественно стояли и продолжаете стоять за честь Вашихъ заведеній, и всѣ они сознаютъ, что находятся подъ руководствомъ опытнаго и надежнаго наставника, руководителя и защитника ихъ интересовъ.

Прошло только пять съ половиной лѣтъ, какъ Вы, Милостивѣйшій Архипастырь, стали во главѣ казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній, но уже успѣли сдѣлать очень много для всѣхъ ихъ вообще и для каждаго въ отдѣльности.

Внимательно присматриваясь и чутко прислушиваясь къ нуждамъ вѣренной Вамъ Академіи, Вы съ присущею Вашему Высокопреосвященству энергіей старались всегда помогать ей въ интересахъ науки и лучшаго обезпеченія студентовъ. Вы, Владостный Владыко, увидѣли, что Академія, не имѣя денежныхъ средствъ, не можетъ выпускать въ свѣтъ произведеній полезныхъ для богословской науки, и послѣшили ей на помощь. При Вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи Академія успѣла издать не одно богословско-научное произведеніе,—на что Вы употребилъ не одну тысячу рублей изъ собственныхъ средствъ. Въ академическомъ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“, по желанію Вашего Высокопреосвященства и на Ваши средства, постоянно печаталась статья патрологическаго содержанія, изъ которыхъ образовалось восемь выпусковъ и которые составили весьма цѣнный и важный вкладъ въ нашу патрологическую литературу.

Періодическія академическія изданія „Православный Собесѣдникъ“ и „Извѣстія по Казанской Епархіи“ за послѣдніе годы могли улучшиться, качественно и количественно, только благодаря средствамъ, изысканнымъ Вами. Вы, Владостный Покровитель академической науки, чутко отозвались на одну изъ существенныхъ нуждъ ея, исходатайствовавъ средства на изданіе каталога Академической библіотеки. Просвѣтительныя заботы Вашего Высокопреосвященства много помогли организаціи святоотеческой переводческой комиссіи при Казанской духовной Академіи, успѣвшей (съ 1898 по 1901 г.) издать пять выпусковъ своихъ трудовъ,

быстро распространяющихся среди богословски образованныхъ людей. Вашими заботами положено начало церковныхъ библиотекъ въ новыхъ приходахъ Казанской епархіи. По Вашей инициативѣ предпринято систематическое историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Казанской епархіи. Изданіе Студенческаго Сборника, въ который входятъ лучшія студенческія сочиненія, всецѣло обязано Вашему просвѣщенному содѣйствію и матеріальной помощи. Два выпуска весьма содержательнаго Сборника переданы Вамъ въ Общество вспоможенія бѣдныхъ студентовъ Академіи.

Входя въ положеніе студентовъ Академіи, Вы, Ваше Высокопреосвященство, исходатайствовали для нихъ двадцать пять новыхъ казенныхъ стипендій. Академическое студенчество не забудетъ Вашихъ отеческихъ заботъ.

Благодаря Вашему Архипастырскому ходатайству Высочайше утверждены 1901 года 27 марта новые штаты существующихъ при Казанской Академіи Миссіонерскихъ Курсовъ и положеніе о правахъ и преимуществахъ служащихъ и учащихся тамъ лицъ. При новыхъ штатахъ и правахъ Миссіонерскіе Курсы получили характеръ вполне организованнаго духовно-учебнаго заведенія.

Всегдашнимъ памятникомъ Вашей заботливости о Духовной Семинаріи будутъ тридцать внородческихъ стипендій, исходатайствованныхъ Вашею Архипастырскою заботливостію въ интересахъ мѣстнаго миссіонерства.

Замѣчая неудобства настоящаго помѣщенія Семинаріи, Вы не покидаете мысли о постройкѣ новыхъ зданій и неоднократно ходатайствовали объ этомъ предъ Высшимъ духовнымъ начальствомъ.

Но у подвѣдомственныхъ Вашему Высокопреосвященству духовно-учебныхъ заведеній такъ много нуждъ, что покончить съ ними вуженъ не пятилѣтній срокъ, а многіе годы, при томъ, такой энергичной дѣятельности, какую проявляете Вы, Милостивый Архипастырь. Только благодаря Вашимъ заботамъ, трудамъ и мощному содѣйствію Казанское Мужское Духовное Училище скоро будетъ имѣть новое помѣщеніе вполне соответствующее школьнымъ потребностямъ. Суммы достаточныя для постройки новыхъ классовъ и больница въ количествѣ 8000 руб. заимобразно отпущены изъ средствъ Св. Синода. Новые классы и новая больница явятся великимъ благодѣяніемъ для начальниковъ, наставниковъ и учениковъ училища, помѣщающагося доселѣ въ ветхомъ и тѣсномъ зданіи.

Вы, Ваше Высокопреосвященство, живо поняли другую острую нужду училища и училищныхъ наставниковъ, ограниченныхъ въ средствахъ. Вы дали свое согласіе на учрежденіе при училищѣ Братства для вспоможенія служащимъ и служивымъ въ училищѣ лицамъ и ихъ семействамъ. Не ограничившись этимъ согласіемъ и утвержденіемъ Устава Братства, въ прошломъ 1902 г. Вы, Милостивѣйшій Архипастырь, исходатайствовали у Св. Синода служащимъ въ училищѣ единовременное пособіе въ количествѣ 1000 руб. И въ настоящемъ году Вами возбуждено такое же ходатайство.

Уѣздныя мужскія духовныя училища—Чистопольское и Чебоксарское—также взысканы Вашимъ Архипастырскимъ вниманіемъ. Для перваго изъ нихъ Вашими заботами исходатайствованы средства на достройку и окончательное оборудованіе училищнаго общежитія, для втораго изысканы средства на постройку новаго училищнаго зданія и приспособленіе стараго училищнаго корпуса подъ общежитіе.

На образованіе дочерей казанскаго епархіальнаго духовенства Вы, Владыко, обращали особенное вниманіе и быстро спѣшили здѣсь на помощь всякой нуждѣ. Быстрымъ и цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ давно назрѣвшаго вопроса о преобразованіи и расширеніи Казанское Женское Епархіальное Училище всецѣло обязано инициативѣ и твердой настойчивости Вашего Высокопреосвященства. Съѣздъ духовенства 1899 года, руководимый Вашими мудрыми Архипастырскими совѣтами, изыскалъ средства на расширеніе училищнаго зданія, а 4 сентября 1900 года училище было преобразовано изъ трехкласснаго въ шестиклассное. Небогатое Казанское духовенство могло такъ быстро разрѣшить такую сложную и трудную задачу только благодаря мудрымъ Вашимъ указаніямъ. Вы, какъ Благопечительный Отецъ, обратили свое вниманіе и на другое Казанское училище для дочерей духовенства—Окружное училище. По Вашему предложенію тѣсный храмъ его въ настоящее время распространенъ и заново отдѣланъ и самое училище близко также къ преобразованію изъ трехкласснаго въ шестиклассное.

Всѣмъ извѣстная Ваша Архипастырская благотворительность и отеческая заботливость о бѣдныхъ учащихъ, порученныхъ Вашему покровительству, не обошли ни одного заведенія. Ваши взносы и пожертвованія въ Общество бѣдныхъ студентовъ Акаде-

мія достигаютъ суммы въ 1000 руб.; въ Попечительствѣ о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи они также очень значительны и составили особый капиталъ Имени Вашего Высокопреосвященства; въ Попечительствѣ Казанскаго Мужскаго Духовнаго Училища они превысили 400 руб. Ваша помощь училищу въ неурожайный 1884 годъ положительно не оцѣнима. Тотчасъ по приѣздѣ въ Казань Вы, какъ Заботливый Архипастырѣ, приняли самое дѣлительное участіе при открытіи Попечительства при Женскомъ Епархіальномъ Училищѣ и уже успѣли внести въ его кассу болѣе 600 р.

Ваша щедрость не ограничивалась взносами въ Попечительства. Вы не отказывали въ скорой матеріальной помощи учащимся, лично за нею обращавшимся къ Вамъ. Въ тяжелую годовину, пережитую населеніемъ Казанской епархіи, когда многіе родители, вслѣдствіе недорода хлѣба, очутились въ безвыходномъ положеніи и рѣшительно были не въ состояніи внести деньги за содержаніе своихъ дѣтей, Вы, Владыко, съ истинно-отеческою готовностію поспѣшили на помощь родителямъ и дѣтямъ. Для Женскаго Епархіальнаго Училища Вы ходатайствовали у Святѣйшаго Синода 1000 руб. пособія за покрытіе недоимокъ по содержанію въ училищѣ бѣдныхъ воспитанницъ. Благодаря этому пособию училище вышло изъ крайняго экономическаго затрудненія.

Ваши торжественныя служенія въ училищныхъ храмахъ и душевные отеческія бесѣды навсегда будутъ памятны воспитанникамъ.

Какъ опытный хозяинъ и заботливый покровитель во время своихъ неоднократныхъ посѣщеній подвѣдомственныхъ Вамъ учебныхъ заведеній, Вы обращали свое вниманіе на самыя ихъ зданія и внѣшнюю обстановку учащихся, и замѣтивъ хозяйственныя нужды заведеній, старались затѣмъ при первой возможности помочь имъ своимъ совѣтомъ и ходатайствомъ предъ Высшимъ духовнымъ начальствомъ. И мы знаемъ, что эти ходатайства Ваши тамъ—и личныя и бумажныя—всегда уважались и уважаются, хотя знаемъ также и то, что частыя ваши слезницы, направляемыя Вашимъ Высокопреосвященствомъ къ высшей духовной инстанціи, не могли не доставлять Вамъ иногда и нѣкоторыхъ огорченій. Но всѣ такія огорченія ничуть Васъ не огорчали тамъ, гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи той или другой насущной потребности ввѣренныхъ Вашему Архипастырскому попеченію духовно-учебныхъ заведеній.

Благословенъ Богъ, даровавшій Вашему Высокопреосвященству

крѣпость и силу пройти тридцатипятилѣтіе Вашего достославнаго пастырскаго служенія. Да сподобитъ общій Нашъ Пастыреначальникъ Господь Іисусъ Христосъ,—да сподобитъ Онъ святую Вашу и впредь еще долгіе годы свершать также благопоспѣшно и также многоплодно Ваше Архипастырское служеніе.

— Религіозно-нравственныя чтенія. Въ воскресенье, 9-го февраля, открыты религіозно-нравственныя чтенія въ Озеринской церкви, что на Холодной горѣ. Предъ началомъ чтеній, въ 4 час. вечера, отслужена была торжественная вечерня. Чтенія началъ инспекторъ духовной семинаріи іеромонахъ Мпхалль, который предложилъ слушателямъ православное ученіе „О церкви“. Затѣмъ воспитаникъ VI класса семинаріи Богуславскій прочелъ „Исторію Озеринской иконы Божіей Матери“, въ честь которой сооруженъ храмъ. Въ промежуткахъ между чтеніями пѣлъ два хора—мѣстный и хоръ воспитанниковъ семинаріи. Храмъ былъ переполненъ слушателями. Чтенія здѣсь будутъ вестись каждый воскресный день послѣ вечерни.

— Религіозно-нравственныя чтенія въ воскресенье, 9 февраля, были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ 2-й гимназіи о. Петромъ Впшняковымъ „О 4 заповѣди блаженства Христова“ и помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефировымъ „О страшномъ судѣ“ (о дѣлахъ милосердія); 2) въ Кафедральномъ соборѣ священникомъ о. Іоанномъ Гончаревскимъ „О страшномъ судѣ“ и священникомъ о. Василіемъ Яновскимъ „О плѣнѣ вавилонскомъ“; 3) на паровозостроительномъ заводѣ, на Петинской ул., священникомъ о. Петромъ Свубачевскимъ объясненіе воскреснаго Евангельскаго чтенія и „Житіе св. Θεодосія, Черняговскаго чудотворца“ (его прославленіе и чудеса); 4) на Журавлевкѣ, въ Петро-Павловской церкви, протоіереемъ о. Павломъ Грягоровичемъ „О первомъ членѣ символа вѣры“ и священникомъ о. Андреемъ Щелкуновымъ „О значеніи поста въ дѣлѣ спасенія“; 5) на Заповкѣ, въ Александро-Невской церкви, священникомъ Владиміромъ Шаповаловымъ „О христіанскомъ смиреніи“ и 6) на Холодной горѣ, въ мѣщавской богадѣльнѣ, въ Скорбященской церкви, священникомъ о. Владиміромъ Бусыгинымъ „О кротости“ и „Житіе св. мученика Никифора (прочелъ воспитаникъ семинаріи Василій Бесѣда). Всѣ эти чтенія велась послѣ вечерни, которая обычно совершается въ 4 час. пополудни.

— Религіозно-нравственныя чтенія въ воскресенье 16 февраля были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ Харьковскаго коммерческаго училища о. Іоанномъ Филевскимъ „О 5 заповѣди блаженства Христова“ и „Житіе св. Фларета Милостиваго“; 2) на паровозостроительномъ заводѣ, на Петинской ул., священникомъ Николаемъ Шосте „О церкви“ (основаніе ея, составъ и существенныя свойства); 3) на Заяковкѣ, въ Александро-Невской церкви, священникомъ о. Владиміромъ Шаповаловымъ „о второй заповѣди блаженства“ (святоотеческое ученіе о слезахъ); 4) на Журавлевкѣ, въ Петро-Павловской церкви, инспекторомъ классовъ харьковскаго епархіальнаго женскаго училища о. Іоанномъ Котовымъ „о великопостномъ богослуженіи“ и священникомъ о. Іоанномъ Петровскимъ „о покаяніи“; 5) въ кафедральномъ соборѣ настоятелемъ протоіереемъ Любвицкимъ „о паденіи Адама“; 6) на Холодной горѣ, въ мѣщанской богадѣльнѣ священникомъ о. Николаемъ Жебняевымъ „о 4 заповѣди блаженства“ и „житіе св. муч. Памфіла“ (прочелъ воспитанникъ семинаріи Г. Ястремскій). Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 4 час. пополудни.

Религіозно-нравственныя бесѣды при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.

Издавна въ Спасо-Преображенской церкви г. Харькова по Воскресеньямъ послѣ вечерни предлагались молящимся поученія и религіозно-нравственныя чтенія. Съ начала же прошлаго 1902 года дѣло это мѣстными священниками съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана, поставлено болѣе широко. Совершаются вечерни торжественныя съ участіемъ церковнаго хора и любителей. Бесѣды предлагаются мѣстными священниками съ участіемъ законоучителя 2-й мужской гимназіи о. П. Вишнякова, епархіальнаго миссіонера Д. И. Боголюбова, Епархіальнаго наблюдателя школъ В. Ѳ. Давиденко и инспектора Епархіальнаго училища о. И. Котова. Поставлено цѣлю вести бесѣды библейскія, на почвѣ изъясненія избранныхъ мѣстъ Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта и особенно Евангелія. На раннихъ воскресныхъ литургіяхъ о. П. Ѳомиинъ ведетъ изъясненіе нагорной бесѣды Спасителя по Евангелію отъ Матѳея, а на вечерняхъ объясняетъ другія бесѣды Спасителя и избранныя мѣста книги Іисуса сына Сирахова. О. П. Вишняковъ изъясняетъ евангельское ученіе о постѣ, смиреніи,

незлюбѣ, о молитвѣ Господней, и обличительную проповѣдь Спасителя на фарисеевъ. О. М. Румяпцевъ ведетъ бесѣды о храмѣ и обязанностяхъ въ отношеніи къ нему. Остальные проповѣдники взяли на себя трудъ изъясненія Евангеліальскаго ученія о прощеніи, православнаго догмата о почитаніи Св. вѣковъ и Животворящаго Креста Господня. Провносятся поученія и слова на общія темы, такъ о. Ѳомиаъ, въ формѣ живой импровизаціи, произносилъ слова: „о страхѣ Божіемъ и воспитаніи дѣтей“, объ уколѣ за престарѣлымъ родителями, о доброй женѣ, о добромъ мужѣ, о пагубности пьянства, объ обществахъ трезвости, о силѣ добра, о совѣсти и судѣ Божіемъ. Послѣ таковыхъ вечеровъ происходитъ обученіе хорошему пѣнію молитвъ всѣхъ молящихся. Опытъ весьма удался и теперь общенародное пѣніе совершается здѣсь нерѣдко хоромъ человекъ 500—600. Кромѣ этого предпринято здѣсь послѣ вечерни возможно болѣе широкое распространеніе въ приходѣ проповѣдническихъ листовъ. Теперь, послѣ каждой вечерни, раздается молящимся свыше 500 „Троицкихъ кважекъ и листовъ“. Народъ съ глубокою благодарностію принимаетъ эти листки, придаетъ имъ провиденціальное значеніе и чтитъ ихъ въ своихъ семьяхъ, съ благоговѣніемъ храня ихъ возлѣ св. вѣковъ.

При сей же Спасо-Преображенской церкви, съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана, возникаетъ пока въ скромныхъ размѣрахъ Общество трезвости для борьбы съ пьянствомъ и для распространенія началъ трезвой жизни въ окружающей средѣ. Общество посвящается имени Св. прор. Іоанна Крестителя съ своимъ Храмовымъ праздникомъ 7 января. Уставъ Общества выработанъ: Общество будетъ носить церковно-приходской характеръ. Въ недалекомъ будущемъ, по утвержденіи Устава подлежащую властію, послѣдуетъ открытіе Общества. Въ члены общества принимаются и иноприходные. Общество будетъ функционировать и въ благотворительномъ смыслѣ. Средства для борьбы съ пьянствомъ, помимо тѣхъ, какія укажутъ практика и жизнь, намѣчены слѣдующія: усердное и частое участіе трезвенниковъ въ церковныхъ богослуженіяхъ, торжественные молитвенные обѣты трезвости; церковныя и частныя бесѣды о пагубности пьянства; взаимная поддержка другъ друга, организація общедоступныхъ чтеній о трезвости, обученіе трезвенниковъ грамотѣ, воскресная школа трезвенниковъ, бібліотека съ читальней, чайная Общества, возможно практическое обученіе трезвенниковъ ремесламъ и прп-

кладнымъ знаніямъ, паломничества и т. п. Члены помогаютъ Обществу своими членскими взносами и одновременными жертвами. Управляется Общество Совѣтомъ подъ наблюденіемъ Владыки. Проповѣди о возникающемъ Обществѣ произносятся въ Спасо-Преображенской церкви на литургіяхъ и воскресныхъ вечерняхъ. Интересующіеся возникающимъ благимъ дѣломъ обращаются къ священнику Петру Фомину (Единодѣрческая улица, № 3)



Константинъ Николаевичъ Сильченковъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Умолкла цѣвница, которая возглашала, Спаситель нашъ,
слова Духа Святаго.

Да огласитъ она чертогъ Твой!

Умолкла громкая цѣвница, возглашавшая Законъ Твой;
безмолвной сдѣлала ее смерть.

Да возгремитъ она на брачной вечери Твоей!

Привержень оный былъ въ истинѣ и другимъ возвѣщалъ
правое ученіе.

Да защититъ его истина Твоя; да покроетъ его
правое ученіе Твое въ часъ откровенія Твоего!

Съ тѣмъ же упованіемъ, какое имѣли святые отцы отъ
нѣба, усердно трудился оный.

Да упокоится же оный въ пристани Твоей!

Хвала Тебѣ Господи, слава Отцу Твоему, поклоненіе
и прославленіе Святому Духу Твоему во все времена!

(Изъ твор. св. Ефрема Сиріина).

20 февраля текущаго года послѣ папутствія Св. Таинствъ скончался преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи Константинъ Николаевичъ Сильченковъ. Покойный былъ сынъ священника въ одномъ изъ селъ Воронежской губерніи. По окончаніи курса въ Воронежской Духовной Семинаріи К. Н-чъ въ 1889 году поступилъ въ Московскую Духовную Академію, въ которой помимо общеобязательныхъ предметовъ, изучилъ еще полный курсъ спеціальныхъ, именно: исторію и разборъ западныхъ исповѣданій, исторію и обличенію русскаго раскола, общую гражданскую и русскую исторію, латинскій языкъ и его словесность и нѣмецкій языкъ. При неутотитомъ трудолюбіи и прекрасныхъ дарованіяхъ оный во все время образованія своего въ Академіи занималъ первое мѣсто въ разряд-

номъ списокѣ студентовъ Академіи, и потому при окончаніи курса Совѣтомъ Академіи былъ удостоенъ степени кандидата Богословія и утвержденъ въ ней съ правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устного экзамена. Какъ лучший студентъ своего курса, онъ былъ оставленъ при Академіи профессорскимъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорской кафедрѣ. Въ 1894 г. въ февралѣ, за неимѣніемъ свободной кафедры при Академіи, К. Н-чъ былъ опредѣленъ преподавателемъ Богословія въ Харьковскую Духовную Семинарію. Какъ прекрасному знатоку французскаго языка (покойный былъ женатъ на французкѣ, имъ же самимъ обращенной въ православіе), К. Н-чу Правленіемъ Семинаріи было поручено преподаваніе французскаго языка въ Семинаріи. Въ 1896 г. за представленное въ Совѣтъ Академіи сочиненіе Прощальная Бесѣда Спасителя съ учениками, К. Н-чъ былъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи и утвержденъ Святейшимъ Синодомъ въ степени магистра Богословія.

Роковая болѣзнь, сведшая К. Н-ча въ могилу, чахотка, издавна подтачивала силы его, и онъ таялъ какъ свѣча, такъ что и для него самого и для всѣхъ знавшихъ и полюбившихъ его лицъ съ каждымъ днемъ становилось яснѣе и яснѣе, что жизнь его постепенно угасала. Такимъ образомъ смерть не застала К. Н-ча не подготовленнымъ къ ней. Въ послѣдніе дни жизни своей онъ нѣсколько разъ причащался Св. Таинъ, приобщился онъ ихъ и за три часа до смерти.

Личность К. Н-ча какъ преподавателя хорошо извѣстна его сослуживцамъ и ученикамъ. Поэтому говорить что нибудь о немъ въ этомъ отношеніи совершенно излишне. Достаточно замѣтить здѣсь только, что по богатству познаній своихъ и серьезному отношенію къ преподавательскому дѣлу ему слѣдовало-бы занимать мѣсто не учителя Семинаріи, а профессора въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи. Излишне здѣсь говорить и о личныхъ, частныхъ отношеніяхъ почившаго къ своимъ сослуживцамъ и воспитанникамъ, въ которыхъ (отношеніяхъ) ярко обнаруживались обаятельныя качества души почившаго. Это былъ, какъ всѣ мы знаемъ, востяпу благороднѣйшій человекъ, который всегда умѣлъ отдать должную дань чужому мнѣнію и стоялъ выше разныхъ мелочей, такъ часто влетающихъ въ нашу жизнь. Мы напомнимъ здѣсь объ удивительной въ наше время глубокой религіозности почившаго и необыкновенной отзывчивости его на вопросы и явленія современной религіозно—нравственной жизни. Онъ не только слѣдилъ за ними, обсуждалъ ихъ въ бесѣдахъ съ близкими къ нему лицами, но еще не смотря на свой злой недугъ, находилъ время и силы печатно отзываться о нихъ какъ это извѣстно читателямъ „Вѣры и Разумъ“ и другихъ Богословскихъ

журналовъ. При обсужденіи и освѣщеніи этихъ вопросовъ К. Н-чъ всегда стоялъ на строго—православной почвѣ. Это былъ убѣжденный православный христіанинъ, истинный слуга Христовъ, всецѣло возлюбившій истину—Христову и служившій ей не щадя ни силъ своихъ, ни здоровья, пока, какъ созрѣвшій плодъ, не былъ взятъ рукою Господа въ тотъ міръ, гдѣ сіяютъ не вечерній свѣтъ небснаго царствія.

21 февраля въ 8 ч. утра, послѣдовалъ выносъ покойнаго К. Н-ча изъ его квартиры въ Семинарскую церковь о. Ректоромъ, протоіереемъ І. Знаменскимъ, о. Инспекторомъ и о. Духовникомъ Семинаріи. Заупокойную литургію и чипъ погребенія совершилъ совмѣстно съ Семинарскимъ духовенствомъ и ключаремъ собора Преосвященнѣйшій Владыка Стефанъ. Величественное Архіерейское служеніе съ особенною силою было лучшія стороны души лицъ бывшихъ въ храмѣ, и потому все стоявшіе вокругъ гроба товарищи и ученики покойнаго съ особеннымъ чувствомъ молились объ упокоеніи души благороднѣйшаго челоука, талантливаго и благожелательнаго преподавателя и истиннаго христіанина. Теперь, когда волненіе душевное, вызванное смертію К. Н-ча, немного успокоилось, мы не можемъ не принести отъ лица всей Семинарской корпораціи глубочайшей благодарности Владыкѣ Стефану за то вниманіе, которое онъ проявилъ къ Семинаріи, прибывши помолиться надъ тѣломъ скромнаго по положенію преподавателя Семинаріи и напутствовать его въ міръ загробный. Въ наше время, когда такъ часто забываютъ, что воспитаніе и наука важны для общества не тѣмъ, что даютъ разнаго рода привиллегіи, а тѣмъ, что имѣютъ въ себѣ свойство поддерживать подъемъ духа воспитанниковъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ, поневнѣшъ поучительно было видѣть какъ нашъ іерархъ въ воспоминаніе о трудовой дѣятельности почившаго и въ назиданіе всемъ учащимъ и учащимся благоволилъ раздѣлить скорбь Семинарской семьи и выразилъ это совершеніемъ заупокойной литургіи и отпѣваніемъ почившаго К. Н-ча. Да продлитъ Господь жизнь Владыки за это на многіе годы.

На Божественной литургіи во время причастна память почившаго почтилъ слѣдующимъ словомъ преподаватель Семинаріи С. И. Чистосердовъ.

„Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ—кое есть, да разумно, что лишаяся азъ“ (Псал. 38, ст. 5).

Всякій разъ, когда смерть напоминаетъ о себѣ своимъ грознымъ и неожиданнымъ похищеніемъ кого либо изъ среды нашей,—самъ собою вырастаетъ вопросъ о смерти,—вопросъ роковой для каждаго изъ насъ,—

вопросъ неизбежный, вѣчный, такой вопросъ, который самую неизвѣстностью своею смущаетъ нашъ духъ. Въ жизни много бываетъ скорбей и неудачъ, разныхъ бѣдъ и тревогъ, безысходныхъ нуждъ и невыразимыхъ страданій: но во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, какъ бы ни были они тяжелы и безнадежны, всегда остается лучъ надежды, вызывающій человека на борьбу съ ними, всегда остается искра огня въ сердцахъ, ободряющая насъ, хотя бы и неосуществимой на дѣлѣ возможностью, что вотъ еще немного подождать и потерпѣть,—и бѣда пройдетъ, положеніе измѣнится къ лучшему, обстоятельства жизни улыбнутся счастьемъ! И вѣтъ на землѣ такого состоянія, гдѣ бы не было надежды на возможность выйти изъ него. Но вопросъ о смерти не можетъ обольщать насъ никакими надеждами.

Во всемъ человекъ можетъ сомнѣваться и все отрицать, но не было еще случая, чтобы кто-либо изъ людей могъ усумниться въ дѣйствительной неизбежности своей собственной смерти! Эта истина выше даже всякой возможности сомнѣнія въ ней: съ каждымъ вздохомъ, съ каждымъ ударомъ сердца, съ каждымъ мгновеніемъ своего существованія на землѣ мы идемъ неизбежной дорогой къ осуществленію ея, мы приближаемся къ своей цѣли—къ своей смерти. Да, смерть неизбежна для каждаго изъ насъ, и эта то неизбежность свидѣтельствуетъ намъ о беспомощности нашей противъ нея.

Стоя предъ гробомъ невольно скажешь въ душѣ: жалкій человекъ въ своей беспомощности!.. Страшить насъ такая беспомощность,—страшить она ужасомъ самой смерти, которая безпощадно истребляетъ все.

Страшить насъ смерть и самую неизвѣстностью за гробомъ. „Никто не оживалъ, чтобъ намъ сказать, что чувствуютъ, что мыслятъ тамъ отцы, сунуруги, дѣти... И таинъ жизни за могилой никто не въ силахъ разгадать“...

Мрачна могила, грозенъ послѣдній часъ. Но этотъ мракъ ужасенъ тамъ, гдѣ вѣры вѣтъ, гдѣ править всѣмъ порокъ и заблужденіе. Душа же вѣрующаго озарена божественнымъ свѣтомъ среди ужасовъ смерти, и аще пойдетъ посреди сѣни смертной, не убоится зла, п. ч. она въ Богъ... Смерть теряетъ грозный видъ для человека глубоко-вѣрующаго. Не страшитъ путь смертный, не страшитъ могила того, кто проникнуть вѣрой во Христа! Этотъ путь уже освещенъ: имъ шелъ нашъ Искупитель, безконечно возлюбившій насъ. Не страшны и болѣзнь смерти тому, кто сердцемъ взиралъ на распятаго за насъ Страдальца, ибо что значать нашъ страданья, если сравнить ихъ съ тѣмъ, что претерпѣлъ за насъ нашъ Спаситель на Крестѣ.

Тотъ спокойно встрѣчаетъ смерть, кто въ жизни своей не зарывалъ данныхъ ему отъ Бога талантовъ, но возрасталъ и совершенствовался духовно, руководимый закономъ Христовымъ.

Что же скажемъ мы объ отношеніи къ смерти почившаго? Какъ назовемъ мы его жизненный путь? Поистинѣ, смерть была для него пріобрѣтеніемъ. „Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть“, вотъ постоянный вопль его возвышенной христіанской души. Этими словами псалмопѣвца, этимъ постояннымъ памятованіемъ о конечной цѣли своего земного странствованія опредѣлился я весь путь жизни нашего почившаго сослуживца.

Его жизненный путь всегда былъ залогомъ того блаженнаго пути, на который теперь вступила душа усопшаго. Вся жизнь его, насколько она была открыта для насъ, является самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ того, что почившій былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, истиннымъ христіаниномъ.

Не вѣра-ли живая и сердечная, служила для него свѣточемъ на жизненномъ пути? Не добродѣтель-ли была цѣлью его жизни? Не любовь-ли къ Богу и ближнимъ лежала въ основаніи всей его дѣятельности, которой онъ всецѣло посвящалъ свой богатоодоренный умъ, многообразныя знанія и прекрасныя качества своего сердца и воли. Кто изъ насъ не знаетъ объ его успешныхъ умственныхъ занятіяхъ, протекавшихъ не изъ честолюбиваго желанія пріобрѣсти извѣстность, а столько-же изъ за любви къ знанію, сколько и изъ стремленія оказать посильную помощь другимъ. Такое-же доброе употребленіе постоянно дѣлалъ онъ и изъ прекрасныхъ качествъ сердца и воли. Щедро надѣлала его этими качествами природа, прекрасно развила и направляла ихъ онъ самъ. Доброта, теплота души, готовность быть полезнымъ для своихъ ближнихъ, служить имъ: таковы отличительныя качества его сердца. И не зарывалъ онъ къ земле этихъ талантовъ; не замыкался самолюбиво съ своими добрыми качествами въ себѣ самомъ, а всецѣло посвящалъ ихъ на пользу близкихъ. Въ горячемъ желаніи принести посильную пользу лицамъ, интересующимся вопросами религіи, пролить свѣтъ и разъяснить существующія въ области Богословія недоразумѣнія и тѣмъ оградить и укрѣпить „слабыхъ духомъ“ просиживалъ онъ иногда цѣлыя ночи надъ изложеніемъ своихъ богословскихъ взглядовъ и мнѣній, не щадя и безъ того недорвапнаго здоровья.

Училъ онъ истинамъ вѣры и нравственности не наукою только,—но и своею жизнью. Его жизнь была подтвержденіемъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ началъ, какія излагалъ онъ съ кафедры предъ учащими, по обязанности наставника. Эта жизнь въ Богѣ и служитъ основаніемъ того

высокоправственнаго настроенія, которое проникало всю жизнь почившаго, выражаясь при этомъ въ глубочайшемъ смиреніи. Довольство своимъ скромнымъ положеніемъ, проистекавшее изъ полной преданности Промыслу Божию, опредѣляющему жребій человѣческой, было самою видною чертою его отношеній къ самому себѣ, къ своему положенію.

Послѣднее время его жизни весьма ясно свидѣтельствуетъ о его высокой настроенности о великой преданности волю Божіей. Господь судилъ ему пести тяжелый крестъ продолжительной тяжкой болѣзни. Но никогда не было слышно отъ него ропота на этотъ крестъ; никогда въ разказахъ его о своей болѣзни мы не слышали ни раздраженія, ни нетерпѣнія. Всегда была видна такая покорность и преданность волю Божіей, такое невозмутимое спокойствіе, что казалось, онъ ведетъ рѣчь о чужихъ недугахъ, и не тяжкихъ недугахъ. А то спокойствіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на приближавшійся часъ смертный, ясно говоритъ намъ, что умъ его вѣрилъ въ отрадныя степи вѣчной жизни и воскресенія, а въ этой вѣрѣ находилъ оружіе противъ страха смерти. Многократное очищеніе себя отъ грѣховъ исповѣдью и приобщеніемъ св. Тѣла и крови Хр. въ послѣдніе дни ясно свидѣтельствуютъ, что усопшій нашъ сослуживецъ искалъ себѣ оправданія и очищенія отъ грѣховъ въ крестныхъ заслугахъ Божественнаго Искупителя.

Послѣ этого можно спросить: скорбѣтъ-ли намъ только у гроба сего? Не всякій-ли и изъ насъ пожелаетъ себѣ такой многоплодной жизни, при ея чрезмѣрной краткости,—а главное такой христіанской кончины? По истинѣ, угодна Господу душа его: почему и взялся онъ отъ среды лукавствія въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Возлюбленный собратъ и товарищъ! Не вѣнецъ похвалъ намѣревался я сплести тебѣ настоящимъ словомъ, вѣдь похвалы не нужны тебѣ. Подвинула меня къ этому слову личная къ тебѣ любовь, слышавшая съ любовью къ тебѣ нашихъ общихъ сослуживцевъ. Цвѣтокъ общей любви да увѣл-часть твою главу, служа залогомъ нашего непрестающаго общенія, *ибо любви николиже умираетъ.*

Выраженіемъ этой нашей любви къ тебѣ пусть будетъ выполненіе твоей послѣдней, безмолвной просьбы, влагаемой въ твои уста св. Церковью: „всѣхъ прошу я и молю, взымаешь ты, непрестанно о мнѣ молиться Христу Богу .., да вчлнитъ мя ядѣже свѣтъ животный“.

Мы вѣруемъ, что со духа праведныхъ почиетъ душа твоя и ты услышишь сладчайшій гласъ Господа—Вседержителя: „раба благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю: види въ радость Господа твоего. Амнь“.

Предъ отпѣваніемъ же обратился къ почившему съ слѣдующею рѣчью воспитанникъ 6 кл. Платоновъ.

Дорогой наставникъ!

Еще не много времени, еще нѣсколько молитвенныхъ вздоховъ о тебѣ, — и мы въ послѣдній разъ дадимъ тебѣ цѣлованіе нашей любви; еще, затѣмъ, нѣсколько мгновеній—и грозно прозвучитъ тотъ роковой глаголъ времени, когда ты будешь пріянять холодной землей и скроешься на вѣки отъ нашихъ взоровъ. Въ этотъ то торжественный для твоей души и печальный для всѣхъ насъ моментъ нельзя удержаться отъ того, чтобы не запечатлѣть въ послѣдній разъ и навсегда твоего духовнаго облика такимъ, каковъ онъ остался у насъ послѣ твоего послѣдняго свиданія съ нами. Конечно, не мнѣ слабую характеризовать твою личность: на это не хватитъ у меня ни силъ, ни умѣнія: я вкратцѣ лишь скажу о томъ, каковы чувства ты оставилъ въ насъ, твоихъ ученикахъ, по своемъ отшествіи.

Прежде всего чувство уваженія къ тебѣ, какъ образцу въ терпѣливомъ обхожденіи съ нами. Вотъ припоминается мнѣ по этому случаю одинъ изъ твоихъ уроковъ, по характеру болѣею частію между собою сходныхъ. Поднимается кто то изъ учениковъ и проситъ тебя разрѣшить его недоумѣніе. Ты отвѣчаешь... по видно не сразу понимаютъ тебя, не тотчасъ обнимаютъ со всѣхъ сторонъ тотъ предметъ, о которомъ говоришь ты,— почему вновь вопросъ за вопросомъ предлагаютъ тебѣ, представляютъ возраженіе за возраженіемъ... Тяжелая работа предстоитъ въ такомъ случаѣ; вѣдь и на этотъ вопросъ необходимо полно, точно отвѣтить, и тотъ не оставить безъ надлежащаго разсмотрѣнія; трудно разобраться не волнуясь въ предлагаемомъ противорѣчивомъ матеріалѣ и здоровому человѣку... А ты былъ боленъ. . Твой продолжительный и изнурительный недугъ казалось бы давно долженъ надломить твою крѣпкую волю, сдѣлать тебя нетерпѣливымъ и чрезъ то неспособнымъ безпристрастно отнестись къ предлагаемымъ вопросамъ... Но ты внимаешь имъ, ты терпѣливо разспрашиваешь то одно недоумѣніе, то другое, вносишь свѣтъ въ смущенную душу, разрѣшая запросы пытливаго ума...

Такое отношеніе возбуждало въ насъ смѣлость говорить съ тобой, такъ что рѣдкій изъ уроковъ твоихъ проходилъ безъ оживленныхъ бесѣдъ. Но очень можетъ быть, что иногда мы увлекались ревностію не по разуму, можетъ быть злоупотребляли твоимъ добрымъ отношеніемъ къ запросамъ нашего ума и сердца, доставляли тебѣ непріятныя минуты, тѣмъ самымъ можетъ быть усугубили твою болѣзнь, поэтому, здѣсь предъ гробомъ, отъ души

просимъ себѣ прощенія: „прости намъ, нашъ дорогой страдалецъ; забудь, терпѣливецъ, наши оскорбленія“!..

Но не однимъ терпѣніемъ ты возбуждаешь въ насъ уваженіе—нѣтъ; помнимъ и не забудемъ того, какъ ты въ каждомъ несовершенномъ нашемъ отвѣтѣ на свой вопросъ,—отвѣтѣ, гдѣ было лишь слабое напоминаніе вѣрной мысли,—ты умѣлъ найти и развить полностью дѣйствительное рѣшеніе; ты ободрялъ насъ этимъ, возбуждалъ болѣе сильное желаніе ожидать твоихъ новыхъ вопросовъ и рѣшать ихъ.

Ты, затѣмъ, старался находить въ насъ все доброе, все высокое, все благородное; ты съ сожалѣніемъ высказывалъ свое разочарованіе по поводу того или другого дурного нашего поступка; ты не могъ удержаться отъ радости, когда видѣлъ, что мы или предполагаемъ сдѣлать что нибудь доброе или уже сдѣлали и конечно всѣми силами своего больного организма старался поддерживать это доброе и укрѣплять его... Ты старался видѣть въ насъ юношей, не слѣпо повинующихся авторитету другихъ, или твоему, проносящихся за тобою безъ разсужденія тотъ или иной приговоръ чему либо—нѣтъ, ты обращался къ нашему „я“, старался его вызвать къ дѣятельности, всѣмъ показывалъ, что хочешь нашего свободнаго отношенія къ тому, что читали мы бывало въ классѣ, вывода о немъ нашего личнаго.

Сказать-ли о томъ, каковъ былъ ты у себя, когда мы по какому либо дѣлу приходили къ тебѣ.

Тамъ вовсе не было официальнойности, тамъ мы говорили съ тобою, какъ съ хорошимъ знакомымъ, чувствовали себя вполне дома, такъ что уходя отъ тебя постоянно говорилъ: „хорошо къ нему ходить, прелесть онъ насъ принимаетъ!“

Наконецъ, долженъ ты стяжать уваженіе своею строгостью и взыскательностію, этими свойствами своей педагогической дѣятельности по отношенію къ намъ. Сими свойствамъ ты остался вѣренъ до конца, потому что сознавалъ ихъ значеніе, потому что считалъ ихъ проявленіемъ своей любви къ намъ. Ты понималъ, что цѣлью твоей дѣятельности должно быть наше благо, воспитаніе въ насъ добрыхъ началъ; потому показывалъ намъ дѣлать, что любовь не сажаетъ смѣшивать со слабостью, которая потворствуетъ дурнымъ наклонностямъ человѣка, которая болѣе прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для исправленія порочныхъ; ты показывалъ поэтому, что здравая любовь можетъ быть строга и бдительна только бы при посредствѣ ея предохранялись питомцы отъ увлеченія дурнымъ. Такъ что за эту строгость и взыскательность ты по истинѣ достоинъ нашего уваженія и почтенія. Но такъ какъ по ученической слабости мы тебя часто

въ этомъ отношеніи не понимали; такъ какъ нашей лѣни порою были непріятны твои сіи добрыя качества; такъ какъ мы часто учебными своими неудачами доставляли тебѣ много непріятностей, то во имя той любви, ученіе о которой ты намъ много разъ излагалъ, прости доставляемыя намъ тебѣ такія непріятныя минуты!... Когда-же предстанешь предъ престоломъ Господа Славы, Праведнаго Мздовоздаятеля, то во имя той-же любви, помолись за насъ, да просвѣтитъ Господь нашъ умъ, да вразумитъ наше сердце, да направитъ Онъ на благое нашу волю!... Мы же, въ свою очередь, такъ какъ самъ ты теперь нуждаешься въ молитвенной нашей помощи, помолимся отъ всего сердца любящему всѣхъ Богу о твоёмъ упокоеніи: „со святыми упокой, Христе душу раба Твоего Константина, идѣже нѣсть болязнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“... А если у гроба этого позволительно и земное выраженіе признательности тебѣ предъ разлукой съ тобою, то вотъ тебѣ нашъ отъ сердца земной поклонъ.

По окончаніи отпѣванія тѣло усопшаго было вынесено изъ храма на рукахъ учениками его и при пѣніи „Святый Боже“ препровождено на Холодпоторское кладбище при участіи Семинарскаго духовенства, а также о. инспектора классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, въ сопровожденіи всей Семинаріи и многочисленнаго народа. На гробъ покойнаго были возложены вѣнки отъ сослуживцевъ его и отъ воспитанниковъ.

Многіе изъ бывшихъ учителей покойнаго Константина Николаевича состоятъ въ санѣ іереевъ и совершаютъ безкровную жертву у престола Божія. Да вознесутъ они свои усердныя молитвы къ милосердному Богу объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Константина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Куреккой губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІЮТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

для чтенія въ христіанской семьѣ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній. АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Мясницкая, домъ Николаевской церкви.

За 4 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой въ 1903 г. будетъ дано: 52 №№ журнала иллюстрированнаго, въ объемѣ 1½ печатныхъ листовъ, большого формата каждый по слѣдующей программѣ: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. Въ виду неоднократныхъ заявленій многихъ подписчиковъ о назрѣвшей нуждѣ въ популярныхъ чтеніяхъ по русской исторіи, въ слѣдующемъ году **БУДЕТЬ ВВЕДЕНЪ НОВЫЙ ОТДѢЛЪ**. „Чтенія въ школь“ 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ и отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значеніе. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святинь. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Вѣроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

52 №№ газеты „Современная лѣтопись“ по слѣдующей программѣ: 1) Статья по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальныхъ начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь заграничьемъ. 6) Разныя извѣстія.

Кромѣ этого, въ 1903 г. будутъ даны слѣдующія приложенія:

52 №№ „Воскресныхъ листовъ“, пріобрѣтшихъ такую извѣстность, что ихъ каждый годъ расходится нѣсколько милліоновъ экземпляровъ. „Въ Воскресныхъ Листкахъ“ будутъ помѣщаться простые назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравственными приложеніями для простого народа.

12 книгъ поученій „Пастырскія Назиданія“ на всѣ воскресные и праздничные дни. Книжки „Пастырскія назиданія“ будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до произнесенія поученій въ Церкви.

12 книгъ виѣбогослужевъ. бесѣдъ „Воскресный Собесѣдникъ“. Содержаніемъ бесѣдъ будетъ объясненіе молитвы Господней и евангельскихъ заповѣдей блаженства съ нравственными уроками, примѣрами изъ жизни святыхъ и обыденной жизни.

Подписывая цѣна на „Воскресный День“ со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой, въ годъ 4 руб., на ½ года 2 р. 50 к. Благодѣтельные, выписывающіе журналъ не менѣе 10 экз., получаютъ еще 11 экз. бесплатно. Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые девять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борковъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гегте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертековскаго.—„Явнчество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная алогія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О славянскомъ змѣѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣллева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественнаго.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Герскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О покой воскреснаго дня“. Доктора А. Бѣллева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. Б. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о сваяхъ Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаци“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, С. Глаголева, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линидяго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова, Г. Струве и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жакв и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Статскій Совѣтникъ, Константинъ ИСТОМИНЪ.